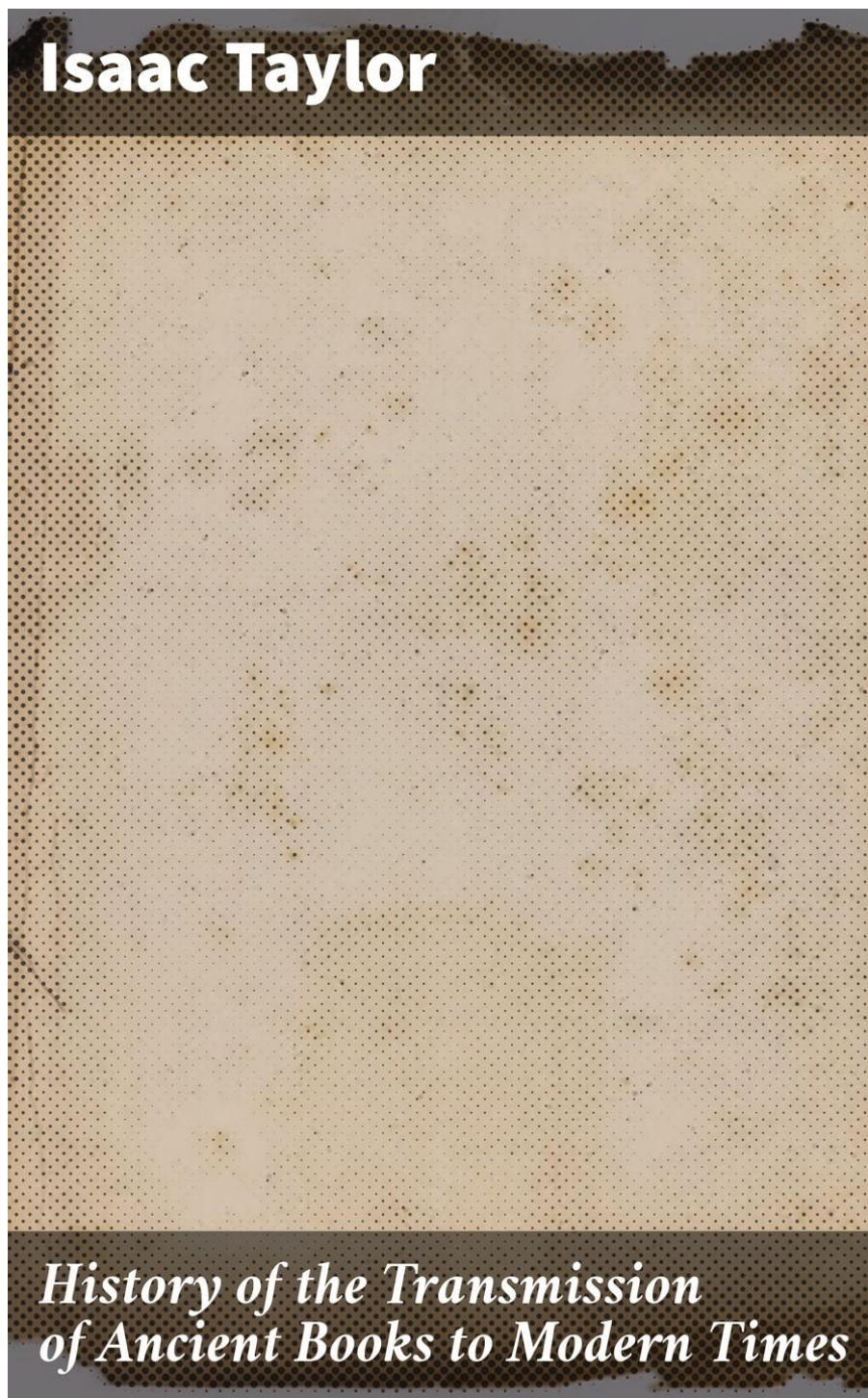

История передачи древних книг в наше время

Исаак Тейлор

Исаак Тейлор

История передачи древних книг в наше время

Вместе с процессом исторического доказательства

Опубликовано Good Press, 2022

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ГЛАВА I. ЦЕЛЬ НАСТОЯЩЕГО АРГУМЕНТА.

ГЛАВА II. ИЗЛОЖЕНИЕ ДЕЛА ОТНОСИТЕЛЬНО ПОДЛИННОСТИ ДРЕВНИХ КНИГ.

ГЛАВА III. ДАТЫ ДРЕВНИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВЫВЕДЕННЫЕ ИЗ ЦИТАТ И УПОМИНАНИЙ
СОВРЕМЕННЫХ И ПОСЛЕДУЮЩИХ АВТОРОВ.

ГЛАВА IV. О ДРЕВНОСТИ И ПОДЛИННОСТИ ДРЕВНИХ КНИГ МОЖНО СДЕЛАТЬ ВЫВОД ИЗ
ИСТОРИИ ЯЗЫКОВ, НА КОТОРЫХ ОНИ СОХРАНИЛИСЬ.

ГЛАВА V. ДРЕВНИЕ СПОСОБЫ ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КНИГ.

МАТЕРИАЛЫ ДРЕВНИХ КНИГ.

ПИСЬМЕННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ЧЕРНИЛА.

ГЛАВА VI. ИЗМЕНЕНИЯ, ВНЕСЕННЫЕ С ТЕЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ В ФОРМЫ БУКВ И В ОБЩИЙ
ХАРАКТЕР ПИСЬМА.

ФОРМА ДРЕВНИХ КНИГ И ИХ ИЛЛЮСТРАЦИИ.

ГЛАВА VII. ПЕРЕПИСЧИКИ; И ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ КОПИРОВАЛЬНОГО БИЗНЕСА.

ГЛАВА VIII. УКАЗАНИЯ НА СОХРАНЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТЕЧЕНИЕ ПЕРИОДА, ПРОСТИРАЮЩЕГОСЯ ОТ УПАДКА УЧЕНОСТИ В СЕДЬМОМ ВЕКЕ ДО ЕЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ В ПЯТНАДЦАТОМ.

ГЛАВА IX. ВОЗРОЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ЧЕТЫРНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

ГЛАВА X. НЕСКОЛЬКО МЕТОДОВ, ДОСТУПНЫХ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ДРЕВНИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДОВ.

ГЛАВА XI. ИСКЛЮЧЕНИЯ, КОТОРЫМ МОГУТ СООТВЕТСТВОВАТЬ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОРИКОВ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ПУНКТАМ.

ГЛАВА XII. ПОДТВЕРЖДЕНИЯ СВИДЕТЕЛЬСТВ ДРЕВНИХ ИСТОРИКОВ, ПОЧЕРПНУТЫЕ ИЗ НЕЗАВИСИМЫХ ИСТОЧНИКОВ.

ГЛАВА XIII. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ, ПРИМЕНИМЫЕ К ВОПРОСАМ ПОДЛИННОСТИ ДРЕВНИХ ЗАПИСЕЙ.

ГЛАВА XIV. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ СИЛА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИХ ПОДЛИННОСТЬ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ.

ГЛАВА XV. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРЕДЫДУЩИМ УТВЕРЖДЕНИЯМ: — УТРО В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ.

ГЛАВА XVI. ФАКТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ СОХРАНЕНИЯ И ПОЗДНЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ.

ГЛАВА XVII. ПРОЦЕСС ИСТОРИЧЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ, ИЛЛЮСТРИРУЕМЫЙ ПРИМЕРОМ ГЕРОДОТА.

ГЛАВА XVIII. МЕТОД АРГУМЕНТАЦИИ ОТ ПОДЛИННОСТИ К ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОРИИ ГЕРОДОТА.

ГЛАВА XIX. ПРИМЕРЫ НЕСОВЕРШЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ: ГЕРОДОТ.

ГЛАВА XX. НЕДАВНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ИСТИННОСТЬ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ: ГЕРОДОТ И БЕРОЗ.

ГЛАВА XXI. ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, ОСНОВАННЫЕ НА ВЫВОДАХ.

ГЛАВА XXII. СОВРЕМЕННЫЙ ИЕРУСАЛИМ — ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЛИТЕРАТУРЕ ЕГО ДРЕВНИХ ОБИТАТЕЛЕЙ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Содержание

В этом томе две книги, вышедшие более тридцати лет назад и давно вышедшие из печати, объединены в одну. Вторая из них — “Процесс исторического доказательства” - была, по сути, продолжением первой — “Истории передачи древних книг в новое время”. При переиздании этих двух книг как одной было нетрудно обеспечить преемственность всего: это было достигнуто

частично за счет удаления из каждого тома частей, которые казались второстепенными и не были тесно связаны с основным замыслом работы; и частично за счет введения нескольких целых глав с новым материалом; и за счет вставки дополнительных абзацев повсюду. Все новое в этом томе встречается главным образом в середине и в конце.

В течение этих тридцати лет труды критиков в сочетании с исследованиями ученых путешественников пролили много света на все аспекты предмета, который вкратце изложен в этом томе. Любому читателю, который полностью информирован в этом отделе, не нужно будет объяснять, что в рамках такого тома, как этот, не может быть предпринято ничего, кроме самого краткого упоминания об этих недавних работах и исследованиях: ссылки на них делаются только в качестве предположения и образца. Вначале две вышеупомянутые книги предназначались для того, чтобы найти место в курсе общеобразовательного чтения; и только поскольку они соответствуют такой цели, как эта, перепечатка теперь предлагается широкой публике.

На исключение из Перепечатки некоторых глав двух томов, которые непосредственно связаны с библейскими аргументами или “христианскими свидетельствами”, повлияло несколько причин, таких как эти: первая из них заключается в том, что то, что может рассматриваться как *религиозный* аспект общей темы, не имеет прямого права быть включенным в ее рассмотрение. Во-вторых, я верил — и думаю так решительно, — что для того, чтобы с наибольшей силой донести библейскую аргументацию до сознания интеллигентных молодых людей, этот предмет должен быть полностью понят в самом широком его аспекте. Когда это будет представлено таким образом и когда это будет понято таким образом, хорошо информированные и простодушные люди увидят и почувствуют непреодолимо, что по сравнению с любой другой массой фактов, относящихся к литературному антиквариату, и к историческим свидетельствам, библейские свидетельства во много раз более обширны и разнообразны и более бесспорно достоверны, чем даже лучшие и надежнейшие из этих массивов фактов.

Есть еще одна причина, побудившая меня сократить в этом Переиздании многое из того, что тридцать лет назад могло показаться уместным при рассмотрении данной темы. С течением времени в области споров, касающихся христианства и его происхождения, произошли большие изменения. Хотя неверие, возможно, в последнее время широко распространилось, аргументы, касающиеся христианства, сузились со всех сторон. Многое из того, что некоторое время назад считалось нуждающимся в доказательствах, в течение нескольких лет совершенно перестало считаться сомнительным. Несколько тщательно продуманных и изобретательных попыток поставить под сомнение, сначала, *документы* христианства, а затем *историческое значение* этих документов, потерпели явный провал, и фактически от них отказались как от бесполезных. Следовательно, в настоящее время было бы излишним трудом защищать позиции, которые перестали подвергаться нападениям.

Направление враждебных мыслей в настоящее время по отношению к религии Христа — единственной религии, относительно которой может быть поднят любой вопрос, — имеет тенденцию, а именно, всеми средствами и в максимально возможной степени отвлекать внимание от *прошлого*; и привлекать все внимание и концентрировать его на *настоящем моменте* и на его материальных и светских интересах. В настоящее время это является целью тех авторов с философских факультетов — физического и абстрактного, которые хотели бы

ниспровергнуть христианство и которые стремятся к этому, отвлекая мысли образованных классов от него - от его соседства. Если это так, то для тех, кто принимает другую сторону, должно быть, хорошо сделать все возможное, чтобы призвать те же классы вернуться и побудить их заново познакомиться с историей и убедиться в ее неоспоримой достоверности.

Стэнфорд-Риверс,
февраль 1859 г..

ИСТОРИЯ

ПЕРЕДАЧИ ДРЕВНИХ КНИГ.

ГЛАВА I. ЦЕЛЬ НАСТОЯЩЕГО АРГУМЕНТА.

Содержание

Авторитет древней литературы, достоверность истории и истинность религии - все это связано с надежной передачей древних книг в наше время. Многие факты, связанные с историей этой передачи, можно найти, более или менее отчетливо упомянутые, в каждом произведении, в котором отстаиваются утверждения Священного Писания. Но эти факты подвержены большому ошибочному пониманию, когда они объединяются для того, чтобы служить целям одного аргумента. Поэтому целью данного тома является ознакомление с ними широкого круга читателей, поскольку они стоят в стороне от противоречий и как будто никакие интересы, более важные, чем интересы литературы, не были затронуты в результате заявлений, которые мы должны сделать.

Ничто не может быть более справедливым, чем то, что о подлинности еврейских и христианских Писаний следует судить по правилам, которые применяются ко всем другим древним книгам; и ничто с большей вероятностью не вызовет твердой и разумной убежденности в обоснованности утверждений, выдвигаемых в отношении Священных Писаний, чем ясное понимание относительной ценности свидетельств, которые их поддерживают. Таким образом, дизайн этих страниц служит средством проведения сравнения, столь справедливого само по себе и столь необходимого для объективного рассмотрения самого важного из всех вопросов.

Поскольку эта книга не претендует на то, чтобы донести информацию до тех, кто уже знаком с вопросами античности, литературными или историческими, мы избежали всего, что могло бы

показаться непонятным или что все еще вызывает споры. Эти страницы также не будут загромождены многочисленными ссылками, которые, хотя и легко собрать, увеличили бы объем тома, не оказывая пользы тому классу читателей, для которых автор сейчас пишет. Не приводится никаких фактов, которые не могли бы быть легко подтверждены любым человеком, имеющим доступ к библиотеке среднего объема. Но несколько работ, которые нечасто встречаются в частных коллекциях, названы внизу страницы, где на них почерпнута специальная информация.

Основные факты древней истории и подлинность трудов, из которых в основном черпаются наши знания о древности, теперь свободно признаются, после того как было приведено несколько исключительных примеров, которые недоказанны или сомнительны.

Однако по этому вопросу, как и по некоторым другим, часто одновременно существует слишком много веры и слишком мало; ибо из-за незнания деталей, на которых может быть основано рациональное убеждение в подлинности и достоверности древних записей, многие люди, даже если в остальном хорошо информированы, чувствуют, что у них вряд ли есть выбор между простым принятием всей массы древней истории или столь же огульным подозрением ко всему в целом. И когда случается, что конкретный факт подвергается сомнению или когда оспаривается подлинность какой-либо древней книги, такие люди, сознавая, что они мало знакомы с природой доказательств, на силу которых опирается вопрос, и понимая, что спор включает в себя множество неясных и неинтересных исследований, или что он основывается на обоснованности мелких критических замечаний, либо вообще отказываются от аргументации, либо они принимают мнение, не спрашивая, той стороны, на суждение которой, по их мнению, они могут наиболее безопасно положиться.

И это правда, что подобные споры по большей части вполне уместно оставить в руках критиков и антикваров, чьи вкусы и знания позволяют проводить расследования, которые едва ли могут быть понятны массе читателей. Факты, вовлеченные в эти споры, также не часто имеют какое-либо значение для обычного изучающего историю; поскольку они не сильно влияют на целостность того раздела литературы, к которому они принадлежат. И все же следует признать, что *принципы*, на которых обсуждаются подобные вопросы, и факты, связанные с передачей древней литературы в наше время, сами по себе чрезвычайно важны; и что они заслуживают большего внимания, чем им часто уделяют. Эти факты, если их отделить от конкретных противоречий, вовсе не являются непонятными или трудными для восприятия. Действительно, большая часть информации, относящейся к этому предмету, сама по себе любопытна и в высшей степени интересна, а также важна.

Даже в отношении тех гениальных произведений, ценность которых заключается в их внутренних достоинствах и которые не были бы лишены своей красоты, даже если бы они были признаны поддельными, уверенность в их подлинности ощущается каждым читателем и в значительной степени способствует получению удовольствия, которое они доставляют. Но гораздо более сильное чувство, естественно, заставляет нас требовать такой уверенности при прочтении работ, которые претендуют на реальность только по своей сути: —Истина — это сам предмет истории; -следовательно, представление удовлетворительных доказательств целостности ее записей вполне может считаться необходимым предварительным этапом к курсу изучения этой области знания.

Помимо своей особой уместности в связи с изучением истории, аргумент в поддержку подлинности существующих остатков древней литературы на редкость пригоден для полезного упражнения мыслительных способностей; и, возможно, лучше, чем любой другой предмет, он призывает к совместному действию те силы ума, которые по отдельности используются в математических, физических или юридических занятиях и которые в реальных ситуациях повседневной жизни могут служить нашему благополучию лишь постольку, поскольку они действуют в унисон.

Но причины еще более важные рекомендуют обратить внимание читателя на предмет, рассматриваемый на следующих страницах; ибо несомненно, что каждый, доволен он или нет признанием без расспросов подлинности *мирской* истории, имеет наивысшую личную заинтересованность в истинности той конкретной части древней истории, с которой связана христианская религия; и, следовательно, каждый должен считать себя обязанным убедиться в подлинности книг, в которых содержатся ее принципы. И поскольку факты, на которых основывается это доказательство, точно такого же рода в мирской, как и в священной литературе, и поскольку одни и те же принципы доказательства применимы ко всем вопросам, касающимся подлинности древних книг, крайне желательно, чтобы доказательство подлинности Священных Писаний рассматривалось — на *своем месте*, как составляющая часть только общего аргумента, который в равной степени применим ко всем литературным остаткам древности. Ибо только при таком рассмотрении сравнительная сила и полнота доказательства, относящегося к данному конкретному делу, могут быть должным образом оценены. Если рассматривать их в этом свете, то будет видно, что целостность записей христианской веры подтверждается свидетельствами в десятикратной пропорции более разнообразными, обильными и убедительными, чем те, которые могут быть приведены в поддержку любых других древних писаний. Следовательно, если бы этот вопрос не имел никакого другого значения, кроме того, которое может быть придано чисто литературному исследованию, или если бы учитывалась только строгая справедливость данного случая, подлинность еврейских и христианских Писаний никогда не могла бы быть оспорена, пока не было бы доказано, что вся классическая литература является поддельной.

Многие — возможно, большинство — люди, изучающие труды о свидетельствах богооткровенной религии, склонны предполагать, что только священные книги или что эти книги больше, чем какие-либо другие, нуждаются в сложной аргументации в поддержку своей подлинности; в то время как, по правде говоря, эти книги меньше, чем какие-либо другие древние писания, нуждаются в тщательном исследовании своих утверждений; ибо доказательства, подтверждающие их, по всем пунктам очевидны и излишни. Действительно, сама эта избыточность и разнообразие доказательств, особенно если они представлены неумело, может на самом деле вызвать замешательство и нерешительность, а не твердую убежденность в неопытных умах; и это замешательство, вероятно, будет усиливаться самой идеей серьезной важности предмета. Таким образом, может случиться, что те самые факты, которые при сравнении с другими подобного рода поддаются наиболее полному доказательству, на самом деле рассматриваются с наибольшим недоверием.

Представляя читателю то, что можно было бы назвать Историей исторических записей, мы дадим ему возможность проследить дошедшие до нас произведения древних авторов *ретроспективно*, начиная с современности, вплоть до эпохи, к которой их обычно относят; и тогда будет видно, на каких основаниях — при определенных ограничениях — содержание этих

произведений признается подлинным и достойным доверия. При рассмотрении фактов, которые мы должны привести, выяснится, что у нас есть все основания считать, что определенные произведения были написаны в ту эпоху, к которой их обычно относят, и авторами, которым их обычно приписывают; а также полагать, что они не подверглись существенному искажению в ходе переписывания.

Мы можем продвинуться дальше и показать основания нашей веры в то, что такой-то автор написал то, что он считал правдой, и что он обладал достоверной информацией по предмету, который он рассматривает. Доказательство в данном случае должно быть взято из стиля и характера самого произведения; из обстоятельств, сопровождавших его первую публикацию; из подтверждающих свидетельств современных авторов; и из соответствия повествования в конкретных случаях существующим реликвиям древности.

Доказательства в поддержку первой части этого предположения докажут, что рассматриваемые произведения не являются *подделками*:—доказательства, подтверждающие *второе*, покажут, что они не являются *вымыслом*.

Очевидно, что эти предположения не только различны, но и независимы друг от друга: —ибо одно из них может быть окончательно установлено, в то время как другое либо опровергнуто, либо может оставаться сомнительным. Книга может содержать правдивое повествование о событиях, хотя и написанных не автором и не в ту эпоху, которая обычно считается. Или, с другой стороны, это, несомненно, может быть произведением предполагаемого автора, но может заслуживать мало доверия в качестве официального изложения фактов. Так, например, "Киропедия", по веским свидетельствам, приписывается Ксенофону; но нет особых оснований полагать, что она заслуживает того, чтобы считаться чем—то большим, чем исторический роман: - *подлинность* этого произведения несомненна; но его подлинность как истории в лучшем случае сомнительна. Однако первое из этих утверждений более независимо от второго, чем второе может быть от первого. Ибо, когда древность и подлинность исторического труда были четко продемонстрированы, редко бывает трудно установить степень доверия, которой заслуживает автор; или обнаружить те конкретные моменты, по которым могут быть основания сомневаться в его правдивости, или подвергать сомнению обоснованность его суждений, или сомневаться в точности его информации.

Именно тогда, с целью сделать эти аргументы и выводы понятными, а также более удовлетворительными, чем они были бы в противном случае, после краткого изложения этого аргумента мы перейдем к тому, что относится к манипулятивным и механическим методам увеличения копий книг, а также к распространению и сохранению этих копий в древние времена; то есть во все времена, предшествующие изобретению книгопечатания в пятнадцатом веке.

ГЛАВА II. ИЗЛОЖЕНИЕ ДЕЛА ОТНОСИТЕЛЬНО ПОДЛИННОСТИ ДРЕВНИХ КНИГ.

Содержание

Древность и подлинность дошедших до нас остатков древней литературы могут быть установлены с помощью трех линий доказательств, которые совершенно независимы друг от друга; и хотя в любом конкретном случае не хватает одной или даже двух из трех, только оставшаяся может быть совершенно убедительной: Когда три совпадают, они представляют собой избыточную демонстрацию рассматриваемых фактов.

The *Первая* линия доказательства относится к истории определенных копий произведения, которые существуют в настоящее время.

The *Второй* — прослеживает историю произведения в том виде, в каком она может быть собрана из серии ссылок на него последующих авторов.

The *Третий* — взят из известной истории *языка*, на котором сохранилось произведение.

Чтобы понять, что относится к первой из этих трех линий доказательств, нам следует ознакомиться с различными подробностями, относящимися к способам письма, практиковавшимся у древних народов, и к используемым материалам, а также к тому, что можно назвать бизнес-системой, с помощью которой древний писатель устанавливал связь со своими читателями.

Во многих или в большинстве этих деталей древние и современные обычаи сильно отличаются. Но сначала следует сказать еще кое-что, указывающее на цель, с которой выдвигаются эти факты.

Едва ли нужно говорить, что древность и целостность книги не могут подвергаться сомнению, если в любом случае существование хотя бы одного ее экземпляра можно с уверенностью проследить до времени ее первой публикации. Если бы, например, рукопись произведения, написанная рукой автора, все еще сохранилась, и если бы факт ее наличия таковым мог быть каким-либо образом доказан, наш аргумент был бы исчерпан, и любые другие доказательства должны были бы считаться излишними. Однако таких бесспорных *автографов* можно найти очень мало, даже на современных работах, и ни одного - на древних. Однако обстоятельства, связанные с сохранением и передачей рукописей, в некоторых случаях, как мы увидим, таковы, что доказывают древность и подлинность произведения с немногим меньшей уверенностью, чем если бы существовал самый первый его экземпляр.

Но прежде чем мы перейдем к деталям этого доказательства, следует упомянуть — особенно поскольку мы намерены *ретроспективно* следовать хронологии, - что историю *рукописей* нет необходимости прослеживать до какого-либо более позднего периода, чем начало пятнадцатого века, когда большинство классических авторов прошли через печать. Ибо изобретение книгопечатания послужило как для того, чтобы установить, вне всякого сомнения, существование книг в определенные даты, так и для того, чтобы обезопасить текст от обширных вставок и искажений. Печатная книга не подлежит последующей интерполяции или изменению *пером*: на ней также стоит дата, и выпуск разных изданий одного и того же произведения из отдаленных мест сделает любую фальсификацию даты в одном из них или любое существенное искажение текста редактором бесполезной попыткой. Например, в настоящее время существуют печатные копии “Истории Пелопоннесской войны”, датированные “Венецией, 1502”; другие копии издания того же произведения датированы “Флоренцией, 1506”; другие датированы “Базиликой, 1540”; и другие, напечатанные в течение нескольких лет после того же времени в Париже и Вене. При сравнении друг с другом обнаруживается, что эти издания

совпадают в основном; и все же расходятся во многих небольших вариациях орфографии, синтаксиса или выражения; таким образом, доказываем, что они были заимствованы независимо из разных рукописей, а не последовательно друг от друга. Таким образом, эти печатные издания в достаточной степени доказывают существование произведения в пятнадцатом веке, а также то, что текст современных изданий не подвергался существенным повреждениям в течение последних четырехсот лет.

Но давайте теперь представим, что нет других способов установить древность и подлинность классических авторов, кроме тех, которые можно почерпнуть из истории существующих рукописей. Тогда нашей целью будет выяснить, к какому возрасту они могут быть четко отнесены, и вывести из фактов какой-нибудь надежный вывод относительно продолжительности времени, в течение которого эти произведения проходили через руки переписчиков.

Дата древней рукописи может быть установлена следующими способами:—

1. Известно, что некоторые рукописи бережно хранились в библиотеках, где они сейчас находятся, в течение нескольких столетий: ибо они не только упоминались в каталогах хранилищ, которым они принадлежат, но и были так точно описаны выдающимися учеными последующих эпох, что не может оставаться сомнений в их идентичности. Или даже если они переходили из рук в руки, подробности последовательных передач были достоверно зафиксированы.
2. Установлено, что большая часть существующих рукописей датирована рукой переписчиков, причем таким образом, чтобы не оставалось сомнений относительно времени создания копии.
3. У многих рукописей есть пометки на полях, добавленные, очевидно, более поздними руками, которые благодаря некоторым случайным намекам на людей, события или особые обычаи, или использованию особых форм выражения, ясно указывают на возраст заметок и, следовательно, несколько превышают возраст оригинальной рукописи.
4. Отдаленная древность рукописи часто устанавливается по тому особому обстоятельству, что она находится под другой надписью. Эти переписанные рукописи — палимпсесты, или рескрипты, как их еще называют, представляют собой наиболее удовлетворительное доказательство древности, которое только можно себе представить. Пергамент, который всегда был дорогостоящим материалом, значительно вырос в цене в то время, когда бумага, производимая из нильского папируса, стала дефицитной, и как раз перед тем, как во всеобщее употребление вошла бумага, получаемая из хлопка, называемая *charta bombycina*. В тот же период, из-за общего упадка образования, труды классических авторов оказались в самом общем пренебрежении. Поэтому те, кто были переписчиками по профессии, и особенно монахи, чьи библиотеки часто содержали большие коллекции пергаментных книг, воспользовались ценным материалом, которым они располагали, стерев или размыв первоначальный текст, а затем заменив его житиями святых, религиозными романами, медитациями или другими подобными глупостями, которые соответствовали вкусу времени. Тем не менее, часто добросовестная кожа, сохранившая свою первозданную чистоту, сохраняла следы оригинального письма с достаточной отчетливостью, чтобы сделать его все еще разборчивым. Таким образом, эти рескрипты предлагают нам двойное доказательство древности работы, впервые использовавшей пергамент; ибо в большинстве случаев легко

установить дату монашеского письма - двенадцатый или даже девятый век. Надпись, *впервые* появившаяся на таких пергаментах, должна, конечно, быть датирована значительно более поздней; ибо гораздо более вероятно, что с целью стирания были выбраны старые, чем современные книги. Таким образом, были обнаружены некоторые бесценные рукописи Священного Писания и немало драгоценных фрагментов классической литературы.

5. Возраст рукописи часто можно установить с небольшой вероятностью ошибки по некоторым таким признакам, как следующие: —качество или внешний вид чернил; природа материала; то есть будь то мягкая кожа, или пергамент, или египетский папирус, или бомбициновая бумага; поскольку эти материалы сменяли друг друга в обычном употреблении в хорошо известные периоды; —особая форма, размер и характер письма; ибо регулярноизменение способов письма можно проследить по многочисленным свидетельствам на протяжении всех эпох. с самых отдаленных времен; —стиль орнаментов или *иллюстраций*, как их называют, часто служит для указания возраста книги, которую они украшают.

Исходя из таких указаний, как эти, более или менее определенные древние рукописи, дошедшие до наших дней, относят к различным периодам, простирающимся от шестнадцатого до четвертого века христианской эры; или, возможно, в одном или двух случаях, к третьему или второму. Очень немногие могут претендовать на столь высокую древность, как четвертое столетие; но немало таких, которые с уверенностью относят к седьмому; и большая часть из дошедших до нас, несомненно, были казнены в десятом; в то время как многие относятся к следующим четырем столетиям. Однако следует отметить, что некоторые рукописи, выполненные в столь позднее время, как тринадцатый или даже пятнадцатый век, представляют собой четкое внутреннее доказательство того, что при одном-единственном удалении содержащийся в них текст претендует на *реальную* древность, более высокую, чем даже у старейшей существующей копии того же произведения. Ибо эти более старые копии иногда доказывают, благодаря особому характеру искажений, которые проникли в текст, что они были получены с помощью длинного ряда копий; в то время как, возможно, текст более современной рукописи обладает такой степенью чистоты и свободы от всех обычных последствий частого переписывания, что становится очевидным, что копия, с которой он был взят, была настолько древней, что находилась недалеко от времени первой публикации произведения.

Большинство, если не все, королевских, церковных и университетских библиотек Европы, а также многие частные коллекции содержат огромное количество этих литературных реликвий древности, и некоторые из них могли бы предоставить рукописи почти всего массива древней литературы. Есть несколько классических авторов, которые до сих пор не сохранились *внескольких* рукописных копиях; а некоторых существующих копий почти не счесть.

Хотя все более крупные древние библиотеки, такие, например, как Александрийская, Константинопольская, Афинская и римская, были разрушены фанатизмом завоевателей-варваров, тем не менее ранее по всей Римской империи и за ее пределами имело место столь широкое распространение наиболее знаменитых произведений, что все части Европы и Западной Азии изобиловали небольшими коллекциями или отдельными произведениями, находящимися в руках частных лиц. Когда ученость среди людей почти исчезла, монастыри и религиозные дома стали главными хранилищами книг; ибо почти в каждом таком учреждении были люди, которые все еще с рвением занимались литературой и науками; и которые без труда накопили почти любое количество этого обычно заброшенного имущества.

К счастью для литературы, религиозные дома были местами большей безопасности, чем даже цитадели знати или королевские дворцы, которые в результате завоеваний или революций время от времени насильно сдавались в аренду у своих владельцев. Между тем, эти священные уединения обычно уважались даже самыми свирепыми захватчиками. На протяжении долгих веков монастыри были заняты орденом людей, которые сменяли друг друга в гораздо более спокойном переходном периоде, чем это имело место в любом другом случае, который можно было бы назвать. Собственность каждого заведения (а его литературная ценность всегда высоко ценилась) передавалась из века в век, как будто находилась в руках постоянного владельца, и поэтому подвергалась меньшему рассеянию или разрушению, чем обычно позволяет изменчивость человеческих дел.

В каждой церкви, в каждом женском монастыре была своя библиотека, свой библиотекарь и другие служащие, занимавшиеся сохранением книг. С библиотекой был связан *Скрипторий* — зал или помещение, где старейшины или образованные монахи занимались изготовлением копий тех книг, которые приходили в упадок; или тех, на которые все еще был некоторый спрос в открытом мире.

Благодаря подобным средствам литература более просвещенных эпох была сохранена от исчезновения; и когда, наконец, в четырнадцатом и пятнадцатом веках ученость возродилась, значительная часть этих долго копившихся томов попала в собрания щедрых основателей библиотек, и там, став известными ученым, они были быстро переданы на бессмертное хранение прессе.

Мест, в которых сохранились эти остатки древней литературы в средние века, было слишком много, и они были слишком далеки друг от друга, и они были слишком мало связаны каким-либо общением, чтобы допустить комбинацию или заговор, имевший своей целью какие-либо предполагаемые цели интерполяции или искажения. Таким образом, располагая в большинстве случаев копиями одного и того же автора, некоторые из которых были взяты из монастырей Англии, другие - из монастырей Испании, а третьи собраны в Египте, Палестине или Малой Азии, если, сравнив их, мы обнаружим, что они совпадают, за исключением незначительных различий, мы имеем неоспоримое доказательство тщательности и добросовестности, с которыми в целом велось дело переписывания. Ибо очевидно, что если бы практика искажения, интерполяции и искажения была допущена в какой-либо значительной степени, существующие останки древних авторов по прошествии столь долгого времени едва ли сохранили бы след целостности или единообразия. Распушенная практика транскрипции, действовавшая на протяжении тысячи или полутора сотен лет, должна была привести не к получению связных и последовательных работ, которыми мы на самом деле располагаем, а лишь к разнородной массе искаженных фрагментов.

Но теперь, если общее соответствие существующих рукописей свидетельствует о преобладающей тщательности и даже щепетильности тех, через чьи руки они проходили, особая природа различий, которые действительно существуют между несколькими копиями одного и того же автора, служит установлению факта, который, если бы мы не знали его другими способами, было бы крайне важно доказать, а именно, что эти работы *уже дошли до нас с течением долгого времени, когда были созданы существующие копии*. Этот факт особенно очевиден в случае с более ранними греческими авторами; ибо, в то время как некоторые копии единообразно сохраняют особенности диалекта, на котором писал автор, в других эти

особенности объединены в те более распространенные формы языка, которые преобладали после периода упадка греческой литературы. Эти отклонения в орфографии или в построении от авторского текста, очевидно, были сделаны сменявшими друг друга переписчиками в соответствии со вкусами покупателей книг в разных странах; и вряд ли они могли быть сделаны переписчиками *средневековья*, когда этими книгами больше не пользовались читатели, для которых язык был народным и для которых, только для них, соответствие разговорным формам языка могло иметь какое-либо значение.

Книги на мертвом языке, которые могут быть предназначены только для использования учеными, никогда не будут приспособлены к разговорной моде промежуточного периода. Давайте рассмотрим, как это было бы в знакомом нам примере. Если, например, при рассмотрении двух изданий стихотворений Чосера будет обнаружено, что в одном из них сохранены оригинальные особенности орфографии, характерные для времени автора, в то время как в другом все эти особенности смягчены до форм, принятых в царствование Елизаветы, мы, безусловно, должны отнести издание к *тому* периоду, а не предполагать, что исправления были внесены современным редактором.

Еще раз: в некоторых копиях древних авторов представлены примеры, когда при сравнении отрывка с таким же в другой копии легко заметить, что один из ранних переписчиков допустил ошибку, и более одного последующего переписчика пытались восстановить подлинное прочтение; поскольку *последнее* предположительное исправление явно составлено из двух или трех предыдущих исправлений.

Таким образом, таким образом, существующие рукописи классических авторов могут быть прослежены либо по прямым свидетельствам, либо с помощью неоспоримых умозаключений, очень близко к эпохе — и, во многих случаях, вполне вплоть до эпохи, когда эти произведения были повсеместно распространены, были общеизвестны и постоянно цитировались другими авторами; и когда, следовательно, историю каждого произведения можно легко и обильно почерпнуть из свидетельств современных и последующих авторов. Различные факты, упомянутые выше, служат для того, чтобы связать литературные остатки древности, находящиеся сейчас в наших руках, с периодом их первоначального существования: — мы пересекаем долгую эпоху всеобщего невежества — ту широкую пропасть, которая отделяет интеллект и цивилизацию древности от интеллекта и цивилизации современности, и мы приземляемся, так сказать, на родной почве этих памятников Разума, и мы снова оказываемся в окружении того изобилия свидетельств, которое принадлежит высокому уровню знаний. Нам нет нужды проследивать историю *рукописей* дальше, чем до границ того прежнего мира учености и утонченности.

На самом деле нам не нужно утруждать себя тем, чтобы проследить историю этих литературных реликвий на шаг дальше, чем прямо в гущу темных веков. Ибо даже если бы отсутствовали все внешние и соотносительные свидетельства и если бы ничего не было известно о классических авторах, кроме того, что в том виде, в каком они есть сейчас, они существовали в десятом веке, было бы известно более чем достаточно, чтобы с полной уверенностью утверждать, что эти произведения были продуктом совсем другой и отдаленной эпохи. Людей тех времен действительно может быть стенографов и реставраторов, и, возможно, даже почитателей, Фукидида, Ксенофонта, Аристофана, Платона, Вергилия, Цицерона, Горация и Тацита, но, несомненно, они были *неавторы* книг, таких как те, которые носят эти имена. Живые образы

энергии, мудрости и свободы, которые содержат в себе эти памятники вкуса и гения, никогда нельзя было ни вообразить в монастырских кельях, ни сочинить в эпоху, когда за границей мало что можно было увидеть, кроме невежества, насилия и рабства; и мало что можно было найти внутри, кроме мечтательной философии и унижительного суеверия. Прерогативой человеческого разума, какими бы великими ни были его врожденные способности, не является выходить далеко за пределы сцены, которая его непосредственно окружает, или создавать образы вещей, которые в своих элементах, а также в своих дополнениях принадлежат системе и экономике, совершенно неизвестным людям того времени. Человеческому гению дано подражать, отбирать, облагораживать и возвышать, но не творить.

Общий смысл фактов, которые были таким образом кратко изложены, заключается в следующем, а именно в том, что книги, дошедшие до нас и которые обычно приписываются греческим и римским авторам, в том виде, в каком мы их находим, относятся к очень отдаленной эпохе. Но это общее утверждение всегда должно пониматься как включающее исключение тех небольших пропусков, дополнений и изменений в тексте, которые имели место либо намеренно, либо случайно в ходе часто повторяющихся транскрипций.

Фактический объем и важность этих искажений текста древних авторов, вероятно, будут переоценены обычными читателями, которые, видя, что тема постоянно упоминается в критических работах, и зная, что критические замечания по поводу “различных прочтений” часто занимают место, в пять раз превышающее то, которое занимает текст, и что нередко они становятся предметом обширных и ожесточенных споров, склоняются к предположению, что вопросы, над которыми ученые так долго и серьезно работают, не могут быть иными, кроме как весомыми и существенными. Чтобы исправить это впечатление, насколько оно может быть ошибочным, мы сейчас вкратце объясним общую природу, причины и масштабы этих вариаций и искажений.

Гораздо большая часть всех “различных чтений” — возможно, девятнадцать из двадцати — относятся исключительно к *устному* виду, и они таковы, что могут привлечь внимание только филологов и грамматистов; некоторые из них могут заслуживать внимания каждого читателя древней литературы; а некоторые требуют внимания изучающего историю. Но, взятые в целом, их следует рассматривать в том свете, что они представляют собой значительное и убедительное доказательство тщательности, верности и аккуратности, с которыми обычно велось дело копирования. Ибо несомненно, что ни что иное, как высокая степень технической корректности, а также профессиональная добросовестность со стороны тех, кто практиковал это ремесло, могли бы передать текст древних авторов через период — в некоторых случаях — в две тысячи лет, с изменениями столь же незначительными, как и те, которые, по большей части, действительно имели место.

Когда расхождения в рукописях автора настолько велики, что существенно влияют на смысл важного отрывка сам по себе, что требует от изучающего историю проявления разборчивости, становится необходимым понять и иметь в виду, что, вероятно, было наиболее распространенными источниками таких расхождений. В качестве наиболее распространенных причин различных прочтений, с которыми приходится сталкиваться при сравнении нескольких копий одного и того же древнего автора, можно назвать следующее.

1. Нет ничего более вероятного, чем то, что авторы, надолго пережившие первую публикацию своих произведений, должны время от времени выпускать их исправленные копии; и каждая из этих измененных копий, если бы работа пользовалась постоянным спросом и была широко распространена, стала бы, если можно так выразиться, родоначальницей *семейства* копий. Таким образом, без какой-либо вины со стороны переписчиков было бы создано и увековечено значительное количество таких разночтений. Вероятно, значительная часть тех вариаций, которые требуют усердия и проницательности редакторов и критиков и для исправления которых часто приходится прибегать к множеству ученых предположений, на самом деле были сделаны собственной рукой автора при редактировании экземпляров, которые он время от времени рассылал своим помощникам. Постоянная возможность вносить исправления, когда книга постоянно пользовалась спросом, не преминула бы поощрить у привередливых авторов привычку к частому пересмотру: тем временем переписчики в отдаленных странах могли не иметь возможности сопоставить более ранние экземпляры с более поздними. Критики, по-видимому, слишком мало обращали внимания на этот источник различных толкований, хотя он мог бы помочь решить некоторые запутанные вопросы относительно подлинности конкретных выражений или предложений, которые попали под подозрение из-за их отсутствия в определенных рукописях.

2. Некоторые ошибки, конечно, возникали из-за простой невнимательности, небрежности или невежества переписчиков; и все же, вероятно, их было меньше, чем можно себе представить на первый взгляд; ибо, помимо того, что те, кто посвятил свою жизнь этому занятию, обычно приобретали высокую степень технической точности зрения, слуха и руки, и что правильность и разборчивость, должно быть, были качествами, от которых, в основном, зависела рыночная стоимость книг; известно, что в монастырях, откуда поступила большая часть всех существующих рукописей, были люди, обладающие превосходной образованностью для написания книг. задача, в обязанности которой входило пересматривать каждую книгу, вышедшую из Скриптория. Ошибки, вызванные непреднамеренностью, тем не менее, должны были иметь место. Если бы автора, подлежащего расшифровке, читал один человек, в то время как несколько писали с его голоса, процесс был бы открыт не только для ошибок, допущенных глазом читателя и рукой автора; но особенно для ошибок, допущенных ухом автора; поскольку слова, похожие по звучанию, часто могли бы заменяться одно другим. Случаи такого рода встречаются часто, и знание вероятной причины часто служит для того, чтобы предложить надлежащее исправление. Если бы автор читал сам, он был бы склонен перепутать буквы сходной формы — перепутать *смысл* из-за неправильного разделения слов в своей манере чтения, вследствие чего он мог бы невольно приспособить орфографию или синтаксис к предполагаемому смыслу. Частое использование сокращений в письме было очень распространенным источником ошибок; поскольку многие из этих сокращений были чрезвычайно сложными, неясными и двусмысленными, так что неумелый переписчик с большой вероятностью перепутал бы одно слово с другим. Ни одна часть древних книг не страдала так сильно от случайных ошибок, как те, которые относятся к *числам*; поскольку одну букву в цифре легко было принять за другую, и поскольку ни смысл отрывка, ни правила орфографии, ни синтаксис не предполагали подлинного прочтения, то, когда однажды возникала ошибка, она чаще всего сохранялась без исправления. Поэтому почти всегда небезопасно делать упор в аргументации на какое-либо утверждение о числах у древних авторов, если только какое-либо коррелятивное вычисление не подтверждает прочтение текста. Следовательно, нет ничего более легкомысленного или несправедливого, чем выдвигать

возражения против правдивости или точности историка из-за какой-либо очевидной несовместимости в его изложении цифр. Трудности такого рода гораздо лучше сразу отнести на счет искажения текста, чем обсуждать их с нерастраченным усердием.

3. Использование коротких примечаний на полях в тексте, по-видимому, было частым источником различных прочтений. Когда такие примечания содержат многоточия на языке автора или когда они в значительной степени способствуют прояснению неясного отрывка, переписчик, скорее всего, включит экзегетическую фразу, а не допустит, чтобы она была утеряна читателем или деформировала поля.

4. Переписчики часто считали себя вправе заменять устаревшие слова или фразы современными; и иногда они учитывали пожелания своих клиентов, заменяя формы одного диалекта (греческого) формами другого; или, что чаще, общепринятыми формами языка. Изменения такого рода часто приводили к тому, что подлинные произведения подвергались ненужным подозрениям; поскольку, когда текст содержал слова или фразы, которые, как известно, относятся к более позднему возрасту, чем возраст предполагаемого автора, такие несоответствия, казалось, служили доказательством фальсификации.

5. Переписчики, несомненно, иногда отваживались на преднамеренные пропуски, вставки или изменения. Но у нас так много средств для обнаружения любых таких преднамеренных искажений, взятых из сравнения различных рукописей или из несоответствия вставленного отрывка, что, возможно, в целом больше вероятности того, что из—за какой-то случайной особенности стиля подлинные отрывки древних авторов попадут под подозрение, чем того, что какие-либо действительно поддельные фрагменты полностью ускользнут от подозрений и обнаружения.

Из вышеупомянутых источников различных прочтений, найденных в текстах древних авторов, следует помнить, что действие *первого* было ограничено коротким периодом жизни автора; и действительно, каким бы ни было количество или важность изменений, вытекающих из *этого* источника, они не должны увеличивать количество *искажений* текста. *Второй* источник вариаций действительно был открыт по прошествии многих столетий; однако он всегда сдерживался прилежным сопоставлением копий со стороны трудолюбивых критиков из века в век; и значительная доля ошибок, возникающих по простой неосторожности, либо настолько ощутима, что наводит на мысль о способах их собственного исправления; либо они настолько тривиальны, что не заслуживают внимания, за исключением тех, кто берет на себя обязанности редактора. Кроме того, есть основания полагать, что немало существующих копий произведений самых знаменитых авторов представляют текст, который проходил процесс транскрипции не чаще одного или двух раз; и что каждый раз копия была выполнена со скрупулезной точностью. Различия, возникающие из *третьего* и *четвертого* источников, возможно, вызвали у критиков и редакторов большее недоумение, чем те, которые проистекают из любой другой причины; и все же эти различия редко имеют какое-либо значение с точки зрения авторского восприятия: их можно считать важными только тогда, когда они ставят в тупик вопрос о дате или подлинности книги. Искажения *пятого* класса должны быть признаны существенно влияющими на авторитет и ценность древней литературы, поскольку могут быть какие-либо основания подозревать об их существовании; и каждый прилежный изучающий историю сочтет, что расследование случаев такого рода заслуживает его самого пристального внимания.

ГЛАВА III.

ДАТЫ ДРЕВНИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВЫВЕДЕННЫЕ ИЗ ЦИТАТ И УПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННЫХ И ПОСЛЕДУЮЩИХ АВТОРОВ.

Содержание

Давайте теперь предположим, что греческие и латинские авторы сохранились только в печатных изданиях — то есть что все до единой древние рукописи давным-давно погибли, и что факты, упомянутые на предыдущих страницах, находятся вне поля нашего зрения или неизвестны. Таким образом, нашей задачей было бы собрать из этих произведений такую серию взаимных ссылок, которые одновременно доказывали бы идентичность ныне существующих произведений с теми, на которые были сделаны соответствующие ссылки; а также зафиксировать относительное положение нескольких авторов во времени.

Единственная ссылка, найденная у одного автора на работы другого, который, в свою очередь, нуждается в таком же подтверждении подлинности, может показаться ошибочным или недостаточным и неясным доказательством; поскольку эта ссылка или эта цитата, возможно, являются интерполяцией; или ссылка может быть слишком слабой или неопределенной, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что существующее в настоящее время произведение является тем же самым, на которое ссылаются таким образом. По правде говоря, достоверность такого рода доказательств проистекает из их *объема*, из их *многообразия* и из их *случайного характера*. Ибо, хотя одно-единственное свидетельство может быть неубедительным, многих сотен независимых свидетельств, относящихся к одному и тому же вопросу, более чем достаточно, чтобы устранить всякую тень сомнения; некоторые из этих ссылок могут быть слабыми и неопределенными, но другие полны, конкретны и завершены. Если некоторые из них являются формальными и прямыми, и поэтому можно предположить, что они были вставлены с мошенническим замыслом, то другие являются совершенно окольными и чисто случайными. Если некоторые из них дошли до нас по тем же каналам, то другие получены из источников, настолько далеких, насколько можно себе представить, от возможности сговора.

Но может случиться так, что произведение нуждается в такого рода доказательствах, и все же, по другим причинам, оно может претендовать на подлинность. Фактически, почти все существующие остатки древней литературы в изобилии подтверждаются многочисленными и недвусмысленными цитатами из них или их описаниями, которые встречаются в других произведениях. И существует очень мало книг, которые не содержат прямых или косвенных намеков на другие произведения: так что остатки древней литературы, взятые в целом, содержат в себе доказательство подлинности каждой части.

Характер дела придает этому своду ссылок пирамидальную форму. В самую отдаленную эпоху она, конечно, была невелика по объему; в следующую эпоху она становится гораздо более обширной и содержательной; а в более поздние периоды она распространяется по всей поверхности литературы.

Литература греков была национальной и самобытной; они заимствовали у своих соседей не столько поэзию, философию и историю, сколько религию или искусство: их *ранние* писатели не

были образованными людьми в современном смысле этого слова; их произведения были созданы под влиянием гениальности и волнующего духа времени. Привычка к литературным аллюзиям и цитированию тогда еще не сформировалась, да и вообще не соответствовала этому порядку интеллектуального творчества; и все же ранние греческие писатели содержат взаимные ссылки, которых, если и не много, то достаточно, чтобы установить в большинстве случаев подлинность каждой из них.

Второй период греческой литературы, начинающийся со времен Александра и доходящий до свержения римлянами греческой национальной независимости, был, в естественном порядке вещей, эпохой обучения, критики и подражания. Таким образом, писатели этого периода изобилуют всевозможными ссылками на своих предшественников и современников. Вторая литературная эпоха отражает первую. Эрудиция, размах, понимание, метод, труд занимают место спонтанных усилий и интуитивного вкуса. Комментаторов, компиляторов и коллекционеров предостаточно; и писатели той эпохи, по-видимому, выполняют функции *карриатид* в храме учености; как будто их единственным занятием было поддерживать фронтон, который в основном привлекает восхищение зрителей. Поэтому среди писателей этого класса нам следует искать обильный урожай цитат, и на их страницах мы редко встретим свидетельства, дающие ответ на любой вопрос о подлинности того или иного древнего писателя.

Римляне позаимствовали у греков все, кроме энергии характера и практического здравого смысла. Их литература с самого начала носила производный характер; их писатели добавляли ученость к тому, что могло быть их врожденным гением; и их произведения отражают литературу их мастеров. Таким образом, в латинской классике разбросано достаточно много отсылок к самым знаменитым греческим авторам, а также к творчеству их соотечественников.

И греческие, и латинские писатели более поздних эпох были хорошо знакомы с литературой более светлых времен; и они оставили в своих произведениях достаточно средств для того, чтобы проследить цепочку отсылок ко времени упадка учености в Европе — к тому времени, до которого мы уже проследили историю существующих рукописей; так что две линии свидетельств объединяются примерно на полпути между пятым и пятнадцатым веками.

Характер, объем и достоверность доказательств, которые могут быть получены на основе взаимных ссылок авторов, лучше всего будут представлены классификацией нескольких их видов по следующим разделам:—

1. Дословные цитаты, независимо от того, назван ли цитируемый автор или нет. Такие цитаты служат двойной цели: доказать существование цитируемого произведения во времена автора, сделавшего ссылку, и идентифицировать, а иногда даже исправить дошедший до нас текст. Если, например, у последующих авторов мы находим всего дюжину или двадцать предложений, взятых из разных частей более раннего произведения, словесного совпадения достаточно, чтобы доказать, что произведение, таким, каким мы его находим сейчас, совпадает с цитируемым. Когда такие цитаты многочисленны и точны, они служат наилучшим средством либо для восстановления подлинного прочтения авторов, либо для оценки сравнительной чистоты различных рукописей. Ибо часто эти цитаты, по-видимому, меньше пострадали в ходе транскрипции, чем другие части произведения, в котором они встречаются, или чем то, из которого они взяты. Причину этого различия легко представить: либо автор сам процитировал копию, более точную, чем любая из ныне дошедших до нас; либо переписчик, встретив

отрывок, который, как он помнил, принадлежит хорошо известному произведению, сверился с оригиналом, хорошая копия которого у него была, и само обстоятельство этого, естественно, потребовало бы несколько большей осторожности, чем при обычной транскрипции.

2. Часто встречаются случайные намеки либо на слова, либо на смысл автора, достаточно очевидные, чтобы доказать, что один автор был известен другому; и все же они слишком случайны и отдаленны, чтобы их можно было рассматривать как интерполяцию. В вопросах кажущейся сложности такие случайные ссылки могут быть убедительным доказательством существования произведения в определенное время. Среди древних историков есть примеры, когда два писателя, не упоминая друг друга, излагают одни и те же факты с таким количеством совпадений в методе или деталях, приукрашиваниях или размышлениях, что становится очевидным либо то, что оба повествования взяты из одного источника, либо то, что одно было скопировано с другого. И если одно повествование в целом обладает оригинальностью и соответствует стилю и духу автора, то другой автор должен считаться цитирующей стороной, и, следовательно, он устанавливает предшествующее существование произведения, из которого он позаимствовал.

3. Почти каждый из главных авторов древности был явно упомянут, или подвергнут критике, или описан более поздними авторами. Приводились списки их работ с кратким изложением их содержания; или они становились предметом связанных комментариев, с помощью которых основная масса оригинальных работ может быть идентифицирована и сопоставлена с существующими копиями. Книги этого среднего класса обычно изобилуют ссылками на весь круг литературы, существовавший во времена писателя. Также сохранилось несколько работ, содержащих жизнеописания древних авторов с точными списками их произведений. Эти биографические произведения, хотя они, с одной стороны, обеспечивали защиту от создания поддельных произведений, с другой стороны, давали повод к таким попыткам; ибо если считалось, что какой-нибудь трактат, о котором известно, что он был написан знаменитым автором, погиб, представлялась возможность написать такой, который должен был соответствовать данному о нем описанию. Но таким поддельным работам всегда должно быть не хватать положительных доказательств, и они также не преминут выдать навязчивость некоторыми вопиющими несоответствиями в стиле или содержании. Жизнеописания государственных деятелей и воинов часто содержат такие отсылки к писателям того же времени, которых достаточно, чтобы доказать время их расцвета. Вся информация, которой мы располагаем по этому вопросу, во многих случаях почерпнута из намеков подобного рода.

4. Обширный фонд цитат содержится в некоторых древних трактатах на определенные темы, в которых все авторы, рассматривавшие одну и ту же тему, упоминаются в порядке времени.

5. Споры, будь то литературные, политические или религиозные, обычно приводили к обширным цитатам из произведений всех категорий; и в пылу ожесточенного спора приводилось много неясных фактов, которые, в какой-то окольной связи с другими фактами, служили для определения вопросов истории литературы.

6. Среди всех средств установления древности и подлинности древних книг ни одно не является более удовлетворительным или более полным, чем те, которые предоставляет существование ранних переводов. Действительно, если можно доказать, что такие переводы были сделаны примерно в то время, когда, как считается, жил автор оригинального произведения, и если они в основном соответствуют существующему тексту — и если они дошли до современности по

каналам, совершенно независимым от тех, по которым передавалось оригинальное произведение, — и если, более того, существуют древние переводы того же произведения *на несколько языков*, никакое доказательство не может быть более совершенным или заслуживающим большего доверия. В таких случаях можно было бы спокойно обойтись без любых других доказательств. Древние переводы служат также важной цели предоставления критерия, по которому можно судить о сравнительных достоинствах рукописей, а также определять вопросы предполагаемой интерполяции.

Хотя подлинность гораздо большей части древней литературы устанавливается избыточностью свидетельств, подобных описанным здесь, конечно, будет несколько примеров произведений, которые, хотя и, вероятно, подлинные, настолько лишены внешних доказательств, что должны оставаться под сомнением; и есть также несколько произведений, которые, хотя и, вероятно, поддельные, обладают ровно таким количеством правдоподобных доказательств подлинности, которое позволяет им занять место на почве споров. Таким образом, эти два фактора вместе приведут к некоторому количеству спорных случаев. Споры, которые на самом деле велись относительно таких сомнительных работ, показали, насколько малы шансы избежать подозрений и обнаружения у любой действительно поддельной работы. И, таким образом, эти дискуссии косвенно дают сильнейшие основания полагаться на подлинность этих работ, против которых даже придирчивый и причудливый скептицизм не может привести убедительных возражений.

ГЛАВА IV. О ДРЕВНОСТИ И ПОДЛИННОСТИ ДРЕВНИХ КНИГ МОЖНО СДЕЛАТЬ ВЫВОД ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОВ, НА КОТОРЫХ ОНИ СОХРАНИЛИСЬ.

Содержание

Язык одновременно является наиболее полным и наименее подверженным ошибкам из всех исторических записей. Поэма или история могли быть подделаны, но язык - это неоспоримая реальность. Само обстоятельство его существования, хотя оно, возможно, давно перестало быть разговорным, по существу доказывает, что именно история должна сообщить. Если бы мы обладали полным словарем древнего языка и если бы мы могли переварить массу в соответствии с точным принципом синтеза, мы бы составили модель народа, который когда-то им пользовался, - модель более совершенную, чем могут предоставить любые другие памятники: и на этом основании нам не нужно бояться ни фальсификаций, ни сокрытий, ни лести, ни преувеличений. Точный уровень знаний и цивилизации, которого достиг тот или иной народ, — не больше и не меньше, - отражен в массе слов, которыми они привыкли пользоваться.

Язык, если допустить сравнение, можно было бы назвать *слепком* людей, которые на нем говорили, — слепком, взятым из самой жизни; и это тот, который представляет мир разума, а также мир материи. Обычные объекты природы — особенности климата- произведения искусства— детали домашней жизни—политические институты-религиозные мнения и

обряды—философия, поэзия и искусство - каждая форма и оттенок внешнего мира и каждая модификация мысли находят своих представителей в языке народа.

Следовательно, в любом случае, если мы обладаем полным знанием языка, то есть слов, из которых он состоит, мы обладаем массой фактов, с помощью которых можно судить о притязаниях на подлинность каждого произведения, в котором воплощен этот язык. И если в дополнение к знанию ее словарного запаса известны также законы ее построения и тончайшие особенности ее синтаксиса и стиля; и если, более того, поняты изменения, происходившие от века к веку в значении слов и способах выражения, то мы тогда обладаем достаточными и точными *данными*, с которыми можно сравнить любую книгу, претендующую на древность. Следует ожидать, что писатель, использующий свой родной язык, будет соответствовать его обычаям; и мы обнаружим, что он более или менее строго придерживается особенностей эпохи, в которую он пишет: более того, его словарный запас будет включать тот набор слов, которого требует его предмет и который предоставляет язык.

Это правда, что можно достичь такой степени владения мертвым языком, которая позволит писателю использовать его с такой точностью, которая введет в заблуждение или, по крайней мере, поставит в тупик даже самых опытных ученых. Но трудность избежать каждой фразы более позднего происхождения и всех современных значений этих слов, которые постоянно переходят от буквального значения к метафорическому, настолько велика, что шансы избежать обнаружения крайне малы. Тем не менее, поскольку такая вероятность все еще остается в пределах возможного, эта линия доказательств не может считаться абсолютно убедительной, а должна использоваться только как вспомогательная по отношению к тем другим доказательствам, которые затрагивают вопросы подлинности.

Мельчайшие изменения, которые постоянно происходят в большинстве языков и история которых, когда она известна, часто служит для установления даты древних книг, бывают двух видов; а именно, те, которые с необходимостью являются результатом фактических изменений в объектах, представленных словами, и те, которые являются простыми изменениями в использовании и пристойностях самого языка.

Поскольку язык является зеркалом, отражающим все доступные для передачи представления людей, которые им пользуются, каждая мутация в состоянии людей должна приносить с собой либо новые термины, либо новые сочетания слов; и поскольку конкретные обстоятельства, приводящие к таким дополнениям или изменениям, часто известны, их появление у автора может помочь установить дату выхода книги почти с уверенностью.

Более того, в самом языке происходит прогресс, независимый от каких-либо изменений в объектах, представленных словами. Всякий раз, когда словарь предоставляет возможность выбора апеллятивов, даже для обозначения неизменяемых объектов или понятий, капризы беседы или литературы — возможно, аффектация или чрезмерная утонченность - время от времени заставляют делать новый выбор. Особенно во всех тех терминах, которые либо несут с собой идеи, слишком знакомые, чтобы соответствовать правилам возвышенного стиля, либо которые в какой—либо степени оскорбляют деликатность, будет происходить постоянная, а иногда даже быстрая замена старых фраз новыми - не потому, что новые сами по себе более достойны или более чисты, чем старые; но потому, что при первом введении они не запятнаны грубыми ассоциациями или вульгарным употреблением.

Следовательно, каждый язык, многочисленные образцы которого сохранились и прогресс которого известен, содержит скрытую историю народа, из уст которого он перешел, и предоставляет ученому ряд малоизвестных дат, с помощью которых литературные остатки могут почти с уверенностью быть отнесены к их надлежащему возрасту. Такого рода свидетельства имеют такое же отношение к истории *книг*, какое свидетельства, полученные в результате последовательных изменений, которые, как известно, произошли в способе письма, имеют к истории *рукописей*. Оно носит вспомогательный характер и из-за самой своей косвенности часто заслуживает особого внимания.

Теперь мы увидели, на каких основаниях, как правило, можно с достаточной уверенностью принять дошедшие до нас произведения древних авторов за подлинные. Представляя это изложение дела, мы не предприняли ничего большего, чем предложить схему или краткое резюме рассматриваемой нами аргументации. Некоторые части этого аргумента, как читатель сразу поймет, допускают значительное усиление; и в любом случае, когда подлинность конкретной рукописи или древнего произведения ставится под сомнение, каждая часть доказательств требует приведения во всех деталях и тщательного изучения.

ГЛАВА V. ДРЕВНИЕ МЕТОДЫ ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КНИГ.

Содержание

Поскольку наше настоящее исследование относится к *книгам*, ожидается, что оно не будет включать ничего, касающегося древних методов выгравирования надписей на мраморе, металлах или драгоценных камнях. Тем не менее, следует помнить, что знание надписей часто очень важно как вспомогательное и независимое средство определения возраста рукописей, на что указывает характер письма. Поскольку до наших дней дошло почти бесчисленное количество образцов письма на более прочных материалах, и поскольку эти образцы относятся ко всем эпохам с самых ранних времен, и поскольку такие надписи обычно содержат либо точную дату, либо какой-либо намек на общественных деятелей или события, они служат для определения, вне всякого сомнения, последовательных изменений, которые произошли в форме букв и в способах письма.

МАТЕРИАЛЫ ДРЕВНИХ КНИГ.

Содержание

Пожалуй, ни один материал для книг не претендует на большую древность, чем кожа телянка или козы, мягко выделанная и обычно окрашиваемая в красный или желтый цвет: обработанные таким образом шкуры чаще всего соединялись в отрезки, иногда в сто футов, достаточные для того, чтобы вместить целое произведение; или одну *книгу* по истории или трактат, которые затем формировали рулон или *том*. Эти мягкие шкуры, по-видимому, были больше в ходу у евреев и других азиатов, чем у жителей Европы. Копии еврейских Писаний, найденные в

еврейских синагогах, часто бывают такого рода: самые древние из дошедших до нас рукописей - это несколько копий Пятикнижия на свитках из малиновой кожи.

Пергамент—Пергамена, названный так задолго до того, как его впервые использовали, из Пергама, города Мизии, где производство было усовершенствовано и продолжалось в значительной степени, упоминается Геродотом и Ктесием как материал, который с незапамятных времен использовался для изготовления книг. Он зарекомендовал себя как самый долговечный из всех остальных, за исключением вышеупомянутого. Большая часть всех тех рукописей, которые сейчас находятся в наших руках и которые имеют более высокую древность, чем шестой век, написаны на пергаменте; как и, как правило, все тщательно написанные и причудливо украшенные рукописи более поздних времен. Палимпсесты, упомянутые в предыдущей главе, обычно представляют собой пергаменты.

Практика письма на листьях деревьев, которой до сих пор придерживаются на Востоке, имеет глубокую древность. Чаще всего для этой цели использовались листья мальвы или пальмы; иногда их соединяли вместе, чтобы образовать более крупные поверхности; но, вероятно, столь хрупкий и неудобный материал использовался скорее для обычных деловых целей, написания писем и обучения детей, чем для книг, предназначенных для сохранения.

Внутренняя кора липы или тейла, а возможно, и некоторых других деревьев, называемых римлянами *Liber*, греками *Biblos*, настолько широко использовалась в качестве материала для письма, что дала название *книге* на обоих языках. Также использовались таблицы из цельного дерева, называемые *кодексами*, откуда в обиход вошел термин *codex*, обозначающий рукопись на любом материале; но это было главным образом для юридических документов, из—за чего система законов стала называться Кодексом. Листья или таблички из свинца или слоновой кости часто упоминаются древними авторами как широко используемые для письма. Но, по-видимому, ни один материал или препарат не использовался так часто в обычных случаях, как таблички, покрытые тонким слоем цветного воска, который можно было легко удалить железной иглой, называемой *стилем*, и с которых надпись можно было так же легко стереть, приложив тупой конец того же инструмента.

Но на протяжении многих веков предметом наибольшего употребления, потребление которого было настолько велико, что образовало главную отрасль торговли Средиземноморья, было то, что изготавливалось из египетского папируса. Многие рукописи, написанные на такой бумаге в шестом, а некоторые даже в четвертом веке, все еще сохранились. Она составляла материал для гораздо большей части всех книг с самых ранних времен примерно до седьмого или восьмого века, когда она постепенно уступила место еще более удобному производству — нашей современной бумаге.

Папирус, или тростник Египта, рос в огромных количествах в стоячих водоемах, образовавшихся в результате ежегодных разливов Нила. Растение состоит из одного стебля, поднимающегося иногда на высоту десяти локтей: этот стебель, постепенно сужающийся от корня, поддерживает на своей вершине раскидистый пучок. Вещество стебля волокнистое, а сердцевина содержит сладкий сок. Египтяне — настолько изобретательные и трудолюбивые, что нашли применение каждой части этого растения. Из более твердой и нижней части они делали чашки и другую посуду; из верхней части - шесты или ребра лодок: сладкая сердцевина была обычным продуктом питания; в то время как волокнистая часть стебля изготавливалась из ткани, парусов для кораблей, веревок, бечевки, обуви, корзин, фитилей для ламп и, особенно,

из бумаги. Для этого с растения были сняты волокнистые покровы по всей длине стебля. Затем один слой волокон укладывали поверх другого на блок, и после увлажнения клейкий сок растения образовывал цемент, достаточно прочный, чтобы придать волокнам сцепление; когда требовалась большая прочность, использовали размер, сделанный из хлеба или клея. Две пленки, соединенные таким образом, прессуют, сушат на солнце, отбивают широким молотком, а затем полируют ракушкой. Эта текстура была нарезана на различные размеры, в зависимости от того, для чего она предназначалась, от тринадцати до четырех пальцев в ширину и пропорциональной длины.

Благодаря прогрессивным усовершенствованиям, которые были сделаны особенно тогда, когда производство перешло в руки римских художников, эта египетская бумага в конце концов была доведена до высокой степени совершенства. В более поздние века его изготавливали значительной толщины — идеальной белизны и полной непрерывности и гладкости поверхности. Тем не менее, он был в лучшем случае настолько рыхлым, что, когда требовалась прочность, переписчики вставляли лист пергамента между каждыми пятью или шестью страницами папируса. Таким образом, твердость одного материала защищала хрупкость другого; и огромное количество книг, составленных таким образом, устояли перед авариями и разложением на протяжении двенадцати столетий.

За триста лет до христианской эры торговля египетской бумагой распространилась на большую часть цивилизованного мира; и долгое время спустя она продолжала оставаться основным источником богатства египтян. Но в конце концов изобретение другого материала, а также прекращение торговли, последовавшее в результате завоевания Египта сарацинами, вытеснили египетскую бумагу из общего употребления. Найдено сравнительно мало рукописей, посвященных этому материалу, датируемых более поздним периодом, чем восьмой или девятый век; хотя время от времени им продолжали пользоваться еще долгое время после этого.

Charta bombycina, или хлопчатобумажная бумага, которую часто неправильно называют *шелковой* бумагой, несомненно, производилась на Востоке еще в девятом веке, а возможно, и намного раньше; а в десятом веке она вошла в широкое употребление по всей Европе. Вскоре после этого это изобретение стало еще более доступным для общих целей благодаря замене сырья старыми льняными или хлопчатобумажными тряпками; ибо таким образом как цена изделия была снижена, так и его качество значительно улучшилось. Хлопчатобумажная бумага, изготовленная древним способом, до сих пор используется на Востоке и представляет собой красивую ткань; она также широко используется в Соединенных Штатах.

Из этого отчета о материалах, последовательно использовавшихся для изготовления книг, будет очевидно, что знание изменений, которым эти несколько производств подвергались от века к веку, часто облегчает, особенно при использовании других свидетельств, установление с уверенностью даты рукописей; или, по крайней мере, предоставляет безошибочные средства для обнаружения сфабрикованных документов.

Сохранение книг, изготовленных из столь разрушаемых материалов, в течение двенадцати или даже полутора тысяч лет - факт, который может показаться почти невероятным; тем более что нашему вниманию постоянно предлагается разложение гораздо более прочных материалов в течение гораздо более короткого периода. И все же, несмотря на то, что массивные стены средневековых монастырей часто можно увидеть поверженными, а материалы, из которых они

сделаны, быстро смешиваются с почвой, рукописи, написанные внутри них или, возможно, в то время, когда эти камни еще находились в каменоломне, по-прежнему прекрасны и совершенны и сверкают золотом и серебром, лазурью и киноварью.

Однако следует помнить, что материалы книг, хотя и подвержены разрушению, сами по себе настолько далеки от того, чтобы быть скоропортящимися, что до тех пор, пока они защищены от серьезных повреждений, они, по-видимому, почти не страдают от какого-либо внутреннего принципа разложения или подвержены какому-либо заметному процессу химического разложения. Никто, говорит Мабилон, если только он совершенно не знаком с тем, что относится к древности, не может поставить под сомнение большую долговечность пергаментов; поскольку до наших дней дошло бесчисленное количество книг, написанных на этом материале в седьмом и шестом веках; и некоторые из еще более отдаленной древности, благодаря которым все сомнения по этому поводу могут быть устранены. Здесь может быть достаточно упомянуть Вергилия из Библиотеки Ватикана, который, по-видимому, датируется более древним, чем четвертое столетие; и еще один в королевской библиотеке, чуть менее древний: также Пруденция из той же библиотеки, того же возраста; к нему вы можете добавить несколько уже упомянутых, таких как Псалтирь Святого Германа, Книга Соборов и другие, которые все сделаны на пергаменте.

Бумага Египта, будучи более хрупкой, могла бы вызывать большие сомнения; и все же существуют книги глубокой древности, по которым можно установить ее долговечность.

Книги сохранились не только из-за долговечности материала, из которого они были сделаны, но и из-за того, что они были одновременно драгоценными и все же (в периоды всеобщего невежества) не пользовались спросом; они имели неоценимую ценность для немногих, в то время как абсолютно бесполезны по мнению большинства. Они также часто были обязаны своим сохранением в периоды беспорядков и насилия святости крыш, под которыми они жили.

ПИСЬМЕННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ЧЕРНИЛА.

Содержание

Инструменты, используемые для письма, были бы, конечно, такими, которые были бы приспособлены к материалу, на котором они должны были использоваться. Для письма на упомянутых выше медных, свинцовых или воощенных табличках использовалась игла, называемая стилем, верхний конец которой, будучи гладким и плоским, служил для стирания отметин на табличке, если того требовал случай. Сначала эти стили чаще всего изготавливались из железа или латуни, но впоследствии из слоновой кости или дерева. Действительно, поскольку разгневанные сторонники этого острого оружия несколько раз применяли его со смертельным исходом в общественных судах, использование железных наконечников было запрещено; Говорят, что Цезарь, когда на него напали заговорщики, использовал свой железный наконечник в качестве кинжала и пронзил им руку одного из них; хорошо известна история христианского школьного учителя Кассиана, который, как говорят, был убит своими учениками, вооруженными их наконечниками: зафиксированы и другие подобные случаи.

Для письма жидкими чернилами использовался аир, обычно изготавливаемый из нильского тростника. Знатные люди часто писали серебряным аиром. Использование перьев, по-

видимому, относится к глубокой древности; но еще долгое время после того, как стало известно о пригодности пера для письма, предпочтение по-прежнему отдавалось тростниковому аиру. Скальпель или нож, используемый для обрезки пера, циркуль для измерения расстояния между линиями и ножницы для разрезания бумаги, всегда можно увидеть на столе писателей в украшениях, прилагаемых ко многим древним рукописям.

Считается, что чернила, наиболее часто использовавшиеся древними, состояли, хотя и на основании довольно сомнительных данных, из черной жидкости, содержащейся в рыбе-каракатице. Но химическим анализом было доказано, что переписчики книг обычно использовали непрозрачные чернила, сильно отличающиеся от простой краски, используемой в настоящее время. Эти непрозрачные чернила, по-видимому, как и фарфоровые чернила, были сделаны из тончайшей сажи ламп, в которых сжигались чистейшие горючие вещества. Также использовался растертый в порошок уголь из слоновой кости или более тонких пород дерева; эти или подобные вещества, смешанные со смолами и разбавленные кислотами, образовывали пигмент, который был гораздо более долговечным, чем наши современные чернила; но он также был гораздо менее текучим и, следовательно, менее приспособленным к быстрому и непрерывному движению пера.

Чернила, говорит Монфокон, которые мы видим в большинстве древнегреческих рукописей, очевидно, потеряли большую часть своей первоначальной черноты; однако они не стали полностью желтыми или тусклыми, а скорее рыжеватыми или темно-красными и часто близки к киновари. Это встречается во многих рукописях четвертого и последующих веков. Однако есть некоторые, написанные более искусно подобранными чернилами, которые сохранили свою первоначальную черноту. Случалось также, что поверхность пергамента, вместо того чтобы быть отполированной, была губчатой, и чернила становились желтыми. Во всех рукописях бомбицина из-за природы материала произошло разделение частей чернил; более грубая часть осталась на поверхности, в то время как более тонкая проникла в субстанцию бумаги.

Древние широко использовали чернила различных цветов, особенно красные, пурпурные и синие, а также золотые и серебряные чернила: немногие рукописи лишены такого орнаментального разнообразия цветов; и многие из них великолепно смотрятся на глаз благодаря этим средствам. Существовали пурпурные чернила, которыми пользовались императоры и которые назывались священной энкаустикой; но краситель, который нелегко отличить от того, что фигурирует на некоторых императорских хартиях, очень часто встречается в древних книгах. И говорят, что у них, должно быть, было хорошее зрение, раз они смогли настолько отличить одно от другого, чтобы обнаружить нарушение закона по этому вопросу. Подписка, обычно встречающаяся в конце греческих рукописей, содержащая имя переписчика, год, месяц, день, указатель, а иногда и час, когда копия была закончена, чаще всего написана императорским цветом, особенно во времена нижней империи; или если не этими чернилами, то теми, которые сейчас невозможно отличить от них.

Названия глав часто писались попеременно красным и лазурным цветами: примечания на полях, чаще всего последнего цвета. В книгах более позднего издания все заглавные буквы часто окрашены в ярко-зеленый цвет. Греки чаще, чем римляне, пользовались золотыми чернилами; и сохранилось много греческих рукописей, в которых не только заглавные буквы, но и целые страницы изящно написаны пигментом из драгоценных металлов; но эта честь была оказана скорее церковной, чем светской литературе. Так украшались главным образом труды

Отцов Церкви, а иногда и Евангелия: сохранился экземпляр "Четырех евангелистов", написанный на пурпурном пергаменте золотыми буквами по всей длине. Практика использования золотых и серебряных чернил была настолько распространена, что их изготовление превратилось в отдельный бизнес; и те, кто был искусен в этом виде письма, редко занимались каким-либо другим занятием, кроме вставки заглавных букв или выразительных слов в копии, выполненные неумелыми руками. Более поздние греческие официанты дали несколько любопытных рецептов приготовления драгоценных пигментов.

Те, кто давно привык просматривать древние рукописи, приобретают определенный такт в определении возраста книги по состоянию чернил, их цвету и составу, который невозможно объяснить другим и для применения которого не может быть установлено никаких правил. Но в тех случаях, когда подозревается мошенничество, эта приятная привычка глаза часто сразу обнаруживает обман. Возможно, более практично придать картине, чем рукописи, оттенок древности искусственными средствами.

ГЛАВА VI. ИЗМЕНЕНИЯ, ВНЕСЕННЫЕ С ТЕЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ В ФОРМЫ БУКВ И В ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ПИСЬМА.

Содержание

Точное единообразие в форме букв и общем виде письма вряд ли сохраняется на каком-либо языке в течение столь длительного периода, как пятьдесят лет, особенно если он широко распространен. За это время мода на нашу собственную типографию претерпела несколько изменений, настолько заметных, что позволяет сносно определить дату выхода книг. Ни одному человеку, например, знакомому с книгами, не составило бы труда просто по характеру шрифта определить возраст произведений, опубликованных в различные периоды 1775, 1800, 1825 и 1855 годов. На сходных основаниях знание последовательных изменений, внесенных по капризу, случайности или из соображений удобства в древние способы письма, дает почти верный способ определения возраста рукописей.

Знания, необходимые для осуществления такого различия, получены частично из случайных упоминаний о способах письма, встречающихся у некоторых древних авторов; но главным образом из подробного сравнения самих рукописей и из сравнения рукописей с надписями на мраморе, бронзовых табличках или монетах. Из этих источников можно составить достаточно точное представление о характере или манере письма, преобладавшей в каждом столетии, со второго по пятнадцатое, христианской эры.

Древнейшие греческие рукописи, дошедшие до нас, мало чем отличаются по форме букв или общему виду письма от надписей, относящихся к соответствующим периодам. Они пишутся заглавными буквами, называются унциальными, без разделения слов и без знаков ударения или пунктуации. Примерно в седьмом веке, по-видимому, был введен обычай ставить ударения и придаточные; в то же время наблюдалась большая степень точности в формировании букв, а также в прямоте и параллельности линий. К этим улучшениям было добавлено изменение формы тех букв, которые больше всего затрудняли быстрое движение пера.

В восьмом и девятом веках переписчики книг переняли способ письма, который задолго до этого практиковался нотариусами и секретарями государственных деятелей. Это была своего рода бегущая строка, тех, кто изобрел или кто чаще всего ею пользовался, называли тахиграфистами—писателями swift. Чтобы приспособить греческие буквы к целям общественного бизнеса и повседневной жизни, квадратные формы были заменены изгибами, а прямые - наклонами: и хотя радикальное сходство с первобытным характером было сохранено, были получены легкость и свобода.

Переписчики, однако, не отказались от унциального символа полностью; но были внесены в него модификации с целью получения большего удобства: поскольку ранее использовавшиеся несвязные и вертикальные квадраты казались еще более оперозными в исполнении после того, как был принят бегущий почерк. Переписчики восьмого века ввели практику начинать книги или главы буквой большого размера, которую они обычно отличали гротескными украшениями, чем-то похожими на манеру, наблюдаемую в печатных книгах шестнадцатого века.

Те, кто зарабатывал на жизнь переписыванием книг, находили столь большое преимущество в использовании свифта, или тахиграфического символа, что в настоящее время стремились улучшить его с помощью любого приспособления, которое могло способствовать непрерывному движению пера; не довольствуясь соединением букв в каждом слове, они объединяли их в формы, которые часто имели мало или вообще не имели сходства с составляющими символами. Книги десятого и последующих столетий изобилуют этими сокращениями, аббревиатурами и символами. Многие часто встречающиеся слова были обозначены одним поворотом пера. Большая часть этих сокращений была принята первыми печатниками, и многие из них продолжали использоваться до самого недавнего времени.

Рукописи двенадцатого и тринадцатого веков отличаются вырождением способа письма и растущим злоупотреблением принципом быстроты и удобства. К этим симптомам влияния меркантильных мотивов, приведенных в действие растущим спросом на книги, можно добавить практику списания старых пергаментов, которая в тот же период распространялась более широко, чем раньше. Можно встретить огромное количество книг такого рода, написанных на стертых пергаментах, созданных в двенадцатом, тринадцатом и четырнадцатом веках. В большинстве случаев первая надпись полностью стерта, носледы стирания все еще заметны. Так, на описанной выше рукописи не сохранилось ни буквы, ни точки древнего письма; но на многих листах можно различить линейчатые линии, поперечные или перпендикулярные, которые, будучи глубоко отпечатанными на пергаменте, невозможно было стереть; так что эти старые линии часто пересекали новые письма. На других страницах той же рукописи подобных указаний нет; листы, вероятно, были взяты из разных книг. На другой рукописи, выполненной в 1186 году, хотя древняя письменность в целом стерта, все же в нескольких местах, при внимательном рассмотрении, можно различить концы букв. Одним словом, если изучить все книги тринадцатого и четырнадцатого веков, то окажется, что на стертых пергаментах написано почти столько же, сколько и на новых.^[1] Я придерживаюсь мнения, что многие авторы, дошедшие до нас во времена Фотия и даже во времена Багрянородного, были полностью уничтожены распространением этой пагубной практики. Эта чума, как ее можно назвать, распространила свое опустошение на древние книги впервые в двенадцатом веке и продолжила свои опустошения в тринадцатом и четырнадцатом. То же самое редко можно наблюдать в бомбициновых рукописях: я встретил только одну книгу из этого материала, в которой первая запись была стерта, а вторая нанесена заново. Греческие писатели того

времени обычно стирали лучшее произведение ради замены худшим; либо одно из их собственных бессмысленных произведений, либо те произведения, в которых нет недостатка среди рукописей. Крайнее невежество, несомненно, царило в Греции в те времена, когда писатели нисколько не ценили то, что относилось к древней истории или к вежливому обучению, и вместо того, чтобы покупать новый пергамент, без зазрения совести уничтожали древние книги.

Прогресс, подобный тому, который имел место в греческой письменности, отличает рукописи на латинском языке и дает аналогичный критерий древности. Сохранилось несколько рукописей, которые, как полагают, по веским свидетельствам, относятся к третьему и четвертому векам, и стиль письма в них почти аналогичен тому, который встречается в надписях того же периода. Но унциальный знак уступил место маленькой букве у римлян раньше, чем у греческих переписчиков; и все же они, по-видимому, воспользовались этим изменением в гораздо меньшей степени для целей ускорения. Действительно, в маленьком символе непрерывности или сокращения немного больше, чем в большом. Ближе к десятому веку латинские переписчики приняли квадратный и тяжеловесный почерк, подобный тому, который встречается в юридических документах. Это широкое письмо, написанное во весь рост, было настолько преувеличено писателями четырнадцатого века, что почти почернело от его массивности. Тем не менее, была сохранена приятная регулярность и изрядная степень разборчивости. Действительно, сохранилось несколько рукописей этого периода, которые по математической точности и красоте могут почти не сравниться с печатными книгами.

Очевидно, что ничто иное, как продолжительное и всестороннее изучение древних рукописей, не может наделить любого человека такой степенью мастерства в различении такого рода, которая могла бы оправдать его высказывание мнения в случае затруднения. И все же простой осмотр небольшого числа этих реликвий древности может убедить любого в реальности и отчетливости тех прогрессивных изменений в способах письма, на которых основаны подобные различия. Архитектура разных периодов не более характерна для эпохи, к которой она принадлежит, чем стиль письма в рукописях; и в одном случае нет меньшей определенности в решении вопросов древности, чем в другом. Частные случаи могут поставить в тупик или ввести в заблуждение наиболее информированных и проницательных наблюдателей, но большее число случаев не вызывает сомнений.

ФОРМА ДРЕВНИХ КНИГ И ИХ ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Содержание

Способ уплотнения листов своих книг у греков оставался неизменным на протяжении длительного периода времени: следовательно, по этому вопросу мало что можно почерпнуть из наших рассуждений. Листы были сложены по три или четыре вместе и сшиты по отдельности: затем эти свертки были соединены почти тем же способом, который практикуется в настоящее время. Книги были обтянуты льном, шелком или кожей.

Иногда страница была целой; иногда она содержала две, а в некоторых экземплярах очень древних рукописей и три колонки. Особенность, которая привлекает внимание во многих греческих рукописях, состоит в появлении заглавных букв на полях, несколько впереди строки, к которой они принадлежат; и эта заглавная буква иногда оказывается средней буквой слова.

Ибо, когда предложение заканчивается на середине строки, инициал следующей не выделяется, эта честь присуждается начальной букве следующей строки; таким образом, —

Т Греки, населяющие
РЕГИОН
КРОН, ОБРАЗОВАЛИ С НИМИ АНАЛЬНУЮ
ЛИАНУ.КОГДА
ОН ПОДТВЕРДИЛ СВОЮ
ВЕРУ, ВАРВАРЫ
УСПОКОИЛИСЬ.

Греки, особенно в древнейшие времена, делили свои произведения на стихи; или на такие короткие части предложений, которые мы отмечаем запятой, при этом каждый стих занимал строку; и количество этих стихов часто указывается в начале или в конце книги. Номера стихов иногда указывались на полях.

Тема древней пунктуации сопряжена с большими сложностями; также не удалось дать сколько-нибудь удовлетворительного описания правил и исключений, почерпнутых из существующих рукописей, что соответствовало бы замыслу этой работы. Вообще говоря, и все же, за частыми исключениями, в самых древних книгах нет разделения слов или какой-либо пунктуации; в других есть разделение слов, но нет пунктуации; в некоторых каждое слово отделено от следующего точкой. В рукописях более позднего времени встречается обычная пунктуация, а также акцентуация. Эти обстоятельства учитываются при оценке древности книги, но правила, которые необходимо соблюдать при их рассмотрении, не могут быть иными, чем непонятными и запутанными.

Немногие древние книги совсем лишены украшений, а многие великолепно украшены живописными орнаментами. Они состоят либо из витиеватых инициалов, гротескных шифров, портретов, либо даже исторических композиций. Иногда на полях помещаются диаграммы, поясняющие темы, упомянутые автором. Книги, написанные для королевских особ или высокопоставленных священнослужителей, обычно содержат изображения владельца, часто в сопровождении его семьи и какого-нибудь аллегорического или небесного служителя; в то время как скромный писец в монашеском одеянии преклоняет колени и преподносит книгу своему покровителю.

Эти иллюстрации, как их еще называют, почти всегда демонстрируют какой-нибудь костюм того времени или какую-нибудь особенность, которая указывает на возраст рукописи.

Действительно, из этого источника был собран целый фонд антикварной информации, относящейся к средневековью. Многие из этих иллюстрированных книг демонстрируют высокую степень исполнительского таланта художника, хотя и работающего в условиях варварского вкуса.

[Сноска](#)

[Содержание](#)

ГЛАВА VII. ПЕРЕПИСЧИКИ; И ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ КОПИРОВАЛЬНОГО БИЗНЕСА.

Содержание

Весьма важно знать, какой класс лиц, главным образом, занимался переписыванием книг; и это немало подкрепляет нашу уверенность в подлинности существующих рукописей, поскольку люди всех рангов, движимые самыми разными мотивами, привыкли посвящать себя этому занятию. С самых ранних времен, когда процветала литература, во всех главных городах Греции и ее колониях было большое количество профессиональных переписчиков, то есть людей, которые зарабатывали на жизнь переписыванием книг. Вполне можно предположить, что работники этого класса, как правило, не стремились ни к чему, кроме завоевания обычая честностью и достоверностью своих копий. Но, по-видимому, не было ничего необычного в том, что высокопоставленные и досужие люди занимались этим делом. Таким образом, в списке переписчиков мы находим имена знати Константинопольской империи. Некоторые создавали свои библиотеки для себя, переписывая каждую книгу, которая попадалась им на пути. Можно представить, что для людей степенного нрава или для тех, кто по недомоганию был прикован к своим домам, это занятие было в высшей степени приятным. И это не было напрасным трудом для тех, кто располагал досугом, поскольку высокая цена книг делала приобретение библиотеки практически невозможным, разве что для самых богатых людей.

Влияние христианства очень сильно расширило практику частного копирования, ибо мотивы благочестия побуждали очень многих усердствовать в благом деле умножения священных книг и произведений христианских писателей. Высшие сановники Церкви и даже князья считали себя хорошо занятыми переписыванием Евангелий и Посланий, Псалтири, гомилий или размышлений Отцов Церкви; и, как мы увидим, эти безвозмездные переписчики не совсем пренебрегали классическими авторами.

Но начиная с третьего или четвертого века религиозные дома были главными источниками книг, а монахи были почти единственными переписчиками. Это занятие лучше, чем любое другое, которое можно себе представить, соответствовало правилам, обычаям и чувствам, свойственным монашеской жизни. Умственная и физическая инертность, которую дух и правила монастырских орденов, как правило, порождали в отдельных людях в сочетании с некоторой долей туземной трудолюбивости, нашла бы именно то поле для того летаргического усердия, которое было необходимо в деле копирования книг. Во многих монастырях это занятие составляло главное занятие насельников, и лишь немногие полностью пренебрегали им.

У греческих авторов встречаются различные наименования, которыми обозначались несколько категорий писателей. Среди писцов или нотариусов, прикрепленных к службе государственных лиц, всегда были такие, кто выделялся быстротой, с которой они писали, и которые поэтому носили титул *тахиграфов*, или “быстрых писцов”. Но те, кто занимался переписыванием книг, в которых разборчивость была главным достоинством, обычно называли себя *каллиграфами*, или

“добросовестными писателями”. Тем не менее, эти названия часто используются как взаимозаменяемые.

Переписчики обычно подписывались своими именами в конце каждой книги с указанием года, в котором она была издана; к этому они часто добавляли имя правящего императора; иногда, хотя и редко, имя Константинопольского патриарха на данный момент добавляется к подписному листу переписчика. В рукописях, написанных на Сицилии, упоминаются имена ее королей; в тех, что были казнены на Востоке, упоминаются арабские или турецкие принцы. Греки ранних эпох обычно датировали сотворение мира, которое они считали за 5508 лет до Рождества Христова. Иногда они отсчитывали время от смерти Александра Македонского; иногда от восшествия на престол Филиппа Аридея; иногда от восшествия на престол Диоклетиана; а иногда они сообщают о знаменательных событиях своего времени. Из этих случайных ссылок часто извлекается много важной исторической информации. Эти подписи обычно сделаны рукой переписчика книги.

Помимо подписи переписчика, на полях многих рукописей есть пометки — часто очень тривиальные или абсурдные, сделанные руками сменявших друг друга владельцев книги; каждая сопровождается какой-либо датой или ссылкой на людей или события, служащие для установления времени автора комментария и, как следствие, доказывающие древность рукописи. В нескольких случаях переписчики скопировали подписку переписчиков книги, с которой они писали; и если на этой прежней подписке стоит дата, мы имеем двойное указание на древность.

Добросовестность переписчиков, подлинность и целостность древних рукописей горячо и со знанием дела отстаивал трудолюбивый отец Мабилон на протяжении всего своего великого труда *"О дипломатической работе"*.^[2] Главным мотивом, побудившим неугомонного автора продолжить исследования, результатом которых является эта работа, по-видимому, было желание установить подлинность и целостность церковных, и особенно монашеских уставов. В ходе своих расспросов он приводит огромное разнообразие и объем информации, касающейся способов письма, практиковавшихся в монастырях и при дворах французских королей в средние века. Эти факты, конечно, наиболее доступны в аргументах, касающихся подлинности и древности существующих рукописей на *латинском* языке; но в следующих отрывках так много сути аргументации, касающейся подлинности всех древних писаний, что они вполне могут быть представлены читателю. Сама работа вряд ли попадет в поле зрения тех, для кого предназначен этот том.

Этот ученый писатель говорит: “Прежде чем я завершу это дополнение, я думаю, будет уместно сказать кое-что относительно целостности и авторитета древних книг, которые некоторые люди оспаривают. Ибо, несомненно, если подлинность хартий и государственных актов подвергается сомнению, авторитет древних рукописей в целом также ставится под сомнение; и, если эти сомнения могут быть обоснованы, окажется, что те, кто занимается сопоставлением печатных изданий Отцов Церкви или других священных книг с древними рукописями, тратят свой труд напрасно. И поэтому мы также должны верить, вопреки мнению всех ученых людей, которые считают, что мир в большом долгу перед трудами монахов по переписыванию книг, что они трудились не с благой целью. Такие люди, чтобы придать окраску своему мнению, утверждают, что существующие древние рукописи были выполнены невежественными людьми, чьи ошибки легко замечаются учеными; и на этом предубеждении они основали решение, что рукописи,

написанные по большей части неумелыми руками и заимствованные многими из одного, мало полезны для понимания или восстановления автора.

“Но если бы этот принцип был принят, наше доверие к печатным изданиям, так же как и к древним рукописям, должно было бы рухнуть до основания. Ни акты соборов, ни творения Отцов Церкви, ни Священное Писание не сохранили бы никакого авторитета. Ибо откуда, спрашиваю я, взялись печатные издания, как светских, так и священных писателей? разве они не были взяты из древних рукописей? Следовательно, если они не имеют авторитета, то и те не могут иметь никакого авторитета; и таким образом, согласно этому парадоксальному мнению, подрываются основы как литературы, так и религии. И, исходя из этого принципа, аргумент, использованный Св. Августин против манихеев, которые клеветнически утверждали, что каждое место Священного Писания, с помощью которого можно было бы опровергнуть их ошибки, фальсифицировано и искажено. Но Августин, отвечая Фаусту, напоминает ему, что тот, кто первым попытался бы так исказить Священное Писание, был бы немедленно опровергнут множеством древних рукописей, которые были в руках всех христиан.

Исходя из этого принципа, труды Отцов Церкви, Иеронима, Августина и других, по сопоставлению древних книг с современными копиями, были бы бесплодны. Напрасны обращения советов к таким властям за разрешением спорных вопросов; напрасны расходы и заботы принцев и королей по сбору рукописей из самых отдаленных стран. И если дело обстоит таким образом, то ватиканская, флорентийская, амброзианская и королевская (французская) библиотеки - не что иное, как бесполезные груды пергамента. И напрасно римские понтифики и короли Франции, а также другие прелаты и принцы посылали ученых людей в самые отдаленные уголки Востока за древними книгами на латыни, греческом, иврите и других языках. И тогда древние переписчики должны были потерять свой авторитет, и особенно монахи, которые всецело посвятили себя переписыванию книг; таковы были ученики святого Мартина, среди которых, согласно Сульпицию, не практиковалось никакого искусства, кроме письма. Ибо они думали, что не могут найти лучшего занятия, чем одновременно назидать самих себя в постоянном чтении Священного Писания и распространять заповеди Господа повсюду своими перьями. Такого мнения придерживался благочестивый Гуго: ‘Поскольку мы не можем проповедовать слово нашими устами, - говорит он, - давайте делать это нашими руками; ибо сколько книг мы переписываем, столько вестников истины мы посылаем’. И таким же образом Петр достопочтенный, обращаясь к Гизлеберту, отшельнику, призывает его к усердию в этом упражнении: “Ибо так ты можешь стать безмолвным проповедником Божественного Слова; и хотя язык твой нем, рука твоя будет громко говорить в ушах многих людей. И в будущие времена, после твоей смерти, плоды твоих трудов сохранятся до тех пор, пока будут существовать эти книги”.

“Если будет подтверждено, что рукописи, которыми мы располагаем, по большей части были написаны необразованными людьми, то заслуживают ли они, следовательно, внимания? Во-первых, я отрицаю, что они вообще были написаны необразованными людьми. Конечно, блаженный мученик Памфил, написавший большую часть трудов Оригена, не был необразованным; не были необразованными ни Иероним, ни Илариус. О Фульгенции, знаменитом епископе (Руспы), сообщается, что он прославился своим писательским мастерством. Таковую же похвалу заслужили святые мужи Лукиан, Филоромус и Марцелл, а также блаженные Платон и Феофан. Блаженная Марцелла младшая, как говорит Иероним, писала

быстро и без ошибок. Достопочтенные Беда, Радберт, Рабан и другие из наших ученых мужей выполняли функции переписчиков не только своих собственных трудов, но и трудов других.

“И даже если большая часть рукописей была написана необразованными людьми, следовательно, их нельзя считать неумелыми переписчиками, при условии, что они читали и копировали точно. Опыт каждый день доказывает, что те наборщики, которые понимают латынь, не самые правильные, но что они обычно наиболее ошибочны; особенно в попытках исправить то, что они не понимают должным образом и что те, кто ничего не знает о языке, устанавливают точно. Но допустим, что переписчики были необразованны: мы знаем, что печатные издания создаются не по одному экземпляру, а путем сравнения многих: самый небрежный переписчик не всегда ошибается, а там, где он ошибается, его ошибки исправляются путем сопоставления копий других.

Одним словом, во всех благоустроенных церквях и монастырях были не только ученые писатели, которые сами переписывали книги, но и ученые корректоры, которые сравнивали копии, сделанные другими, с оригиналами и исправляли все, что было ошибочным. Преданный писец, говорит Тритемий, когда он тщательно написал книгу, сравнивает ее заново с оригиналом и подвергает тщательной переработке. В доказательство этого пересмотра и исправления рукописей можно привести множество примеров. Может быть достаточно одного или двух. В библиотеке Ватикана хранится рукопись, написанная ближе к концу пятого или в начале шестого века, содержащая книги св. Хилари о Троице, которая была сверена с более старой копией каким-то прилежным человеком, как явствует из примечания в конце. И снова Пол Варнефрид, диакон и монах Казины, скопировав послания Григория Великого, отправил книгу Адальхарду, аббату Корбеи, с просьбой переработать копию; но аббат, опасаясь, что он может изменить подлинный текст столь ученого врача, ограничился пометкой на полях в каждом месте, где, по его мнению, была ошибка.

“ Но утверждается, что существует много ошибочных и фальсифицированных рукописей. Я допускаю, что существует немало ошибочных книг, но то, что существует множество фальсифицированных рукописей, я решительно отрицаю. Разница между *неисправной* и *фальсифицированной* книгой существенна: к первому виду относятся те, которые из-за ошибок или небрежности автора содержат некоторые изъяны; ко второму виду относятся те, которые были умышленно искажены. Многие, действительно, могут показаться фальсифицированными, но на самом деле это не так и даже не являются ошибочными. Что я могу таким образом объяснить.— Не могло не случиться так, что переписчики, переписывая большие произведения, иногда отклонялись от истинного прочтения, заменяя, возможно, одно слово другим. Заметив свою ошибку, они могли исправить ее двумя способами: либо стерев слово и вставив подлинное прочтение; либо вставив истинное слово под другим, которое они отметили точками. Теперь некоторые люди, не понимая этого или намеренно придавая этому неблагоприятную форму, нашли в первом случае обвинение *встирании*, а во втором поместили оба слова в текст автора, хотя указанное слово следовало бы опустить. Иногда также случалось, что слова или инициалы, написанные кинноварью, поблекли и были заменены более поздней рукой, и эти изменения вызвали необоснованные подозрения в фальсификации”.

Перья монастырских писцов были заняты главным образом переписыванием религиозных книг, Священного Писания, творений Отцов Церкви, житий святых, книг размышлений и молитв; и все же классическими авторами не пренебрегали. “Монастырь Помпосия значительно

улучшился со времен своего основателя Гвидо [около 1025 года], известного своей святостью. Подстрекаемые славой его благочестия, многие приняли священный обряд в его церкви; маркизы, графы и сыновья знати отказались от мирской роскоши и удовольствий, чтобы следовать там религиозным обязанностям. Среди них мой учитель Иероним, впоследствии аббат, с самых ранних лет обучавшийся монашеской жизни и достиг больших успехов в грамматике и логике. Он, в назидание братству, взялся собирать труды ученых людей, чтобы среди всего многообразия каждый мог найти информацию, которую они искали. Бонус—гуд — как по имени, так и по жизни, который сначала был отшельником, а затем монахом, был его библиотекарем, человеком, которого все почитали как совершенного ученого, и он так стремился к приобретению книг, что покупал все, что попадалось ему на глаза, как бы невнятно они ни были написаны; ибо аббат решил переписать их все для своей библиотеки, и благодаря его заботе почти все теперь скопированы. Он всегда интересовался религиозными книгами всех видов, так что церковь Помпозии стала самой известной в Италии. Таким образом, по милости Божьей, наша жажда знаний увеличивается благодаря знанию. Действительно, желание настоятеля обогатить свою церковь этими сокровищами безгранично. Но завистливые люди могут спросить, почему этот преподобный аббат причисляет языческих авторов, истории тиранов и подобные книги к богословским трудам? На это мы отвечаем словами апостола, что есть сосуды как из глины, так и из золота. Эти средства пробуждают вкусы всех людей к изучению — цель языческих писаний та же, что и у Священного Писания, - внушить нам презрение к миру и светскому величию”.[3]

Этими или подобными извинениями те монахи, а такие были в большинстве домов, которые обладали вкусом и образованностью, извиняли более набожным вниманием, которое они уделяли произведениям светских авторов. То, что греческая и латинская классика была известна и изучалась в так называемые темные века, может иметь множество доказательств, как мы сейчас увидим. И те, чей вкус привел их к знакомству с этими произведениями, позаботились о том, чтобы трудами своих рук увековечить произведения, которыми они больше всего восхищались.

В период расцвета греческих республик, то есть от поражения Ксеркса до времен Александра Македонского, многие греческие колонии почти сравнялись или даже превзошли метрополию по богатству, утонченности и интеллекту. На соседних островах Эгейского моря — в Малой Азии - в Италии и на Сицилии литература и философия культивировались с таким же рвением, как и в Афинах. Многие из самых выдающихся писателей и философов были уроженцами колоний; и если сама Греция была главным центром образования и источником книг, то все, что там производилось, быстро попадало в отдаленные поселения; ибо в каждый город вдоль берегов Средиземного моря и Эвксинского Архипелага постоянно вывозились книги: во многих из этих отдаленных городов собирались библиотеки и широко велось переписывание.

После времен Александра греческая литература нигде не процветала так ярко, как в Александрии в Египте, под покровительством Птолемеев. Здесь утвердились все философские секты; были открыты многочисленные школы; и для продвижения знаний была собрана библиотека, которая, как предполагалось, в свое время содержала 700 000 томов на всех языках. К библиотеке примыкали обширные кабинеты, в которых в значительной степени велось переписывание книг, причем со всеми возможными преимуществами, которые могли обеспечить королевская щедрость, с одной стороны, и ученая усидчивость, с другой. Литературная слава Александрии не уменьшилась и при римских императорах. Домициан, как

сообщает Светоний, послал в Александрию писцов переписывать книги для восстановления тех библиотек, которые были уничтожены пожаром. И, по-видимому, в течение нескольких столетий после этого для тех, кто хотел создать библиотеку, было обычной практикой содержать переписчиков в Александрии. Завоевание Египта сарацинами в 640 году н.э., которые сожгли Александрийскую библиотеку, на время лишило ее знаний, как и в других странах, которые они оккупировали.

Аттал и его преемники, цари Пергама, были великими поборниками учености; и копирование книг в их столице было развито до такой степени, что привело к созданию обширной мануфактуры по выделке кож (как упоминалось выше), которая долгое время оставалась важным предметом торговли. Говорят, что библиотека царей Пергама содержала 200 000 книг.

На протяжении более тысячи лет, от правления Константина до падения Константинополя в пятнадцатом веке, этот город был главным центром обучения и главным источником книг. Византийские историки часто восхваляют щедрость императоров в приобретении книг и обеспечении их размножения. Рукописи, выполненные в Константинополе, часто отличаются необычайной красотой почерка и великолепием украшений. Помимо императорских библиотек, церкви и монастыри города были богаты коллекциями, более или менее обширными, и во всех них постоянно и активно занимались переписыванием текстов.

Датируется большим количеством существующих рукописей из монастырей страны, непосредственно окружающей столицу Восточной империи; а также многими из монастырей Малой Азии, с островов Эгейского моря и особенно с Кипра.

Но не было места, более известного производством книг, чем гора Афон - высокий мыс, который простирается от побережья Македонии далеко в Эгейское море. Высоты и склоны этой горы были почти покрыты религиозными домами, созданными искусством и природой, а также всеобщим мнением о святости монахов "святой горы", настолько надежными, что ни медитации, ни занятия отшельников не были нарушены приближением насилия. Утверждается, что главным занятием обитателей этих заведений было переписывание книг, большой коллекцией которых мог похвастаться каждый монастырь.

Многие сохранившиеся рукописи доказывают, что переписывание книг широко практиковалось в средние века в монастырях Мореи, на островах Эвба и Крит. Этот последний остров, по-видимому, действительно был местом убежища для ученых людей в последние периоды существования восточной империи, которые находили в его монастырях и убежище, и средства к существованию.

Упоминаются пятьдесят религиозных учреждений в Калабрии и Неаполитанском королевстве, из которых вышло большое количество книг, впоследствии собранных в библиотеках Рима, Флоренции, Венеции и Милана.

Эта система копирования сохранялась и в монастырях Западной Европы, особенно на Британских островах. Хотя правила и практика монахов разных орденов значительно различались, элементы монашеской жизни были во всех орденах и в каждой стране одинаковыми; и, вообще говоря, везде, где были монастыри, существовало производство книг. Тем не менее, в некоторых домах эти труды пера направлялись гораздо более достойно, чем в других. Ибо, в то время как монахи одного монастыря занимались переписыванием молитвенников, легенд или романтических произведений, другие пополняли свои библиотеки

великолепными экземплярами отцов церкви и Священного Писания; а некоторые, хотя и меньшее число, позаботились о воспроизведении тех классических авторов, с которыми они могли быть знакомы.

Казалось, что монашеский институт был создан с особой целью передачи остатков древней литературы — священной и мирской - в период, когда, за исключением столь экстраординарного положения, они неизбежно должны были погибнуть. В каждой стране значительная часть общества, освобожденная от необходимости труда и отстраненная от активных занятий, была вынуждена искать средства смягчить муки апатии; и ничто не могло так хорошо соответствовать этой цели, как переписывание книг. И к этому занятию, хотя оно и соответствовало физическим привычкам, порождаемым инертным образом жизни, а также сочеталось с соблюдением ряда неизменных формальностей, было привязано мнение о достоинстве, которое стимулировало усердие работника. “Эта книга, переписанная М. Н. для спасения его души, была закончена в году ..., да помыслит о нем Господь”. Таковы подписи на многих рукописях средневековья.

Тем временем вдоль расписной стены монастыря,
монахи — каждый низко склонился над своей книгой,
подперев голову рукой, — занимались своими занятиями;
Не желая вступать в переговоры или смотреть вперед,
они заняли свои регулируемые места вдоль стен:
расхаживающий приор смотрел с напыщенным видом,
И немногословным видом, готовый к немедленному упреку,
Если видели монаха, спящего в капюшоне;
Он часто осторожно заглядывал под эту красновато-коричневую ширму.

Совсем рядом, против падающего из окна света,
Там, где обычно стояли столы в длинный ряд,
Ремесленники в мантиях склонялись писать;
Серебряное перо блестело в руке;
Кто-то на пальцах читал латинские рифмы;
Немного текстильного золота из разматывающихся шариков рисовало,
И на натянутом бархате намечались величественные портреты;
Здесь руки, там лица сияли в виде эмбрионов,
Наконец, к сверкающей жизни выросли общие цифры.

Фосбрук.

Сноска

Содержание

[2] De Re Diplomatica, Libri vi. in quibus quidquid ad veterum instrumentorum antiquitatem, materiam, scripturam et stilum; quidquid ad sigilla, monogrammata, subscriptiones ac notas chronologicas; quidquid inde ad antiquariam, historicam, forensemque disciplinam pertinet, explicatur et illustratur. Op. et Stud. Joh. Мабилон.—Fol. Париж, 1709.

ГЛАВА VIII.

УКАЗАНИЯ НА СОХРАНЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТЕЧЕНИЕ ПЕРИОДА, ПРОСТИРАВШЕГОСЯ ОТ УПАДКА УЧЕНОСТИ В СЕДЬМОМ ВЕКЕ ДО ЕЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ В ПЯТНАДЦАТОМ.

Содержание

Общие эпитеты обычно несут в себе значение, выходящее за рамки истины: мы слышим о “темных веках— — “периоде интеллектуальной ночи” - “зимнем сезоне в истории человечества” - и мы склонны воображать, что в обозначенные таким образом времена человеческий разум был совершенно парализован и что всякая ученость исчезла. Но на самом деле в течение всего этого периода разум, хотя и часто направляемый неверно, не дремал: философия была скорее сбита с толку, чем инертна; и познание, хотя и замурованное, не было утрачено.

Ни в какой части периода, который простирается от правления Юстиниана, когда греческая и римская литература повсюду была открыта дневному свету, до падения Константинопольской империи и возрождения западной учености в пятнадцатом веке, мы не теряем следов даже классических авторов, не говоря уже о тех, которые принадлежат к священной литературе; ибо в каждую из прошедших эпох и в каждой четверти Европы были писатели, чьи произведения, дошедшие до наших дней, свидетельствуют об их знакомстве с большинством основных авторов более отдаленных времен.

Под смутным впечатлением, которое было создано некоторыми вольными выражениями относительно глубокого и всеобщего невежества, которое, как говорят, царило по всей Европе в течение семисот лет, существование большого количества рукописей классических авторов, несомненно созданных в те самые века невежества, представляет большую очевидную трудность: ибо, по какому мотиву, можно спросить, или для чьего использования эти произведения переписывались так часто, что их можно было найти во всех частях Европы, после возрождения зарабатывания денег в пятнадцатом веке? Факты, которые сейчас будут упомянуты, дадут достаточное решение этого вопроса, доказав, что на Западе и на Востоке в те времена всеобщей интеллектуальной летаргии было немало людей, которые с энтузиазмом занимались светской литературой и для которых обладание книгами и их сохранение было предметом живейшего интереса. Имена, которые будут упомянуты, — как помнит хорошо информированный читатель, - составляют лишь малую долю от общего числа, которое можно было бы привести: для нашей цели достаточно сослаться на одного или двух писателей каждого столетия.

Но прежде чем назвать отдельных людей, чьи дошедшие до нас труды свидетельствуют о преемственности литературы и, следовательно, гарантируют нам безопасную передачу древних книг в наше время, будет полезно четко представить, что именно необходимо для создания Живого Носителя этой передачи. Теперь, чтобы донести этот вопрос до убеждений и сознания читателя, пусть он займется историей своей собственной семьи и продолжит ее в обратном направлении, выяснив, сколько людей требуется — или, давайте лучше скажем, насколько мало

— чтобы составить цепочку исторических и литературных связей на любом заданном отрезке времени в прошлом; например, с настоящего времени, 1858 года, до середины елизаветинской эпохи, например:

Теперь я предположу тот факт — правда это или нет, не имеет значения для аргументации, — что мои предки по прямой линии были образованными людьми, а если и нет, то каждый отец в линии обеспечил своему сыну обычное образование в начальной школе — обучение, достаточное только для того, чтобы познакомить его с наиболее известными личностями и авторами предшествующих времен; так что в каждом случае, если сам отец не учил сына, это делал друг отца и горожанин, школьный учитель, как, например: "Из собственных уст моего отца я получил зачатки классической школы". всеобщая история и история литературы, так что в детстве я был знаком со всеми главными именами общественных деятелей и писателей, начиная с того времени и заканчивая временами бесконечно отдаленными. Этот процесс отеческого наставления переносит меня в последнее десятилетие восемнадцатого века: скажем, ко времени начала Французской революции. Но с другой стороны, мой отец получил либо от своего отца, либо от доверенного лица своего отца, школьного учителя, такого же рода и объема общую информацию, с помощью которой мы без перерыва возвращаемся ко временам Сэмюэля Джонсона, Оливера Голдсмита, сэра Джошуа Рейнольдса; и на самом деле мой отец отчетливо помнит, как в детстве видел некоторых из этих выдающихся людей, друзей моего дедушки, и находился в компании с ними. Затем он получил — мы предположим — аналогичное посвящение в литературную и политическую историю, и если это так, то у нас есть ступеньки ко временам Бентли, Поупа, Свифта, Аддисона, Уоттса, и хотя это последнее имя, казалось бы, стоит за пределами каких-либо непосредственных воспоминаний, все же это факт, что "Божественные песни" дошли до меня через единственного посредника — от той, кто, будучи любимой маленькой девочкой, выучила их, стоя на коленях у любезного доктора. Таким образом, мы безопасно путешествуем, отчетливо осознавая путь, по более чем столетнему литературному наследию. При таком темпе, и если мы можем использовать этот последний предшествующий период времени в качестве нашего мерила прошедших веков, то нам потребуется помощь всего восьми или девяти человек последовательно, чтобы привести нас в соответствие с Шекспиром и Беном Джонсоном. Меньше этого — нам могло бы понадобиться шесть мужчин-долгожителей, чтобы занять такое близкое положение к достойным людям елизаветинской эпохи.

Чтобы подтвердить наше предположение, нет необходимости принимать во внимание тот факт (который мы редко можем знать наверняка), что в какой-либо одной семье существовала непрерывная преемственность отцов и сыновей - отец жил достаточно долго, чтобы наставлять сына. Нам лучше взять пример интеллектуального родства в студенческой жизни: мы представляем себе ученого профессора, который в течение последних десяти лет своей официальной жизни делится своим умонастроением с сотней или двумя ученых, двое или трое из которых, по крайней мере, доживут до того, чтобы делать то же самое, сидя на той же кафедре, от имени своих преемников. Исходя из этого, отдельных учителей должно быть не более двенадцати, на устные свидетельства которых мы последовательно полагаемся, переходя от эпохи всеобщего рассеяния интеллекта к временам возрождения образования и печатных книг.

Следует помнить, что, если действительно были основания для сомнений относительно безопасной передачи древних книг в наше время, любые подобные подозрения могут

относиться только к периоду, который обычно обозначается как “Темные века”, и их не нужно считать более семи, начиная со времен Данте, Петрарки, Чосера, Уиклифа и заканчивая понтификатом Григория Великого, во времена которого, как явствует из его трудов, знания предыдущих веков были все еще хорошо известны многим.

Шестой век христианской эры изобилует именами писателей во всех областях литературы, многие из произведений которых, дошедшие до наших дней, представляют собой достаточное свидетельство едва ли уменьшившегося распространения общей образованности. Среди многих других таковыми были — Прокопий, историк правления Юстиниана, и Агафий, который продолжил эту историю и был ученым человеком; — Боэций, автор того, что считается последним образцом чистой латыни — поэмы “Утешения философии”; — Исихий, лексикограф; — Прокл, философ—платоник; — Фульгенций и Кассиодор, церковные писатели; — Присциан, грамматик; — Гильдас мудрый, англоязычный философ. Саксонский историк; — Евагрий Схоластик, церковный историк; — Симплиций, комментатор Аристотеля и Эпиктета; — Марцеллин Аммиан, историк и критик, чьи работы содержат многочисленные ссылки на древнюю литературу; и Стефан из Византии, грамматик и географ. Мы могли бы взять в руки работу этого автора с последним именем — ΠΕΡΙ ΠΟΛΕΩΝ, поскольку она сама по себе представляет достаточную массу свидетельств в доказательство обширной книжной образованности тех времен, которые сразу выходят за пропасть, — темных веков. Этот Стефан, географ, в ходе своего описания городов древнего мира цитирует или делает некоторые ссылки на работы более чем трехсот авторов, к которым он имел доступ в любой момент, составляя свои собственные.

Седьмой век произвел на свет меньше писателей, чем, возможно, любой другой период, который можно назвать в рамках истории литературы. И все же их более чем достаточно, чтобы послужить нашей нынешней цели: таковы Феофилакт Симокаттский, оставивший историю правления императора Маврикия, не очень высоко почитаемую, но изобилующую отсылками к литературе того времени.

Исидор, епископ Севильский, полное собрание сочинений которого занимает семь томов quarto, является писателем, заслуживающим упоминания в связи с нашей настоящей целью. По общему признанию, эпоха Магомета была скучным временем: действительно, мало найдется писателей, чьи имена дошли до нас; — и все же, даже в такое время объемистый писатель, который рассматривает всевозможные предметы — религию, церковную историю, грамматику, поэзию, астрономию, физические науки, и рассматривает некоторые из них систематически, мог бы не только заняться трудами такого рода, но и найти среди своих современников и людей следующего века многочисленных читателей и почитателей, а также переписчиков, которые нашли свое применение в переписывании столь обширного произведения Магомета. литературная индустрия. Таким образом, времена этого епископа, какими бы темными они ни были, были, тем не менее, временами книжного знания: на протяжении всего смутного периода существовал класс ученых, достаточно многочисленный и интеллигентный, чтобы следить за интеллектуальными сокровищами более светлых времен, сохранять богатое наследие разума и выполнять свою миссию по передаче его в целостности и сохранности последующим векам. Этот факт - это все, о чем нам сейчас нужно подумать.

То, что мы, таким образом, сказали о седьмом веке — о его тьме и его свете, может быть подтверждено с небольшой разницей относительно следующего. Наш соотечественник,

“Достопочтенный Беда”, процветал в седьмом веке, но дожил далеко до восьмого века. Труды Беды — а мы должны помнить, что он провел свою жизнь в уединении отдаленного монастыря Святых Петра и Павла на реке Тайн в епархии Дарема — служат достаточным доказательством широкого распространения книг в ту эпоху. Беда демонстрирует обширные, если не сказать глубокие познания, все из которых он почерпнул из источников, которые обычно были в пределах досягаемости монастырских учеников. Беда “был человеком универсальной образованности, владевшим греческим языком не менее искусно, чем латинским: поэтом, ритором, историком, астрономом, арифметиком, знатоком хронологии и географии, философом и богословом. В свое время им так восхищались, что среди ученых вошло в поговорку— “Человек, родившийся в самом дальнем уголке земли, обогнул всю землю своей гениальностью”. “Он был, ” говорит Бейл, “разбирался в нечестивых авторах лучше любого человека того возраста. Физику и общие знания он черпал не из мутных потоков, а из чистых источников, то есть из главных греческих и латинских авторов. В самом деле, вряд ли найдется что-нибудь ценное в области античной литературы, чего нельзя было бы встретить у Беды, хотя он никогда не выезжал за пределы своей родной страны ”.

Консервативную функцию взяли на себя несколько учеников Беды; среди них мы можем назвать Алкуина, который благодаря своей учености и влиянию при дворе Карла Великого много сделал для содействия усилиям этого просвещенного правителя по восстановлению литературы. Он был искусен в латинском, греческом и древнееврейском языках; читал лекции по всем наукам и основал множество государственных школ. Частично сохранились его труды, исторические и теологические, и они оправдывают репутацию, которой он пользовался. В своих письмах он фамильярно цитирует писателей-классиков.

Карл Великий, сам довольно хорошо знакомый с латинскими и греческими авторами, ревностно трудился над восстановлением учености в Церкви и вне ее. Он приглашал к своему двору ученых людей, нанимал их для перевода на латынь греческих классиков и отцов Церкви, основал государственные школы и ввел правила, стремящиеся сделать ту или иную степень образования необходимой для всех, кто занимал церковный пост. Из профессоров, приглашенных Карлом Великим к своему двору, столько же было выходцев с Британских островов, сколько и из Италии. Мы не должны забывать, говорит Муратори, восхваления Британии, Шотландии и Ирландии, которые в те времена в изучении свободных искусств превзошли все другие нации Запада; не следует также забывать об усердии монахов этих стран, которые возродили и поддерживали славу литературы, которая повсюду в другом месте была в упадке.

Рабан Маурус, ученик Алкуина, возведенный в сан архиепископа Менца в 847 году, до своего возвышения преподавал теологию, философию, поэзию и риторику в Париже, в школе, основанной там англосаксонскими монахами. “Человек, хорошо сведущий в Священном Писании и основательно разбирающийся в мирской литературе, о чем в изобилии свидетельствуют его труды”. Он обогатил монастырь в Фульде, на Рейне, где получил свое раннее образование, большой коллекцией книг; и там он основал школу. Двести семьдесят монахов принадлежали кистеблишменту, которые были обучены им во всех областях знания. Ученики стекались к нему со всех стран, и он вырастил для Церкви множество служителей, хорошо подготовленных для ее служения. Он умер в 856 году.

Одним из первых профессоров Оксфордского университета, основанного (или восстановленного) королем Альфредом, был Джон Скот; впоследствии он отправился во Францию, где его с почетом принимали при дворе Карла Лысого, по просьбе которого он перевел на латынь некоторых греческих авторов: но эти версии, в которых соблюдалось буквальное соответствие оригиналу, едва ли были понятны тем, для чьего использования они предназначались. Однако его труды демонстрируют большое разнообразие знаний; церковь осудила их как еретические из-за его взглядов относительно Евхаристии. Изгнанный из Франции по приказу папы римского, он укрылся в английском монастыре; но там, по наущению монахов, он, как говорят, подобно Кассиану, был убит своими учениками с их железными манерами.

До датских вторжений английские монастыри и церкви изобиловали образованными людьми; но после того, как эти учреждения были разрушены, а монахи рассеяны грубыми захватчиками, литература и искусство в стране почти исчезли. Альфред, сам образованный человек и разносторонний писатель, внес, как известно, большой вклад в их восстановление, восстановив разрушенные монастыри, возведя множество новых, пожертвовав школы, учредив лекционные курсы в Оксфорде и распространив свои собственные труды, которые, даже если бы он не был королем, увековечили бы его имя.

Современником последнего названного писателя был Фотий, с которым не может сравниться ни один автор той или нескольких последующих эпох: его произведения отражают литературу, существовавшую в его время. Фотий, получивший образование для светских занятий и некоторое время состоявший на службе у Михаила III, был этим императором насильно облечен саном патриарха Константинопольского (858) в комнате Игнатия. Чтобы он мог регулярно подниматься на это возвышение, в течение шести дней его сделали монахом, чтецом, иподьяконом, диаконом, священником и патриархом. С должности, которую он таким образом насильственно занял, он был без особых церемоний изгнан Василием, преемником Михаила. И снова, возглавив отряд солдат, он завладел патриархатом, которого аналогичным образом в конце концов был окончательно лишен; после чего он удалился в монастырь, где и окончил свои дни. До своего возвышения он написал самую полезную и самую знаменитую из своих работ, *"Мириобиблон"*, который содержит в форме критических замечаний, анализов и выдержек описание более чем 270 работ. Эта сокровищница знаний хранит множество ценных фрагментов авторов, чьи произведения исчезли, и оказывает важную помощь в установлении подлинности многих остатков древней литературы.

Евтихий, египетский врач, а впоследствии (933 г.) патриарх Александрийский, написал *"всеобщую историю"*, которая сохранилась до наших дней и которая, хотя и содержит множество басен, демонстрирует разнообразную ученость автора и его времени. Хотя столь большое количество существующих рукописей, которые, по-видимому, были созданы в десятом веке, доказывают, что в ту эпоху преобладала большая активность по воспроизведению книг, в них представлены имена немногих авторов, чьи произведения дошли до наших дней.

Одиннадцатый век гораздо богаче выдающимися именами, из которых, возможно, достаточно упомянуть следующие:

Авиценна, арабский врач и врач-магометанин, свел медицинскую науку к систематической форме, включив в нее почти все, что было написано по этому вопросу его предшественниками: он был сведущ в греческой литературе и, как говорят, запомнил метафизику Аристотеля. Первые

завоевания сарацин в Азии, Африке и Испании в седьмом и восьмом веках были почти фатальными для интересов образования. Но как только халифы прочно утвердили свою власть в завоеванных странах, они попытались вновь зажечь свет знания. В течение двух или трех столетий Багдат на Востоке и Кордова на Западе были резиденциями не только великолепных монархий, но и науки, всеобщего образования и большой утонченности. Однако арабы культивировали главным образом математические и физические науки. У них были несовершенные и искаженные переводы нескольких греческих авторов, особенно Аристотеля, Теофраста, Евклида и Диоскорида; и они имели некоторое общее, хотя и несовершенное, знакомство с греческими историками. Некоторые латинские переводы, сделанные по приказу Карла Великого, были заимствованы из этих арабских версий.

Михаил Пселлус, греческий врач и монах, писал о предметах самого разного рода: “Не было науки, которую он либо не проиллюстрировал бы своими комментариями, либо не сократил, либо не свел к лучшему методу.— Человек, прославленный своими познаниями в божественной и человеческой науке, о чем свидетельствуют его многочисленные работы, как печатные, так и в рукописи”.

Ланфранк, итальянец по происхождению, был возведен Вильгельмом Нормандским в сан архиепископа Кентерберийского; он способствовал распространению знаний среди духовенства и сам слыл непревзойденным знатоком литературы того времени.

Ансельм, ученик и преемник Ланфранка на Кентерберийском престоле, также славился общей образованностью.

Труды византийского монаха Суидаса, как и труды Фотия, содержат обширный запас разнообразных знаний, исключительно полезных с точки зрения критики и истории литературы. Лексикон этого писателя, помимо определения слов, содержит описания древних авторов всех классов и множество цитат из произведений, которые с тех пор исчезли.

Сигеберт, монах из Брабанта, оставил хронику событий с 381 года нашей эры до своего собственного времени, 1112 года, и труд, содержащий жизнеописания выдающихся людей.

Имя Анны Комнины, дочери императора Алексея Комнина и жены Никифора Вриенния, характерно для начала XII века. Она написала элегантную и красноречивую историю правления своего отца. Эта работа демонстрирует не только мужское понимание, но и обширное знакомство с литературой и науками.

Англия произвела на свет в течение этого столетия нескольких выдающихся писателей, которые достигли совершенства в познаниях того времени. Таковы были Уильям Малмсберийский, Генри Хантингтонский, Джеффри Монмутский и Джозеф Эксетерский — автор двух латинских поэм “О Троянской войне” и “Антиохийская война, или Крестовый поход”, а несколько позже Стивен Лэнгтон, архиепископ Кентерберийский, считавшийся самым образованным человеком западной Европы того времени.

Евстафий, архиепископ Фессалоникийский, процветал к концу XII века. Его комментарии к Гомеру, помимо того, что служат для разъяснения греческого языка многими важными критическими замечаниями, взятыми из источников, которые с тех пор были утрачены, содержат, подобно работам Фотия и Суидаса, бесчисленные ссылки на греческих классиков и,

таким образом, предоставляют средства для установления целостности и подлинности текстов этих авторов в том виде, в каком они сохранились в настоящее время.

К братьям Джону и Исааку Цецесам, константинопольским критикам и грамматикам, до сих пор обращаются в качестве комментаторов некоторых греческих авторов. Джон Цецес - обширный писатель: его дошедшие до нас произведения сразу свидетельствуют о его обширном знакомстве с литературой и о литературных возможностях того времени, по крайней мере, в таких городах, как Константинополь.

Роберт Гростест (Грейтхед), епископ Линкольнский, был известен своим знанием латинского, греческого и древнееврейского языков, а также смелым сопротивлением, которое он оказывал папским притеснениям английской церкви. Камден говорит о нем, что "он был человеком, сведущим в языках и вообще в литературе в степени, едва ли заслуживающей доверия, если учитывать эпоху, в которую он жил; ужасный обличитель папы римского, советник своего короля (Генриха III.) и любитель истины".

Мэтью Пэрис, один из первых английских историков, демонстрирует в своих работах знакомство с античной литературой, а также знакомство с древностями своей родной страны. Как и упомянутый выше епископ, Парис энергично выступал против папской узурпации в Англии; не менее мужественно он обличал порок во всех званиях у себя дома. Его репутация образованного и добродетельного человека позволила ему провести значительную реформу во многих английских монастырях. Он умер в 1259 году. "Большая история" этого писателя начинается с нормандского завоевания и продолжается до 1259 года смерти автора.

Труды Альберта, прозванного Великим, монаха-доминиканца, а впоследствии, в 1260 году, епископа Ратисбонского, занимают двадцать один том. Они в основном посвящены физическим наукам, но включают в себя своего рода энциклопедию знаний того времени. "Человек замечательной эрудиции, которому были неизвестны немногие вещи в богословской науке и почти ничего в светском образовании. Из-за обширности и разнообразия его познаний получил прозвище 'Великий' — честь, которой при жизни не удостоивался ни один другой ученый человек". Альберт, как и Роджер Бэкон, навлек на своих современников подозрения в том, что он волшебник. Ученость в ограниченном смысле этого слова, или знание книг, хотя и были свойственны сравнительно небольшому кругу лиц, были слишком частым явлением, чтобы возбуждать удивление или зависть; но наука, или знание природы, приобретенное не у Аристотеля, а в результате эксперимента, было настолько редким явлением, что оно редко не порождало того и другого и не приводило к опасному обвинению в переписке с адскими духами.

Обычно считается, что возрождение науки началось в пятнадцатом веке, но в четырнадцатом произошел решительный прогресс почти во всех областях литературы. То, что невежество, царившее в предыдущем столетии, ослабляло основную часть общества в нескольких частях Европы и что образованные классы приобретали лучший вкус и более широкие взгляды, не нуждается в других доказательствах, кроме тех, которые в изобилии представлены в произведениях Данте, Петрарки, Боккатио, Чосера и Гауэра, которые не просто были созданы в тот период, но широко читались и вызывали восхищение.

Меньшего количества примеров, чем приведенные выше, может быть достаточно, чтобы доказать, что ни на каком отрезке времени, простирающемся от упадка образования в шестом веке до его возрождения в пятнадцатом, не было ничего, что можно было бы назвать

исчезновением знаний о древней литературе. Следует признать, что это доказательство гораздо более полно по отношению к греческим, чем к латинским авторам; оно также более полно по отношению к церковной и священной литературе, чем к светской. Из всех дошедших до нас рукописей, выполненных в средние века, возможно, девятнадцать из двадцати относятся к первому классу. Существование восточной империи до середины пятнадцатого века обеспечивало непрерывную защиту греческой учености в те периоды, когда западная Европа была опустошена готскими народами. Но даже эти разрушения никогда не были всеобщими ни по своим масштабам, ни по своему виду. Временами, когда Италия лежала в руинах, Британские острова были в безопасности. И если города были разграблены и сожжены, и если замки, дворцы и соборы были разграблены и разрушены, сотни религиозных домов, находившихся в укрепленных или уединенных местах, остались нетронутыми; или если время от времени они подвергались насилию армий или поборам завоевателей, они чаще теряли свои сундуки, свои кубки и подношения, чем свои книги.

Обучение и науки могут *процветать* и продвигаться вперед только там, где есть средства широкого и быстрого распространения плодов интеллектуального труда: но они могут *существовать* даже при почти полном отсутствии таких средств. Так было в Европе в средние века. Знание принадлежало тем немногим, кого внутренний огонь врожденного гения заставлял стремиться к нему; и эти немногие часто были изолированы друг от друга и неизвестны за стенами, в которых они проводили свою жизнь; и часто также были изолированы своими кусками даже от своих собратьев по тому же обществу.

В каждом мириаде представителей человеческой расы, сколько угодно, где угодно и когда угодно, найдется несколько индивидуумов, рожденных для мысли; и если призвание природы не всегда сильнее любого препятствия, оно, по большей части, достаточно сильно, чтобы преодолеть те, которые имеют обычную величину. Те, кто таким образом наделен тягой к знаниям, несомненно, последуют импульсу, если им будут представлены средства для его приобретения в раннем возрасте. Между тем, эти средства были повсеместно распространены среди народов Европы в средние века благодаря монашеской системе; и можно задаться вопросом, не было ли тогда больше шансов привлечь к изучению туземный ум каждого округа, чем это предоставляется даже нынешним устройством общества. Религиозные дома были так густо разбросаны по каждой стране, и постоянный приток населения для поддержания численности их обитателей (постоянное правило монастырских учреждений предписывало сохранять первоначальную численность каждой конгрегации) был так велик, что они, должно быть, принимали гораздо больше одаренных людей из каждого района; и все же такие люди почти наверняка включались в этот список; ибо всякий раз, когда юноша проявлял любовь к учебе, для него нельзя было сделать ничего лучшего, будь он сыном крестьянина или дворянина, чем посвятить его служению богу. церковь. Монастыри обычно содержали школы для молодежи своих окрестностей. Из этих школ настоятели дома имели возможность выбирать любого, кто подавал надежды на интеллект.

В самые мрачные времена ученость обеспечивала ее обладателю определенную репутацию; и главы религиозных домов в большинстве случаев стремились украсить свои заведения какими-то частицами отличия эрудиции, а также рекомендовать их обладанием реликвиями; и многие были страстно заинтересованы в повышении литературной известности своих сообществ. С этой точки зрения их политикой было бы предоставлять необходимые средства и поощрять тех, кто, по их мнению, с наибольшей вероятностью поддерживал авторитет общества.

“Образование монаха, по крайней мере в четырнадцатом веке, состояло из церковной музыки и основных наук, грамматики, логики и философии — очевидно, Аристотеля. Также, должно быть, были включены французский и латынь, поскольку монахам было предписано говорить на этих языках в общественных местах. Впоследствии их отправляли в Оксфорд или Париж изучать теологию. Литературе действительно оказывалось такое поощрение, что в провинциальном собрании аббатов и приоров бенедиктинского ордена, состоявшемся в Нортгемптоне в 1343 году н.э., литераторам и мастерам искусств было предложено стать монахами с обещанием освобождения от всех ежедневных служб ”.—Фосбрук.

Следовательно, независимо от каких-либо более прямых свидетельств, есть основания полагать, что во многих, если не в большинстве монастырей и прилежащих церквей во все времена был человек или двое, чьи вкусы побудили его посвятить свою жизнь учебе, и кто стал прилежным хранителем книг дома, направляя труды своих менее умных братьев в работе по переписыванию тех книг, которые могли прийти в упадок.

По оценке умов, управляемых любовью к книгам, даже если они не способны отличить ценное от бесполезного — бесполезное, согласно принципу ассоциации, в значительной степени разделяет уважение, которое в разуме принадлежит только тому, что ценно по своей сути. КНИГА, какой бы ни была ее тема или достоинства, воспринимается с нежной алчностью теми, чья страсть - любить книги. Это чувство, должно быть, было действительно сильным во времена, когда книги было трудно купить, и когда их идеальная ценность включала в себя воспоминание о тяжелом труде переписывания. Дух господствующего суеверия, который учил придавать неисчислимую важность предметам, по сути своей ничего не стоящим, должно быть, также способствовал безраздельному почитанию книг. Поэтому нам не нужно удивляться, обнаружив, что работы всех классов, хотя и совершенно не соответствовавшие вкусу времени, из века в век воспроизводились монашескими переписчиками.

Таким образом, в то время как с лица общества исчез всякий вкус к образованию — в то время как короли и знать часто были такими же невежественными, как ремесленники и крестьяне, в то время как даже многие представители духовенства сохранили лишь некоторые крупницы знаний, произведения более светлых эпох все еще копились и сохранялись, и были доступны тем немногим, чей интеллектуальный пыл выводил их за рамки стандартов их времени.

Читатель, который хотел бы расширить свое знакомство с предметами, столь кратко затронутыми в этой главе, найдет средства для этого в изобилии в работе м-ра Мейтленда, которая столь убедительно устанавливает факт непрерывного *продолжения* интеллектуальной жизни Европы в те эпохи, о которых современные авторы слишком поспешно говорят как о временах всеобщего невежества.[4]

Сноска

Содержание

[4] Темные века; серия эссе, призванных проиллюстрировать состояние религии и литературы в девятом, десятом, одиннадцатом и двенадцатом веках. Преподобный С. Р. Мейтленд и др.

ГЛАВА IX. ВОЗРОЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ЧЕТЫРНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

Содержание

Более чем за полвека до взятия Константинополя турками ученые мужи этого города, опасаясь приближающегося падения империи, начали эмигрировать в Италию, где они открыли школы и стали наставниками князей и проводниками общественного вкуса, который они направили на изучение классических писателей, особенно Греции и даже Рима. Но именно падение Константинополя в 1453 году наполнило итальянские города этими образованными чужеземцами.

Итальянцам того времени требовалось только получить такого рода руководство и помощь с помощью этих средств обучения; ибо они на некоторое время оказались в тех особых условиях, которые когда-либо оказывались наиболее благоприятными для развития человеческого разума. Во многих независимых государствах, теснившихся на узком пространстве, говорили на одном и том же языке, но разнообразном диалектами. Энергия, соперничество, щедрость, которые сопровождают активную торговлю, приводили в движение всю массу общества; в то время как влияние великолепного суеверия, которое стремилось зарекомендовать себя всеми украшениями, какие только мог изобрести или осуществить человеческий гений, подавляло тенденцию к успешной торговле и направляло честолюбие знатных купцов к предметам более благородным и интеллектуальным, чем те, которые богатство обычно выбирает в качестве средства отличия.

Создание библиотек, предложенное или поддержанное обильным ввозом рукописей из Константинополя, было средством не только сделать более широко известными произведения тех греческих авторов, которые никогда не впадали в забвение, но и стимулировать исследования, которые привели также к возвращению латинских авторов, многие из которых были давно забыты. Поскольку таким образом у читателей разгорелся аппетит к книгам, с тех пор на их накопление не жалели ни средств, ни труда; и ученые люди были разосланы во все стороны, по всей Европе, Западной Азии и Африке, специально для сбора рукописей. В течение нескольких лет большинство известных нам авторов были собраны в библиотеках Рима, Неаполя, Венеции, Флоренции, Милана, Вены и Парижа, где они были открыты для тех, кто был наиболее квалифицирован, чтобы заново представить их миру.

Таким образом, опираясь на щедрость и рвение князей и пап, ученые XV века усердно занимались открытием, восстановлением и публикацией остатков греческой и римской литературы; и так получилось, что в течение шестидесяти или восьмидесяти лет большинство известных ныне произведений было передано в печать. С тех пор было сделано несколько открытий; но основные улучшения в классической литературе более позднего времени заключались в исправлении текстов древних авторов посредством более обширной сортировки рукописей, чем это было возможно у первых редакторов. Это восстановление остатков древних произведений в их первоизданной целостности было произведено не путем добавления новых материалов, как в случае с полуразрушенным зданием или изуродованной статуей, в воображаемом соответствии с планом и вкусом оригинальной работы; но путем кропотливого сбора и замены тех самых частиц, из которых она изначально состояла.

Изобретение книгопечатания, которое фактически освобождает книги от действия закона, подвергающего все мирское разрушению со временем, значительно ускорило также процесс их обновления; ибо, придавая выпуску стандартного произведения степень важности, в несколько сотен раз превышающую ту, которая придавалась переписыванию единственного экземпляра, это потребовало применения пропорционально большего объема знаний, усердия и осторожности в работе по редактированию; и затем, позволяя каждому последующему редактору пользоваться трудами своих предшественников, преимущества, присущие издательству, была обеспечена концентрация многих умов на одном и том же предмете.

Таким образом, это факт, значение которого следует ясно понимать, что, начиная с пятнадцатого века, течение времени, вместо того чтобы постепенно ослаблять и искажать литературные остатки античности, постоянно способствовало их обновлению и очищению. Действительно, можно утверждать, что в отношении объема, точности и достоверности наших знаний мы не отступаем от отдаленных эпох, а постоянно приближаемся к ним. В тысячах случаев то, что было неизвестно, или вызывало сомнения, или было несовершенным, или искаженным в начале пятнадцатого века, было установлено, восстановлено и завершено в девятнадцатом. История и литература Греции и Рима, долгое время хранившиеся в монастырях, в период их возрождения были подвержены неопределенности и подозрениям, которые не могли рассеять вся ученость и усердие того энергичного века. Но знания и трудолюбие четырех столетий, прошедших с тех пор, постоянно направленные на одни и те же цели и постоянно накапливающие массу разнообразных свидетельств, оставили чрезвычайно мало вопросов о литературе древности открытыми для споров.

Таким образом, благодаря упоминанию некоторых важных фактов мы проследили за остатками древней литературы вплоть до того времени, когда они попали в печать и когда их историю больше нельзя рассматривать как темную или сомнительную. Также нельзя думать, что эта литература в настоящее время подвержена опасности исчезновения из-за политических изменений или упадка образования в той или иной стране; ибо, если всеобщее опустошение не произойдет сразу во всех регионах цивилизованного мира, литература, существующая сейчас в виде книг, не сможет ни погибнуть, ни подвергнуться разложению. Храм, статуя, картина или драгоценный камень - всего лишь *один*; и каким бы прочным ни был материал, из которого он состоит, он постоянно разлагается и всегда поддается разрушению. Прикосновение скульптора запечатлевает высеченную поверхность; и придет время, когда каждый памятник его гения рассыплется в прах, и когда его слава, утраченная из мрамора, будет жить только в произведениях поэтов и историков, которые были его современниками.

Таким образом, *письменные* записи далеких эпох, со знанием которых неразрывно связано интеллектуальное, моральное и политическое благополучие человечества, защищены от исчезновения способом сохранения, который менее подвержен обширным опасностям, чем любой другой, который можно себе представить. Если человек отрезан от знания прошлого, он становится безразличным к будущему и с тех пор погружается в грубость и свирепость чувственной жизни. Таким образом, избыточность средств, с помощью которых это знание сохраняется, лишь должным образом пропорциональна важности последствий, которые зависят от его сохранения.

ГЛАВА X. НЕСКОЛЬКО МЕТОДОВ, ДОСТУПНЫХ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ДРЕВНИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДОВ.

Содержание

Факты, упомянутые в предыдущих главах, являются общими для древних книг всех классов, и они имеют тенденцию доказывать, что произведения греческих и римских писателей — поэтов, драматургов, философов, критиков и историков, — вышедшие из печати в пятнадцатом и шестнадцатом веках, могут быть безошибочно прослежены с помощью различных и независимых свидетельств вплоть до эпохи, в которую они, как обычно предполагается, были написаны.

Теперь внимание читателя должно быть направлено на один класс этих древних произведений, а именно на те, которые считаются историческими; и нашей целью будет выяснить, на каких основаниях и с какими ограничениями такие произведения заслуживают нашего доверия как правдивые повествования о фактах.

Тот же самый способ расследования, который подсказывает здравый смысл в самых обычных случаях, когда нас призывают оценить ценность свидетельских показаний, применим ко всем случаям подобного рода. Важность последствий, которые могут быть связаны с результатом расследования, в конкретном случае также не может сделать его недействительным или оправдать наш отказ от него как неудовлетворительного.

В некоторых незначительных деталях способы оценки устных и письменных показаний должны различаться; но по существу руководители расследования будут одними и теми же. В случае, с которым нам сейчас предстоит иметь дело, а именно, с достоверностью свидетельств древних историков, естественно рассмотреть следующие моменты:—

1. Моральный и интеллектуальный облик писателя, если это возможно знать;
2. Средства получения информации, которыми он обладал;
3. Время и обстоятельства первой публикации произведения;
4. Исключения, которые может оказаться необходимым сделать из его показаний по определенным пунктам; вытекающие либо из особого характера подтверждаемых фактов, либо из очевидного влияния предубеждений — личных или национальных; и—
5. Соответствие рассматриваемого повествования доказательствам, полученным из других независимых источников.

Таким образом, при оценке подлинности исторического произведения мы должны, в первую очередь, оценить моральный и интеллектуальный облик и квалификацию автора; предполагая, что средства формирования мнения по этим вопросам находятся в пределах нашей досягаемости.

Если личная честность историка была доказана какими-либо хорошо известными и примечательными событиями, к которым он имел отношение, читатель, чей собственный

характер может дать ему возможность ощутить силу такого доказательства, редко будет требовать более веских оснований для доверия; ибо такие фактические ошибки, которым может быть подвержен до конца честный историк, редко будут иметь жизненно важное значение. Даже если такого доказательства личной порядочности писателя не существует, и если обстоятельства его жизни совершенно неизвестны, все же почти каждый писатель оставляет в своих произведениях достаточные указания на свои моральные устои. Характеристики честности достаточно отчетливы, чтобы завоевать доверие искренних умов; невозможно привести и пример, в котором они были бы настолько успешно подделаны, чтобы выдержать испытание временем. Порочное намерение с такой же очевидностью проявляется в письменной форме, как и в личном поведении. Тем не менее, такого рода свидетельства, хотя и будут более удовлетворительными, чем любые другие, для одного читателя, могут остаться незамеченными другим; ибо холодные, слабые и подозрительные умы лишены сочувствия, к которому они призывают.

Если доказательств честности и правдивости историка не хватает или они считаются недостаточными, мы должны обратиться к свидетельствам того рода, которые его работы предоставляют относительно его интеллектуальных качеств; и они могут быть такими, чтобы полностью оправдать всеобщую уверенность в его предпочтении истины лжи. Что касается сильнейших умов, то такие умы инстинктивно привязываются к истине: приобретать знания о фактах — их характерная страсть; распространять эти знания — функция, для выполнения которой они чувствуют себя рожденными. Не может случиться и так, что фальсификация фактов, в которой не замешаны ни личные интересы, ни предрассудки, станет достаточным стимулом для авторов, чьи способности к повествованию позволяют им привлекать к себе больше внимания на прямых путях истины и реальности, чем они могли бы надеяться привлечь в областях художественной литературы. У каждого одаренного ума есть своя сфера деятельности; и есть врожденный талант к истории, а также гений к поэзии; и тот, кто в высшей степени обладает первым, так же несомненно познакомится с реальностью, как тот, кто может похвастаться обладанием вторым, предпочтет жить среди творений фантазии.

Следовательно, если историческое произведение демонстрирует здоровую силу интеллекта — здравый смысл, возвышенность чувств и особый талант повествователя, эти качества можно смело считать убедительным предполагаемым доказательством правдивости автора, даже если не должно быть прямых средств установления его моральных устоев или его честности. Следовательно, можно с уверенностью считать, что те писатели, которые занимают первое место среди древних историков, обладают этим предполагаемым доказательством своей правдивости; ибо репутация, которой они так долго пользовались, объясняется в равной степени их талантом повествования, а также интересом или важностью истории, которая составляет предмет их произведений. Таким образом, эти внутренние достоинства содержат молчаливую гарантию подлинности произведений, украшенных таким образом.

На этом основании здравый смысл, простота, непринужденность и точность Геродота, суровая энергия, возвышенность и достоинство Фукидида, изящная простота Ксенофонта и философская лаконичность Тацита не только вызывают восхищение читателя, но и в разной степени вызывают или требуют его доверия.

Кроме того, существуют качества стиля, которые, хотя и не могут дать автору права на место в первом ряду писателей, должны обеспечить ему высокое уважение как подлинному историку.

Действительно, в этом отделе литературы те менее блестящие и менее привлекательные качества, которые дают уверенность в усердии, точности и беспристрастности историка, вполне могут быть приняты вместо более ярких рекомендаций гениальности, или красноречия, или способности к описанию. Есть особый вкус к деталям, есть страсть к кропотливым исследованиям, есть суеверное отношение к точности и неутомимое усердие, которые, хотя и могут утомить читателя, ищущего только развлечения, обеспечат доверие и внимание умного исследователя истории. Так, например, усердие Диодора Сицилийского, точность и здравый смысл Полибия, а также детальность и размножение Дионисия Галикарнасского придают их работам существенную ценность, которая в значительной степени компенсирует недостаток более ярких совершенств.

В тех исторических трудах, которые обязательно были составлены на основе различных документов, здравое суждение при отборе материалов должно рассматриваться как главная заслуга автора. В этом качестве некоторые из древних историков, безусловно, были несовершенны; и все же следует добавить, что именно этому недостатку суждения мы обязаны знанием бесчисленных подробностей, сами по себе любопытных или, возможно, важных, которые наши современные представления о методе, последовательности и уместности значительно сократили бы или полностью исключили.

Хотя в определенной степени можно считать, что гений или талант историка ручается за его правдивость, верно и то, что писатель может обладать своего рода гениальностью, которая вызывает подозрение в его верности. Если, например, он постоянно потакает своему вкусу к сценам великолепия, или ужаса, или экстраординарных действий, или если он любит демонстрировать образы великодушия или мудрости, превосходящие обычные возможности человеческой натуры; если его главные действующие лица - герои, или если он, кажется, рад находить поводы, чтобы продемонстрировать свое владение нервным красноречием брани, мы вполне можем заключить, что его гений побудил его отказаться от достоинства быть просто точным или невозмутимо справедливым.

Учет личных и национальных предрассудков входит, конечно, в оценку морального и интеллектуального облика историка. Но об этом лучше всего будет рассказать, когда мы перейдем к упоминанию исключений, которые необходимо сделать против свидетельств историков по конкретным пунктам.

Далее мы должны исследовать средства получения информации, которыми мог обладать древний историк.

На ту же уверенность, которая свойственна историку, повествующему о событиях, в которых он был лично замешан, не может претендовать тот, кто составляет историю отдаленных времен из тех материалов, которые он может собрать: ибо в первом случае, если мы уверены в правдивости и компетентности автора, не остается места разумным сомнениям; по крайней мере, в отношении тех основных фактов истории, правдивость которых гарантирована его персонажем. Но в другом случае, хотя мы можем быть хорошего мнения как о правдивости, так и о суждениях автора, доверие, которое мы ему оказываем, все равно должно быть условным и будет измеряться сформированным у нас мнением о достоверности его авторитетов.

Таким образом, вся древняя история в целом может рассматриваться как состоящая из двух видов, а именно: *оригинальной* и *скомпилированной*. К первому классу можно отнести не только

те повествования, которые носят строго личный характер, такие, например, как история отступления десяти тысяч греков Ксенофонта; или, опять же, Комментарии Цезаря, которые описывают действия, в которых автор был непосредственно заинтересован и фактически являлся главным действующим лицом; но и те, которые относятся к событиям собственного времени и страны автора и относительно которых он имел самые прямые и бесспорные средства получения точной информации. Таковы история Пелопоннесской войны Фукидида; и история заговора Катилины Саллюстия; и большая часть историй и анналов Тацита; и история правления Юстиниана Прокопия; и история правления ее отца Анны Комнины.

Достоверность исторических трудов этого класса, очевидно, должна определяться главным образом на основании оснований, упомянутых в предыдущем разделе; то есть на основании тех признаков честности, беспристрастности и здравого смысла, которые демонстрирует этот труд. Каждый читатель Фукидида, например, чувствует, что он может с уверенностью полагаться на общую достоверность повествования: осторожность и неутомимое усердие автора в установлении истинности всего, что он утверждает, его точность в мельчайших обстоятельствах, его выдающийся здравый смысл и справедливость, а также достоинство его манеры - все это накладывает на произведение, по большей части, печать истины.

В оригинальных историях правдивость рассказа и правдивость автора неразрывно связаны друг с другом: и то, и другое следует признать, или отрицать и то, и другое.

Но, безусловно, большая часть всей дошедшей до нас истории относится ко второму классу; и все же среди работ, которые должны быть причислены к *компиляциям*, следует соблюдать некоторые широкие различия; ибо есть некоторые такого рода, подлинность которых немногим, если вообще, уступает подлинности лучших оригинальных исторических произведений; в то время как многие являются компиляциями в обычном смысле этого термина и как таковые заслуживают лишь ограниченного доверия. Что касается характера и вероятной ценности авторитетов, на которые они опирались, то каждый историк — и действительно, почти каждая отдельная часть произведений каждого писателя — должна оцениваться отдельно. Одного-двух примеров будет достаточно, чтобы показать как необходимость, так и способ осуществления этой дискриминации.

Девять книг Геродота содержат примеры любой степени достоверности в отношении вероятной ценности материалов, которые были использованы автором. Читатель, который в своей простоте прочтет всю эту работу с одинаковой верой, подвергнется опасности того, что его огульная уверенность внезапно превратится в ничем не примечательный скептицизм, обнаружив шаткость авторитета, на котором основаны некоторые ее части.

Сообщается, что Диодор Сицилиец потратил тридцать лет на сбор материалов для своей всеобщей истории. Подобно Геродоту, он посещал страны, о которых говорит, — изучал государственные архивы, осматривал памятники, беседовал с учеными и коллекционировал книги. На самом деле его работа демонстрирует множество доказательств этого усердия; но все же, когда некоторые из его утверждений сравниваются с высказываниями других авторов, которые были лучше осведомлены по конкретным предметам, становится очевидным, что он проявлял слишком мало осторожности при выборе авторитетных источников; и что, следовательно, разборчивость читателя или образованного комментатора должна восполнять недостаток суждений у автора.

"Всеобщая история Трога Помпея", дошедшая до нас только в сокращении, сделанном Юстином, по-видимому, была составлена по плану, несколько сходному с планом упомянутого выше труда. Очевидно, что автор, собирая свои материалы, проявил значительное усердие и рассудительность; тем не менее, в том, что касается отдаленных народов, он часто оказывается вопиюще дезинформированным. Поразительный пример такого рода приводится в рассказе, который он дает об истории и религии евреев (книга xxxvi. 2); ибо очевидно, что автор, будь то Трог или Юстин, должен был получить свою информацию — не из источника, из которого он должен был ее почерпнуть, — еврейских летописей; — и даже не от отдельных представителей этой нации; но от предвзятых и плохо информированных людей из соседних стран Азии или Африки. Отчет, приведенный Тацитом (История. Книга v) о тех же людях, немногим более справедлив, чем у Трогуса. Если рассматривать эти примеры как образцы точности древних историков во всех подобных случаях, то их описания отдаленных народов должны были бы представлять очень малую ценность. Но, похоже, есть основания полагать, что история и институты евреев были гораздо менее известны и представлены в большей степени в искаженном виде, чем история любого другого народа, граничащего со Средиземноморьем.

Многочисленные свидетельства доказывают, что с самых ранних времен и почти во всех странах были люди, нанятые и уполномоченные правительствами для изучения текущей истории государства. Эти летописи содержали, конечно, имена королей, а также записи об их деяниях и подвигах, их указах и войнах. В каждом городе, так же как и в столицах империй, были свои архивы; и эти общедоступные документы, по-видимому, навели на мысль о более всеобъемлющей форме истории. Несомненно, с ними советовались те, кто в более поздние времена брался за составление исторических трудов: с помощью этих средств таким трудам было придано больше достоверности и точности, чем можно было обычно предположить. Геродот, Фукидид, Диодор, Павсаний, Страбон, Дионисий Галикарнасский, Плутарх, Арриан, Дион Кассий, Плиний Старший и другие, очевидно, со всем возможным усердием пользовались такими публичными записями.

Древние историки много беседовали с официальными лицами, где бы они ни путешествовали; и следует признать, что они часто были слишком готовы принять эти устные сообщения за подлинные. Это особенно следует наблюдать по отношению к тем отчетам, которые были получены на исповеди или которые, по-видимому, были получены от священников; ибо этот класс людей, слишком привыкших считать правду своим врагом, а обман — своим делом, посчитали бы, что предадут интересы своего ордена, предоставляя простые факты вопрошающему.

Каждый город древнего мира, где цивилизация достигла какого-либо прогресса, был заполнен колоннами, статуями, бюстами, монументами, надписями, благодаря которым каждое памятное событие и каждая выдающаяся личность постоянно представлялись вниманию людей и сохранялись в их памяти. Несомненно, что этот монументальный и скульптурный способ воплощения истории народа был распространен в гораздо большей степени в древних городах, чем в городах нашего времени. И так получилось, что посетить город, прогуляться по его общественным улицам, войти в его храмы и залы означало ознакомиться с его историей. Самый подлый гражданин, даже ребенок, смог бы провести любознательного незнакомца по улицам и объяснить ему эти памятники прошлого. Нам трудно в эти времена и в этих суровых широтах сформировать адекватное представление о том, в какой степени история каждого народа была им знакома с помощью этих средств; или насколько живые общались с мертвыми и

отождествляли себя с тем, что было героическим или мудрым в предшествующие времена. Эти общественные памятники, сопоставленные с общественными архивами и объясненные общественным голосом, предоставили историкам обильный материал; и им придавалось такое большое значение, что известны случаи, когда историки совершали длительные поездки специально с целью изучения скульптур города, историю которого они имели случай случайно упомянуть.

Больше всего хотелось придать более высокую ценность с точки зрения достоверности материалам, столь старательно собранным древними историками, — это всеобщее распространение информации среди соседних народов, которое подвергло бы басни и хвастливые претензии каждого народа критике со стороны других и, таким образом, дало бы место для более быстрого и полного сопоставления противоречивых свидетельств по одним и тем же пунктам. Греки были очень мало знакомы с языками окружающих народов; и они были вопиюще невежественны в фактах, которые их непосредственно не касались. Если бы литература азиатских народов была хорошо известна в Греции, а Греции - в Азии, то обе были бы очищены от многих ошибок и легкомыслия; и с обеих сторон было бы передано нечто большее от той последовательности, расширения и здравого смысла, которые были приобретены римскими писателями вследствие их знакомства с греческой литературой. Особенно на историческом факультете такой обмен информацией значительно повысил бы ценность, а также расширил бы объем знаний. Знание, подобно жизненному флюиду, портится всякий раз, когда оно перестает свободно циркулировать.

На этом основании современные люди обладают несравненным преимуществом перед древними; и даже если партийные интересы и политические предрассудки действуют в наше время сильнее, средства исправления также значительно эффективнее. Европейские нации имеют, в отношении важных тем, общую литературу: — все вещи известны всем: национальные искажения быстро замечаются и наказываются. Один и тот же корректирующий процесс активно осуществляется внутри каждого сообщества; и если конкретных фальсификаций предостаточно, конечные вероятности преобладания истины еще более велики.

Оценивая достоверность, в частности, древних писателей—историков, мы должны учитывать время и обстоятельства первой публикации таких произведений.

Установление *древности* исторических трудов особенно важно, потому что, когда этот момент не подвергается сомнению, мы получаем, в большинстве случаев, убедительное доказательство общей правдивости повествования. Ибо, если известно, что история была опубликована, получила широкое распространение и в целом признана достоверной в ту самую эпоху, когда основные факты, к которым она относится, пользовались всеобщей известностью, и когда большинство второстепенных обстоятельств были прекрасно известны многим современникам автора, и когда некоторые из них были лично связаны с событиями, у нас есть все основания доверять существенной правдивости и точности истории.

Ни одно вымышленное повествование, опубликованное при подобных обстоятельствах, которое было бы совершенно неверным в своих основных элементах или которое было бы крайне неверно в деталях, не могло бы по какой-либо случайности или благодаря каким-либо усилиям завоевать всеобщую и устойчивую репутацию подлинного произведения. Ни одна такая книга не смогла бы выдержать пристального внимания современных антагонистов; ни одна такая книга не смогла бы сохранить свою репутацию в следующем веке, пока средства установления

правдивости повествования все еще существовали, и после того, как интересы и предрассудки момента улеглись.

Что касается источников информации, которыми располагали историки, то было замечено, что исторические труды следует разделить на два класса — *оригинальные* и *производные*; поэтому аналогичное, но не совсем идентичное разделение должно быть сделано в отношении обстоятельств, при которых такие книги были впервые опубликованы. В *первый* класс должны быть включены те истории, в достоверности которых современники автора, в общем, были компетентными судьями; а во *второй*, такие, которые были почерпнуты из редких, малоизвестных или разрозненных материалов, относящихся к событиям, отдаленным по времени или месту, не могли быть открыты для проверки общественным мнением и могли быть оценены лишь немногими представителями образованного класса.

Истории *первого* рода можно назвать *популярными*; истории *второго* — *изученными*. Очевидно, что *изученные* истории, хотя и на разных основаниях, могут заслуживать высокой степени доверия в отношении их подлинности и точности; и, действительно, с точки зрения беспристрастности, всеобъемлющей информации и точности в деталях они могут значительно превосходить любое из оригинальных повествований, на основе которых они могли быть составлены. Ибо очевидно, что более поздний историк, если он трудолюбив, рассудителен и непредубежден, имеет возможность собрать и сопоставить различную массу вспомогательных свидетельств, относящихся к конкретным фактам, которые придадут его повествованию гораздо больше последовательности, чем это может быть в любой более ранней работе по тому же предмету.

Но прямое доказательство подлинности должно принадлежать *исключительно популярным* историям. Произведение такого класса — это, по сути, обобщение общеизвестных знаний нации или сообщества; это универсальное свидетельство, составленное и уплотненное тем, чья цель — создать свою личную репутацию писателя с согласия и одобрения своих современников. Давайте предположим, что, проходя по людным улицам мегаполиса, мы слышим, по существу, один и тот же отчет о каком-то недавнем публичном событии из тысячи уст и от противоборствующих сторон; или мы читаем повествование об этом событии, составленное современным автором, правдивость которого была молчаливо или явно подтверждена теми же сторонами. Действительность доказательств основывается на одних и тех же основаниях в обоих случаях; будет установлено, что с точки зрения точности и последовательности принятый *письменный* рассказ превосходит *устные* показания.

Мы можем взять в качестве примера последние книги Геродота, которые, рассматриваемые с учетом вышеупомянутого различия, могут быть отнесены к классу популярных исторических произведений и, следовательно, заслуживают доверия, поскольку повествование, как правило, принималось за правдивое теми, кто был хорошо знаком с фактами, которые оно описывает, и многие из которых были лично замешаны в событиях, о которых оно повествует. "История Пелопоннесской войны" Фукидида имеет еще большее право на безупречную достоверность, поскольку факты были более свежими на момент публикации работы; и потому что, кроме того, сильнейшие мотивы национального соперничества и гражданских раздоров были тогда в действии и были готовы в любой момент подавить любую попытку искажения фактов. Надежда автора на то, что его работа дойдет до потомков, основывалась непосредственно на такой приверженности к истине с его стороны, которая должна была исключить возможность

придания какого-либо правдоподобия обвинению в обширной или умышленной фальсификации.

"История Греции" Ксенофонта отчасти претендует на достоверность на том же основании. Но "Киропедия", напротив, совершенно лишена достоверности из этого источника; ибо греки в то время, когда этот труд был опубликован, были далеки от общей компетентности судить об истинности этой истории. Отчет того же автора об экспедиции Кира может в этом отношении занять среднее место между двумя вышеназванными работами. Как есть основания полагать, она была составлена только через много лет после возвращения автора из Азии; и хотя общие факты все еще пользовались дурной славой, подробности тогда не могли быть известны всем, особенно потому, что место действия этих событий находилось так далеко от Греции.

Труды Саллюстия, Комментарии Цезаря, труды Тацита, Светония, Полибия претендуют, полностью или частично, на авторитет популярных исторических источников, поскольку те, кто был хорошо знаком с содержащимися в них фактами, как правило, признавались достоверными.

Но, за исключением некоторых небольших фрагментов или частных фактов, труды Диодора, Дионисия Галикарнасского, Непота, Элиана, Патеркула, Курция, Плутарха, Арриана, Аппиана, Павсания и многих других следует рассматривать только как ученые компиляции, претензия на подлинность которых носит косвенный характер.

ГЛАВА XI. ИСКЛЮЧЕНИЯ, КОТОРЫМ МОГУТ СООТВЕТСТВОВАТЬ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОРИКОВ По ОТДЕЛЬНЫМ ПУНКТАМ.

Содержание

По самой природе дела подлинность исторического произведения может быть подтверждена только в ограниченном смысле и должна пониматься как допускающая исключения в конкретных случаях. Такие исключения могут быть сделаны без упрека автора в правдивости или даже в общей точности. Легко предположить, что в определенных случаях он мог быть навязан своими информаторами; или он мог сообщать о вещах, в которые в то время верили, не считая себя лично ответственным за их правдивость: возможно, он не считал себя призванным как историк обсуждать вопросы, которыми более уместно было бы заняться философам; или он мог просто проявлять небрежность — то тут, то там, в ходе объемистой работы. Однако допущения такого рода, как очевидно, должны быть ограничены случаями случайного рода и только тогда должны выдвигаться в качестве извинения за ошибки автора, когда он излагает факты, которые не были ему непосредственно известны. Ибо в повествовании о событиях, о которых автор утверждает, что был лично осведомлен, мы должны либо признать его правдивость, а вместе с ней и истинность фактов; либо мы должны отрицать и то, и другое.

Первое, что следует учитывать, когда утверждение историка в конкретном случае подвергается сомнению, — это *природа рассматриваемого факта*.

1. Если, например, речь идет о числах, мерах или датах, всегда следует помнить — как уже отмечалось, — что этим вопросам у древних авторов придавалась особая неопределенность из-за метода обозначения *буквами*, которые легко было принять друг за друга. Численность составленных армий — число убитых в битвах — население городов-доходы штатов— расстояния между населенными пунктами — вес или мера тел и исчисление времени, следовательно, всегда должны оставаться открытыми для вопросов относительно того, что на самом деле было задумано и написано автором: это сомнение может быть допущено, ни в малейшей степени не умаляя достоинства произведения, в котором они встречаются. Помимо вероятного искажения копий в таких случаях, следует помнить, что в отношении многих вышеперечисленных деталей они гораздо более подвержены неопределенности или ошибкам, чем другие факты, так что едва ли какая-либо степень усердия и осторожности со стороны историка полностью обезопасит его от ошибок по таким пунктам.

2. Географические детали, описания объектов естественной истории или описания природных явлений также, как правило, должны рассматриваться как подверженные некоторой неопределенности из-за несовершенства информации по таким предметам, которой обладали древние. И все же названия и относительные расстояния мест во всех странах, граничащих со Средиземным морем, о которых сообщали древние географы и историки, были в такой степени подтверждены исследованиями современных ученых, что любые очевидные несоответствия не следует поспешно принимать за доказательства невежества. Но что касается всего, что относится к странам, удаленным от Греции и Италии или лежащим за пределами персидской, Македонской, Карфагенской и Римской империй, то это, конечно, должно восприниматься с колебаниями. Многие из этих описаний отдаленных стран, когда их сравнивают с рассказами современных путешественников, представляют собой одновременно забавные примеры преувеличения и поразительные свидетельства существенной подлинности произведений, в которых они встречаются. Ибо совпадение этих рассказов во многих отношениях с фактами в том виде, в каком они теперь полностью известны, не вызывает сомнений в том, что историк действительно беседовал с уроженцами этих стран или с путешественниками; в то же время искажение картины именно такое, какого можно было ожидать от каналов, по которым была получена информация.

3. Описания, столь часто встречающиеся у древних авторов, чудовищных людей или животных - грифонов, драконов— гидр, пигмеев, великанов; или деревьев с золотыми плодами, фонтанов, из которых текут ароматные жидкости или даже драгоценные металлы, в большинстве случаев могут быть теперь прослежены до их происхождения в реальных фактах, которые, передаваясь автору через невежественных, фантазирующих или заинтересованных репортеров, приобретали характерную экстравагантность басен. В случаях такого рода разумному изучающему историю гораздо более подобает поискать в хранилищах современной науки вероятный источник подобных сообщений, чем пройти мимо них с насмешкой ленивого скептицизма. Некоторые писатели шестнадцатого и семнадцатого веков были настолько оскорблены некоторыми отрывками подобного рода из истории Геродота, что относились ко всему труду этого трудолюбивого и в целом точного писателя с презрением, как если бы он был немногим лучше сборника басен. Но теперь эти опрометчивые упреки оправдываются сами собой, ибо современные путешественники, посещая страны, описанные отцом истории, часто находят возможность убедиться в правильности его утверждений или в их существенной правдивости даже в тех описаниях или отношениях, которые могут показаться наиболее подозрительными.

4. При повествовании или описании природных явлений, таких как метеориты, бури, извержения вулканов, землетрясения, затмения, все, что необходимо, - это убрать из повествования историка те объяснения или те декоративные фразы, с помощью которых он пытался увязать подобные происшествия с политическими событиями текущего момента, по предложению популярных суеверий.

И здесь мы можем воспользоваться случаем, чтобы указать на замечательное различие, которое образует характерное различие при сравнении еврейских писателей с писателями других народов, в отношении природы тех чудесных или сверхъестественных фактов, которые они описывают. Чудесные события, о которых сообщают греческие и римские авторы, могут, за немногими исключениями, быть отнесены к двум категориям, а именно— аллегорические и поэтические сочетания, которые были настолько очевидно сказочными, что не заслуживали доверия и не требовали тщательного изучения; или же они были простыми преувеличениями, искажениями или неправильным применением природных объектов или явлений. Но еврейские историки и поэты не описывают, *как реально существующие*, никаких таких аллегорических чудес; и их описания реальных животных либо просто точны, либо они явно *поэтичны* (как в книге Иова), но они не *сказочны*. Они не придают сверхъестественной окраски обычным явлениям и не превращают простые факты в чудеса. Сверхъестественные события, которые они описывают, как исторические события, являются такими отклонениями от установленного порядка естественных причин, что не оставляют нам выбора между категорическим отрицанием правдивости авторов или подчинением их утверждению о божественной воле.

Свобода еврейских историков, поэтов и пророков от тех примесей чудесного и естественного, которыми изобилуют другие древние писатели, является одной из самых замечательных их характеристик. Их описания человеческой природы не являются ни героическими, ни фантастическими; их повествования о человеческих делах имеют самую простую окраску и строго соответствуют известным обычаям времени и страны. Наше согласие также не облагается налогом ни при каких обстоятельствах, за исключением случаев, когда зафиксировано событие, которое, если бы оно не имело места на самом деле, могло быть подтверждено только безрассудными самозванцами.

Помимо тех чудес, которые встречаются у профанных историков и которые требуют лишь освобождения от преувеличений, добавляемых к естественным событиям невежеством, поэзией или суеверием, существуют и другие рассказы, которые не поддаются удовлетворительному объяснению с такой легкостью и которые требуют некоторого разбора. Они такого рода, что их следует считать либо полностью ложными, либо же они должны подразумевать, в некотором смысле, сверхъестественное действие. К первому виду вполне можно отнести все или почти все те предполагаемые сверхъестественные явления, которые, без сомнения, были сфабрикованы для того, чтобы отдать должное установившемуся суеверию или послужить замыслам государственных деятелей или военачальников, и которые в большинстве случаев основывались исключительно на свидетельствах священников. С другой стороны, на страницах профанных историков зафиксировано несколько фактов, по-видимому, выходящих за рамки естественных причин, которые нельзя отвергнуть как не соответствующие действительности, если только мы не совершим насилие над самыми здравыми принципами доказательства, и к которым не отнесутся с неисклюшенным презрением, за исключением слепого скептицизма, который больше связан с легковерием, чем с истинной философией. Эти

особые случаи требуют гораздо более полного и частного рассмотрения, чем это совместимо с замыслом данной книги.

5. Политические привычки и вкусы греков и римлян побуждали их историков снабжать действующих лиц их истории официальными речами по всем примечательным поводам; ибо ораторское искусство было источником и жизнью каждого политического движения; и поскольку правительственную машину фактически невозможно было заставить работать без движущей силы речей, история не должна казаться обходящей их стороной. Тем не менее, нет особых оснований полагать, что подлинные отчеты о публичных выступлениях часто, если вообще когда-либо, попадали в распоряжение историков. Действительно, эти блестящие фрагменты истории часто настолько соответствуют манере автора, что не оставляют у читателя сомнений, кому их приписать. Тем не менее можно представить, что в некоторых памятных случаях сами слова короткой речи или общий смысл выступления запоминались и записывались, и таким образом включались в речь в том виде, в каком она была сформулирована историком.

Соответствие вкусу времени, по-видимому, также побудило некоторых авторов использовать средства для отвлечения внимания своих читателей и облегчения бремени повествования, вводя отступления, часто тривиального рода, которые, хотя и не объявляются простыми украшениями и которые, возможно, не были чисто вымышленными, очевидно, не заслуживают такой же степени достоверности, как основные обстоятельства истории.

6. Тайные мотивы государственных деятелей или скрытые причины великих событий не являются надлежащими предметами истории, которая занимается только такими фактами, которые могут быть достоверно и справедливо известны. Следовательно, рассуждения историка на подобные темы должны быть исключены; ибо, когда он таким образом отказывается от своей функции, он должен ожидать, что читатель откажется от него; его ошибки в таких вопросах не ставят под сомнение его правдивость; хотя они понижают наше мнение о его суждениях.

7. Очень немногие важные факты, такие, которые составляют собственно предметы истории, полностью основаны на свидетельствах одного историка или не могут быть прямо или отдаленно подтверждены какими-либо совпадающими свидетельствами. Поэтому всякий раз, когда возникает вопрос относительно истинности того или иного утверждения, необходимо прибегать либо к свидетельствам современных авторов, либо к свидетельствам существующих памятников. Но даже если все подобные средства подтверждения окажутся безуспешными, и если мы столкнемся с озадачивающим молчанием там, где мы могли бы ожидать найти подтверждение, у нас ни в коем случае не будет права отвергать неподтвержденное свидетельство просто на основании отсутствия соответствующей поддержки. Можно привести множество примеров самого необычного молчания историков по отношению к фактам, с которыми они, должно быть, были знакомы и которые, казалось, лежали непосредственно в русле их повествования. Важные факты не упоминаются ни одним древним писателем, хотя они бесспорно установлены существующими надписями, монетами, статуями или зданиями. Есть также факты, упомянутые только каким-то одним историком, которые случайно подтверждаются случайным совпадением с какой-то реликвией древности, недавно обнаруженной; если бы эта реликвия оставалась в своей долгой неизвестности, такие факты могли бы (мы видим, как мало оснований) быть оспорены.

Ничто не может быть более ошибочным, чем вывод, сделанный на основе молчания историков относительно конкретных фактов. Полный, всеобъемлющий и, если можно так выразиться, *деловой* метод написания истории, в котором не должно быть опущено ничего важного — ничего, что хорошо информированный читатель будет искать, - является результатом современных усовершенствований в мышлении и письме. Общее распространение знаний и активность критики предъявляют к писателям гораздо более высокие требования в плане информации, чем считалось в древние времена. Полное и точное изложение фактов стало цениться выше, чем любые простые изящества стиля; по крайней мере, никакие изящества стиля не могут компенсировать ощутимых недостатков в фактических вопросах. Современных людей нужно учить — и они должны быть довольны; но древние были бы довольны и научены. Древние писатели и историки не в меньшей степени, чем другие, по-видимому, формировали свои представления о сочинении прозы во многом по образцу поэзии, которая на большинстве языков была самым ранним видом литературы. Как их эпосы были историями, так, в некотором смысле, и их истории были эпосами. Поэтому в ходе повествования были затронуты такие детали, которые, как казалось, наилучшим образом соответствовали абстрактной идее работы — не всегда те, которые потребовалось бы выдвигать при строгом следовании всеобъемлющему плану.

8. Влияние личных или партийных предрассудков неопределенно; и поскольку они могут искажать представления историка о себе почти бессознательно, не ставя под сомнение его общую честность, то в большинстве случаев будет трудно, особенно по прошествии веков, выяснить, в какой степени следует допускать действие таких предрассудков. Но если невозможно установить, в какой степени колорит картины следует приписать средству, с помощью которого историк изображает своих персонажей, тем не менее общие оттенки этого средства вряд ли ускользнут от внимания образованного читателя; и если однажды заметить, иллюзия разрушается.

Но в отношении влияния предрассудков такого рода древние историки, несомненно, оказываются в выигрыше по сравнению с современными. Примеры невозмутимости можно было бы привести у греческих историков, которым можно было бы привести несколько параллелей, взятых со страниц современных авторов. Подобно скульптурам тех же людей, работы греческих историков, хотя и не лишены отличительных черт или движущей энергии жизни, представляют аспект, от которого никогда не теряется величие покоя. Эти писатели, по-видимому, сознавали, что они представляют картину своего времени взорам человечества во все века: поэтому они забыли о страстях и интересах момента.

Что касается нас самих, то мгновенное распространение книг по всем слоям общества ставит современного автора слишком близко к своим современникам, чтобы позволить ему много думать о потомках. Шум общественного мнения окружает его уединение: его положение в основных обстоятельствах почти такое же, как у оратора — гул толпы заполняет его мысли, и он почти забывает о далекой славе, которую мог бы снискать его гений. Таким образом, близость его аудитории вызывает у современного писателя всяческое волнение и побуждает потворствовать партийным искажениям. Если бы не корректирующее влияние свободной прессы, в наше время не было бы произведено ничего, достойного названия истории.

9. То, что греки на самом деле были не намного хуже представлений, данных о них их историками, достаточно подтверждают существующие памятники их философии, их поэзии и их

искусств. Действительно, если мы перейдем от изучения этих памятников и останков к чтению Геродота, Фукидида и Ксенофонта, мы будем далеки от мысли, что этим авторам следует приписывать тон преувеличенного восхваления. Со страниц одних только историков мы не смогли бы составить адекватного представления о совершенстве, которого достигли во всех областях литературы и искусства люди, о политических делах которых они повествуют. Едва ли половину истории Греции в полном и философском смысле этого слова можно почерпнуть у ее историков: мы должны искать ее скорее в остатках ее литературы в целом, в музеях и кабинетах, а также среди руин, которые все еще покрывают ее землю.

Следовательно, у греческих историков нельзя заподозрить такого рода общее искажение фактов; ибо другими средствами выясняется больше, чем прямо утверждается ими самими. Тем не менее, предполагалось, что в своих отчетах о военных событиях греческие историки, стремясь приумножить славу своих соотечественников в отражении персидских нашествий, преувеличивали мощь и масштабы азиатской монархии, а также численность армий, с которыми Греции приходилось бороться. Возможно, было допущено некоторое искажение фактов такого рода. И все же картины, данные греческими авторами богатства и ресурсов персидской державы, ребяческих амбиций ее монархов, бесчисленных полчищ, которые они гнали перед собой плетями в Скифию, Египет и Европу, покоряя народы скорее опустошением, чем военным поведением, устами, а не мечами своих армий, настолько поразительно похожи на неоспоримые факты из более поздней истории азиатских империй, что, поскольку в одном нельзя сомневаться, другое не нужно считать невероятным.

10. Высокомерие, с которым под термином "*варвары*" греческие авторы говорят обо всех народах, которые не были греческого происхождения, естественно, наводит на мысль, что мы не должны ожидать, что почерпнем от них правильное представление о цивилизации окружающих народов. По правде говоря, из других источников можно почерпнуть немало свидетельств, подтверждающих веру в то, что в сообществах, не очень удаленных от самой Греции или ее колоний, существовала такая степень интеллекта и утонченности, о которой им было стыдно не знать или, что еще более стыдно, обращать так мало внимания.

11. Что касается римлян, то, возможно, не столько из простого национального тщеславия, сколько из-за диктата той глубоко продуманной политики, с помощью которой они поддерживали свои безграничные притязания, они были склонны искажать информацию о ресурсах и поведении народов, по шеям которых они наступали. Такая политика часто приводила к искажениям, противоположным тем, которые были вызваны национальным тщеславием. То, что вселенская империя была правом римского оружия, было принципом государства: таким образом, поворот судьбы был не просто бедствием — это было кажущееся нарушение высоких притязаний республики. Нации не должны думать, что их хозяева могут где-либо найти равных или соперников в храбрости или военном мастерстве. Поражение ранило политическую веру римского гражданина больше, чем встревожило его страхи; и он скорее отказался бы от славы сломать руку, равную по силе его собственной, чем признался бы, что где-то есть рука равной силы, способная противостоять его воле. Он предпочел бы пережить усугубляющийся стыд оттого, что был избит подчиненным, вместо того, чтобы искупить часть своего бесчестья признанием того, что он столкнулся с вышестоящим. Следовательно, писатель не мог бы в полной мере воздать должное мужеству, поведению и успехам врагов Рима, не вызвав такого возмущения в обществе, которое было бы приравнено почти к государственной измене. Современной исторической критики, осуществленной таким

писателем, как Нибур, оказалось достаточно, чтобы убрать из ранней римской истории очень большое количество искажений и преувеличений, которые Ливий и его предшественники накопили вокруг нее.

ГЛАВА XII. ПОДТВЕРЖДЕНИЯ СВИДЕТЕЛЬСТВ ДРЕВНИХ ИСТОРИКОВ, ПОЧЕРПНУТЫЕ ИЗ НЕЗАВИСИМЫХ ИСТОЧНИКОВ.

Содержание

Большинство основных фактов, упомянутых древними историками, а также множество менее важных деталей подтверждаются свидетельствами, которые совершенно независимы как по своей природе, так и по каналам, по которым они дошли до нас. По правде говоря, хотя рассказы историков служат для того, чтобы связать и объяснить всю массу информации, дошедшей до наших дней, относительно народов далекой древности, они далеки от того, чтобы быть единственными источниками этой информации: возможно, они едва ли представляют хотя бы половину исторических материалов. Эти независимые источники информации могут быть отнесены к следующим категориям:—

1. Остатки *общей* литературы народов древности: их поэзия, особенно их ораторское искусство, и их философские трактаты.
2. Хронологические документы или расчеты.
3. Факты — географические и физические, которые не меняются с течением времени.
4. Те институты, обычаи или физические особенности наций, которые подверглись незначительным изменениям.
5. Существующие памятники древнего искусства — картины, скульптуры, драгоценные камни, монеты и здания.

Информация, получаемая из этих источников, отвечает двум различным целям, а именно: во—первых, пополнить объем наших знаний о состоянии цивилизации древних народов; а затем предоставить средства для подтверждения или исправления утверждений историков по определенным пунктам. Очевидно, что рассмотрение подробностей, которые рассматриваются в вышеназванных общих разделах, или выполнение этого с какой-либо степенью точности значительно вышли бы за рамки этой книги; более того, поставленная в ней цель будет в достаточной степени достигнута простым указанием в нескольких примерах, какова природа и какова ценность такого рода подтверждающих доказательств.

1. Подтверждающие свидетельства, почерпнутые из книг, поступающие по сходным, если не по тем же каналам, по которым мы получаем работы историков, и имеющие ту же внешнюю форму, вероятно, произведут на ум меньше впечатления, чем должна была бы произвести их реальная достоверность. И все же, когда дело доходит до детального рассмотрения, ничто не может быть более убедительным, чем доказательство, которое, таким образом, возникает из совпадений

имен и аллюзий, которые встречаются в произведениях драматургов, ораторов, поэтов и философов, с более формальными утверждениями современных историков. Если, например, греческие драматические произведения — произведения Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана и Речи Демосфена сопоставить с повествованиями Фукидида, Ксенофонта, Диодора и Плутарха; или если Послания и речи Цицерона, сатиры Горация и Ювенала сравнить с историческими трудами Ливия, Саллюстия, Тацита и Диона Кассия, то обнаружится множество точек соприкосновения сами по себе, поскольку должны убедить каждого в том, что эти исторические утверждения и эти намеки, должно быть, имели общее происхождение в реальных фактах.

Однако остатки древней литературы подтверждают свидетельства историков не только благодаря особым совпадениям по определенным пунктам, но и благодаря тому, что они дают такие представления о людях, среди которых они были распространены, во всех аспектах их политического, религиозного и социального положения, которые согласуются с представлениями историков. Чтобы продемонстрировать всю силу такого рода доказательств, давайте представим, что имена людей, городов и стран, изъятые из произведений классических поэтов, ораторов и философов, были попытались связать как соотечественников и современников Геродота, Фукидида и Ксенофонта с Цицероном, Горацием и Сенекой; или Тацита, Цезаря и Светония с Исократом, Платоном и Эсхилом: каждая страница у одного класса писателей представляла бы собой некоторое несоответствие с отчетами, данными об этих людях другими. Напротив, изучая современных писателей одной и той же страны, какими бы ни были различия в их стиле или тематике, мы чувствуем, что всех их окружали одни и те же объекты и что они подвергались одним и тем же влияниям.

2. Те подтверждающие свидетельства, которые почерпнуты из хронологических надписей или астрономических расчетов, в некоторых примечательных случаях служили для подтверждения или корректировки свидетельств древних авторов весьма убедительным образом. Следует помнить, что древние историки, будучи по большей части лишены достаточно точной хронологической информации и сами будучи также менее внимательными к датам, чем того требует современный стиль исторического сочинения, оставляют предмет открытым для многих трудностей; и к этим трудностям добавляется та неопределенность, которая, как мы уже отмечали ранее, характерна для всего, что касается чисел в текстах древних авторов. Однако не следует предполагать, что древняя хронология совершенно не зафиксирована; ибо, хотя сейчас, возможно, невозможно определить точное время многих событий, результаты различных методов расчета редко настолько сильно расходятся, чтобы иметь большое значение в общей схеме истории.

3. Те неровности земной поверхности, которые не претерпели значительных изменений в течение исторического периода, а также течение рек, особенности климата, растительный и животный мир каждой страны, хотя они и не являются абсолютно неизменными, даже по прошествии многих веков не претерпели таких изменений, которые затрудняли бы нас в установлении тождества древних и современных названий. Теперь нашему наблюдению доступны те же сцены и те же физические явления, которые были описаны или на которые ссылались историки двадцать веков назад; и, обнаружив, как и мы, что их рассказы об этих постоянных объектах согласуются с современными и хорошо известными фактами, мы принимаем такие совпадения как залог общей точности и аутентичности рассматриваемых текстов: ибо, если доказано, что историк был осторожен в получении правильной информации

о моментах, которые были косвенно связаны с его предметом, остается только верить, что он был по крайней мере столь же точен в отношении событий и того, что более непосредственно относится к его рассказ.

Мы уже обращались к географической точности Геродота и отмечали, что описания, которые он дает странам и их производствам, по большей части таковы, что не вызывают сомнений в том, что он сам видел большинство объектов, которые он описывает. То, что греческие историки должны быть точны в том, что касается географии и произрастания на их собственной узкой почве, - это не более чем то, чего следует ожидать. Но когда мы находим их точными также в их описаниях регионов, удаленных от Греции и которые в целом были очень плохо известны их соотечественникам, они представляют собой доказательство подлинности, которое может быть распространено на случаи, в которых мы вынуждены принимать их показания, не подкрепленные другими доказательствами.

Подходящий пример такого рода приводится в случае с "историей экспедиции Александра" Арриана - его "Историей Индии" и его описанием берегов Индийского океана. Географические детали, встречающиеся в этих произведениях, в целом настолько точны, что современные путешественники без труда идентифицируют почти каждое место, которое он упоминает. Это доказательство точности хорошо подтверждает претензию на обладание подлинной информацией, выдвинутую автором в начале его работы, где он заявляет, что его история была составлена на основе воспоминаний Птолемея и Аристобула — двух полководцев Александра; и что он сопоставил их утверждения по всем пунктам и добавил из других источников только те подробности, которые казались наиболее заслуживающими доверия.

Теперь, когда историю экспедиции Александра Арриана сравнивают с историей Квинта Курция с точки зрения географии, обнаруживается, что последний автор был либо совершенно несведущ в этом предмете, либо что он был совершенно безразличен к правильности своих утверждений. Таким образом, это доказательство недостатка усердия или информации очень сильно умаляет авторитет историка по всем пунктам, которые основываются на его единственном свидетельстве. Мы могли бы сказать, что во всех подобных случаях это губительно для его репутации. Будучи способным и привлекательным писателем, Курциус пробуждает подозрительность читателя самим характером своего стиля, который выдает его пристрастие к украшательству и расширению: это подозрение немало усиливается, когда мы встречаемся с прямыми доказательствами его неточности в фактических вопросах.

Постоянство названий мест, несмотря на многочисленные изменения значения гласных или согласных, предоставляет очень любопытное, а также важное средство подтверждения достоверности утверждений древних историков. Можно привести бесчисленные примеры, в которых названия малоизвестных деревень в Малой Азии, Армении, Персии, Аравии, Палестине, Египте и Нубии напоминают каждому читателю названия, встречающиеся в древних историях тех же стран. Эти отдаленные имена никогда не попали бы на страницы греческих и римских историков, если бы они не искали или не использовали тщательно подлинные документы при составлении своих работ.

Во многих деталях утверждения древних географов - Страбона, Птолемея, Плиния, Стефана Византийского и Павсания - расходятся друг с другом и с повествованиями современных историков; но в гораздо большем количестве случаев совпадений почти столько же, сколько обычно встречается у современных путешественников. И когда древняя география, независимо

от того, собрана ли она у географов или историков, будет сопоставлена с современной — какие бы трудности ни возникали здесь и там на пути к совершенному примирению, никто не сможет усомниться в том, что первая — взятая в целом — является подлинным изложением фактов, собранных с прилежанием, путем реальных наблюдений.

4. Подобный вид подтверждения возникает из сравнения описаний физических особенностей, манер и обычаев народов, данных древними историками, с фактами, которые, как известно, относятся к современным жителям тех же стран. Если национальные нравы и обычаи менее постоянны, чем особенности страны или плодородие почвы, то они гораздо более постоянны, чем можно было бы предположить, если вспомнить, сколько революций прокатилось по поверхности общества на протяжении веков. Хотя человек не является абсолютно созданием почвы, которая его поддерживает, и хотя он не сохраняет всех особенностей, унаследованных им от его прародителей, все же он никогда не бывает свободен и от некоторых постоянных признаков племени, климата или местности. Или, если в результате развития ума и прогресса цивилизации его обстоятельства и манеры претерпевают, по-видимому, основательные изменения, все же даже тогда останется много меньших признаков его устаревшего состояния; и многие привычки и обычаи, которые слишком незначительны и тривиальны, чтобы привлекать внимание, — если они не пробуждают исторических воспоминаний, — будут продолжать отождествлять современных людей с древней расой. Четыре завоевания и восемнадцать столетий не полностью стерли с лица англичан все следы их британских предков; и у некоторых рас, например, у египтян, арабов, евреев и скифов, гораздо более заметное сходство сохранялось на протяжении даже более длительного периода веков.

Такие живые памятники древности не только весьма любопытны сами по себе, но и имеют большое значение для иллюстрации древней истории. Тем не менее, следует признать, что материалов для такого рода подтверждающих комментариев больше всего там, где они представляют наименьшую ценность; и часто они самые скудные там, где они были бы наиболее ценными. Ибо именно у полувцивилизованных народов манеры и образ жизни постоянны; в то время как развитие интеллекта и утонченности производит изменения столь значительные, что оставляют лишь малейшие следы аборигенных особенностей. Таким образом, на равнинах Азии и в пустынях Африки мы находим народы, которые по своим физическим особенностям, манерам и обычаям мало отличаются, если вообще отличаются, от описаний, данных их предшественниками на той же земле Геродотом или Страбоном. Между тем сменявшие друг друга жители европейского континента — активные, разумные и свободные — прошли через все формы человеческой жизни и поэтому сохранили мало сходства со своими отдаленными предками.

Действительно, один климат требует гораздо большей степени постоянства в привычках людей, чем другой. Пылкость экваториальных регионов и суровость севера принуждают человека к пассивному подчинению определенному образу жизни. Эти экстремальные температуры во многом помогают подавить его индивидуальную волю, воспрепятствовать капризам его вкусов и ограничить его изобретательность. Но в умеренном климате практически любой образ жизни оказывается осуществимым, и поэтому почти все способы жизни будут применяться по очереди.

Постоянство нравов, даже там, где происходили самые масштабные революции, поразительно проявляется среди современного народа Греции. Сменявшие друг друга поколения на

протяжении двадцати шести столетий прошли с тех пор, как были написаны "Илиада" и "Одиссея"; и все же, когда древнюю расу, как она описана Гомером, сравнивают с современными людьми, сходств оказывается очень много. Не только язык, по существу, остался тем же; но и способы мышления и чувства, суеверия, костюмы, привычки жителей определенных мест в большом количестве случаев очень мало изменились с течением времени. Если особенности расы, описанные Гомером, все еще можно распознать, то неудивительно, что в нынешних нравах этого народа мы находим многочисленные иллюстрации к картинам, нарисованным историками более поздней эпохи. Описания нравов галлов, бриттов и германцев, данные Цезарем и Тацитом, могут быть подтверждены аналогично, хотя и не в равной степени, обычаями, все еще существующими у северных народов Европы.

5. Существующие остатки древнего искусства вполне могли бы послужить материалом для целого исторического свода, даже если бы все книги погибли. Эти реликвии иногда служат для установления конкретных фактов, а иногда дают основание для выводов общего характера относительно богатства, могущества и интеллекта народов, которым они принадлежали. В любом случае доказательства, которые они приводят, являются наиболее убедительными, поскольку солидный материал действительно находится в наших руках, перед нашими глазами, и в большинстве случаев он не может быть неверно истолкован.

Выводы, которые справедливо могут быть сделаны из этих существующих остатков, настолько обширны, что о некоторых древних нациях мы знаем гораздо больше из *этого* источника, чем можно почерпнуть из всех свидетельств письменной истории: по крайней мере, несомненно, что то, что таким образом изучается, пусть и в некоторых отношениях расплывчато, обладает более существенным качеством знания и гораздо больше заслуживает называться *историей*, чем те голые перечни имен королей, которые часто удостоиваются этого термина. Имя или двадцать имен, не связанных с общими фактами, или дата, служащая лишь для того, чтобы поставить простое имя на надлежащее место в хронологической таблице, действительно могут создать видимость истории, но почти ничего не проясняют по существу. То, что мы узнаем, например, из письменной истории относительно Ассирийской империи или ранних царств Греции, гораздо менее важно, чем исторические выводы относительно народа Египта, которые в значительной степени можно сделать из остатков его архитектуры.

Существующими памятниками искусства, которые доступны в качестве источников исторической информации, являются: 1. здания и общественные работы; 2. скульптуры и драгоценные камни; 3. надписи и монеты; 4. картины, мозаики и вазы; и 5. орудия труда и оружие.

С целью подтверждения, или исправления, или иллюстрации утверждений историков по определенным пунктам чаще всего приходится прибегать к свидетельствам надписей и монет; и каждый знает, что из этих источников могут быть достоверны все ведущие факты греческой и римской истории. Последние особенно важны как из-за информации, которую они передают, так и из-за способа ее передачи в наше время. Никто не мог бы поставить под сомнение полезность надписей для иллюстрации истории: но студент, который не может посвятить свое безраздельное внимание предмету или у которого нет доступа к самым полным и лучшим источникам информации, с большой вероятностью может тратить свое время на документы, которые, как он впоследствии обнаружит, являются чрезвычайно ошибочными. Ни в одном отделе изучения антиквариата не было такого изобилия искажений, обманов и

непреднамеренных ошибок. Авторы, которые долгое время считались безупречными авторитетами, оказались не заслуживающими особого доверия, а в таких вопросах писатель, который не достоин большого доверия, не достоин вообще никакого.

Монеты представляют собой краткие публичные записи. Эмблема, которую они носят, редко лишена какого-либо существенного намека на особые притязания королевства или города; изображение, соответствующее по форме и выражению скульптурам или описаниям, фиксирует личность персонажа; а легенда снабжает именами и другими специфическими примечаниями. Монеты, следовательно, концентрируют в себе несколько видов свидетельств; и, подобно книгам, благодаря их множеству, широкому распространению и способу их сохранения до наших дней, они, за очень немногими и незначительными исключениями, находятся далеко за пределами досягаемости мошенничества. Шкафы богатых людей во всех странах заполнены сериями этих исторических записей; и the spade каждый день находит аналоги тем, которые уже известны. То тут, то там были обнаружены статуи и здания, но монеты - продукт любой почвы, которую когда-либо посещала цивилизация.

Скульптуры бывают либо историческими, либо поэтическими; скульптуры первого рода дают подтверждение истории, которая, хотя и неопределенна, заслуживает внимания. То, что главные персонажи, чьи имена встречаются в истории, были представлены художниками своего времени, не только вероятно, но и является хорошо известным фактом. Статуи или бюсты самых выдающихся общественных деятелей были подарены миру несколькими художниками, и они были установлены во всех главных городах республики или империи, которые претендовали на какое-либо отражение их славы. Принцип конкуренции между художниками обеспечил бы некоторое сносное единообразие — единообразие сходства с оригиналами среди этих статуй и бюстов; и мы вовсе не переходим границ вероятности, предполагая, что это, в общем, настоящие и хорошие портреты. Кроме того, в большинстве из них есть некая индивидуальность, которая сразу убеждает опытный глаз в их подлинности.

Поскольку это предполагается, соответствие этих форм характеру людей, как оно представлено на страницах истории, несет в себе доказательство правдивости тех записей, в которых немногие наблюдатели человеческой физиономии будут склонны усомниться. Для того чтобы ощутить силу такого рода доказательств, нет необходимости обращаться за помощью к какой-либо системе физиогномической науки (так называемой); для этой цели будет достаточно интуитивного различения каждого. Пусть самый простой наблюдатель лиц и форм, читавший историю Греции и Рима, осмотрит галерею античных статуй и бюстов, и ему не грозит опасность неправильно назвать головы Фемистокла и Александра, Платона и Цицерона, Фокиона и Алкивиада, Демосфена и Евклида, Юлия Цезаря и Нерона. Для тех, чей глаз натренирован в различении форм, лучше всего выполненные из этих античных голов рассказывают свою собственную биографию с отчетливостью, которая дает неоспоримое подтверждение рассказам историков.

Мифологические или поэтические скульптуры позволяют сделать выводы более общего характера; большинство из них также напрашиваются при изучении храмов, убранством которых они были. Изысканные формы греческих резцов говорят о том, что суеверие, которое они воплощали, хотя и было легкомысленным и распущенным, было создано скорее для удовольствия, чем для страха; что оно было скорее поэтическим, чем метафизическим. Они определенно указывают на то, что религиозная система народа не была кровожадной или

свирепой и что она не была приспособлена для того, чтобы быть двигателем жреческого деспотизма. Можно было бы предположить, что служители этих божеств были скорее слугами народных развлечений, чем тиранами их совести, их собственности и их личности.

Греческие скульптуры служат доказательством того, что суеверие, к которому они принадлежали, каким бы ложным или абсурдным оно ни было, было открыто для всех улучшений и приукрашиваний в высшей степени утонченной литературы. По контрасту с ними находятся священные скульптуры Индии, которые вызывают у нас отвращение как неприкрытые и значимые представители ужасных пороков, предписываемых и практикуемых священниками. Но утонченный вкус греков научил их художников облекать каждый атрибут зла в ту или иную форму красоты. Отвратительность мстительных страстей должна быть скрыта под личиной спокойной силы; а отвратительность чувственных страстей должна быть завуалирована совершенным идеалом красоты. Искусство, предоставленное самому себе, не принимает этих исправлений; и авторы суеверных систем не просят о них. Должна быть поэзия, должна быть философия под рукой, чтобы предостерегать от распутства искусства и ограничивать его буйство рамками приличия.

Когда остатки древних сооружений исследуются с целью сбора оттуда исторической информации, их следует рассматривать в трех различных аспектах, а именно— ресурсы, которые потребовались для их строительства, цели, которым они были посвящены, и вкус, который они демонстрируют. Несколько примеров покажут природу и масштаб выводов, которые можно справедливо сделать из такого исследования.

Остатки египетской архитектуры надолго пережили славу людей, чьи имена им было поручено передать в далекие времена. Или, если несколько имен были переданы историками или были извлечены из их иероглифических сокрытий гением современных исследований, все количество таких открытий может быть заключено в нескольких строках, и это очень далеко от того, чтобы передать что-либо похожее на историю народа. Но некоторые общие факты, относящиеся к богатству, торговле, промышленности, учреждениям, нравам и суевериям египтян, были сообщены историками; и описания этой страны и ее народа, данные Геродотом, Страбоном, Диодором и Плутархом, подтвержденные случайными упоминаниями других авторов, и особенно несколькими знаменательными выражениями, встречающимися в еврейских Писаниях, дают достаточно полное представление об этой самой необычной из всех наций — древней или современной. Теперь это свидетельство историков с особой отчетливостью подтверждается теми руинами, которые до сих пор приводят толпы путешественников к берегам Нила.

Эти колоссальные останки свидетельствуют, во-первых, о несметных богатствах, которые, как утверждают историки, находились в распоряжении египетских монархов; — богатстве, полученном главным образом благодаря необычайному плодородию страны, которая, подобно равнинам Вавилона, давала трехсоткратный урожай зерна. И по мере того, как доходы огромной империи пополняли внутренние ресурсы вавилонских монархов, продукты широко распространенной торговли приумножали сокровища египетских царей. Устья Нила были центрами торговли между восточным и западным мирами; и эта река, отложив в течение одного года обильный ил, в следующем году несла на своих недрах урожай, который она дала, для питания отдаленных и менее плодородных регионов. Не было и трудолюбия людей — многочисленного сверхпримера, желающих улучшить каждое преимущество природы. Но для

кого было накоплено это безграничное богатство или под чьим контролем оно расходовалось? Свидетельства историков совпадают с данными о существующих руинах, заявляющих, что деспотизм — политический и религиозный — непревзойденного совершенства, очень непохожий ни на что, виденное с тех пор, распоряжался огромными прибавочными продуктами сельского хозяйства и торговли в целях гигантского эгоизма.

Невозможно определенно определить, с помощью каких форм взыскания или монополии египетские цари распоряжались собственностью и услугами народа; но кажется, что признавался только один центр реального владения и что привычки думать и действовать, связанные с неизменными способами тысячью нитей суеверного соблюдения, способствовали спокойной передаче всех прав главе государства. Следовательно, имея в своем распоряжении такие ресурсы и имея народ, гораздо лучше приспособленный по своему темпераменту и привычкам к труду, чем к войне, — жители плодородных равнин всегда были менее воинственными, чем жители горных регионов, — повелителю Египта было бы легко потратить свои средства на реализацию чудовищных архитектурных замыслов.

Та степень научного мастерства в масонстве, которая относится к средней стадии цивилизации, на которой человеческие способности развиты лишь частично, — это то, чего следовало бы ожидать от историков; и это именно то, что на самом деле демонстрируют эти останки. Наука есть — но затрат и труда гораздо больше, чем самой науки. Работы, предпринятые египетскими строителями, были таковы, что их завершение наверняка привело бы к подсчитываемой трате человеческой жизни; но они не были таковы, чтобы предполагать преодоление практических трудностей средствами, которые должен изобрести математический гений.

Египетские строители могли воздвигать пирамиды, или рыть катакомбы, или высекать храмы из цельных гранитных пород; но они не пытались создавать произведения, подобные тем, которые были выполнены художниками средневековья. Ибо для того, чтобы так высоко поднять в воздух резную крышу и тонкий шпиль готического собора, требовались гораздо большие затраты ума, чем, по-видимому, было в распоряжении египетских царей.

Цели, которым, по-видимому, предназначались сооружения Египта, также согласуются с рассказами историков. Установленный деспотизм действительно был таков, что позволял капризным государям безудержно потворствовать своему личному тщеславию; тем не менее, признавались лучшие и более мудрые принципы правления, которым часто следовали; и поэтому следы общественных работ огромного масштаба и огромной полезности повсюду свидетельствуют об уме и добром расположении некоторых египетских царей. Каналов, причалов, водохранилищ, акведуков не меньше, чем храмов и пирамид. В самом деле, храмы Египта не следует полностью приписывать ни тщеславию царей, ни гордыне жрецов; ибо, как римские императоры тратили часть мировой дани на возведение театров для ублажения привилегированных провинций, так и египетские цари для удовольствия своих подданных разводили во всех частях страны священные зверинцы с почитаемыми быками, крокодилами, коровами, обезьянами, кошками, собаками, луком и другими подобными величественными символами общей религии. Записано, что два царя, чьи имена были прокляты потомками из-за жестоких трудов, которые они требовали от своего народа, были строителями не храмов, а пирамид.

Земляной холм высотой в один фут удовлетворяет тому чувству нашей натуры, которое побуждает нас беречь от беспокойства недавние останки умерших; но пирамида высотой в

пятьсот футов была не слишком высокой гробницей для египетского царя! Покрытая лаком кукла, отвратительная на вид, в которую искусством аптекаря была превращена туша умершего монарха, должна покоиться в глубоких недрах горы тесаного камня! Невозможно представить себе более полного доказательства полного подчинения народной воли в Древнем Египте, чем тот факт, что для такой цели было нагромождено столько каменной кладки, что она доходила почти до облаков. Пирамиды никогда не могли затронуть общий энтузиазм людей, они могли только удовлетворить безумное тщеславие человека, по приказу которого они были воспитаны. Эти сужающиеся четырехугольники, поскольку они были продуктом, поэтому их можно рассматривать как правильные образы чистого деспотизма; обширная по площади, которую он покрывает, и материалам, которые он сочетает, огромная масса служит только для придания возвышенности точке.

Литература, подобная греческой, защитила бы египтян от тяжелого труда строительства пирамид, ибо, будь у них поэты, подобные Гомеру, историки, подобные Фукидиду, и философы, подобные Аристотелю, их цари не осмелились бы, да и не пожелали бы связывать свою славу с каменными глыбами, не обнаруживающими ни следа гениальности ни в дизайне, ни в исполнении. Египетские цари доверили свои имена хранителям пирамид, которые уже давно предали доверие.— Греки сохранили славу своих вождей на хрупком нильском папирусе, и летопись показала себя нетленной.

Соответствие вкуса, проявляемого в формах и украшениях египетских храмов, темпераменту и институтам народа, описанным историками, заслуживает внимания; хотя, конечно, из фактов такого рода не следует делать очень положительных выводов. Искусство, каким бы ни был материал, с которым оно работает, должно сочетать в различных пропорциях два элемента эффекта — одинаковость и различие, единообразие и разнообразие, гармонию и противоположность. Произведение искусства, в котором эти принципы были бы полностью разделены или в котором был бы представлен только один из них — если бы это было возможно, — могло бы поразить зрителя, но никогда не могло бы доставить удовольствия. Сочетать их в точном соответствии с предполагаемым эффектом работы - это совершенство искусства. Если производимое впечатление склоняется в сторону величия и возвышенности, то должен преобладать принцип одинаковости или единообразия; и всякое разнообразие, допускаемое в украшениях, должно быть подавлено постоянными повторениями в одной и той же форме. Но если чувство, которое должно быть пробуждено, — это чувство удовольствия, веселости и сладострастия, то второй принцип, или принцип различия, разнородности и противоположности, должен восторжествовать над первым. Теперь следует придерживаться единообразного предпочтения одного из этих стилей в произведениях искусства, чтобы охарактеризовать преобладающий характер людей, которым они призваны понравиться.

Но сейчас египетская архитектура отличается, возможно, от архитектуры любого другого народа, подчинением закону единообразия и очевидной целью художника поразить воображение зрителя аспектом возвышенности; целью было вызвать чувство благоговения, а средствами - объемность и одинаковость.

Этот характер египетского искусства, который почти без исключения преобладает среди существующих остатков более древних сооружений, хорошо согласуется с идеей порабощения людей системой сурового религиозного и гражданского деспотизма. И еще более того, это имеет замечательное значение, если рассматривать его в связи с характером богослужения,

которому были посвящены эти храмы. В то время как мы с изумлением и благоговением смотрим на массивные контрфорсы этих сооружений, на их возвышающиеся обелиски, на их длинные ряды колонн, сформированных так, словно они выдерживают вес гор, и на колоссальные ограждения портика, мы должны помнить, что эти храмы были священными дворцами крокодилов, коров, ихневмонов, собак, кошек или обезьян. Создается впечатление, что именно с целью добиться наиболее полной деградации народного сознания национальное суеверие было создано из самых гнусных материалов, какие только можно было найти; в то время как для усиления и закрепления своего влияния благородное искусство сочетало в себе все элементы ужасающего величия. Воображение сначала было соблазнено демонстрацией возвышенности, чтобы моральное чувство могло быть, в конце концов, более действенно растоптано в пыль.

Можно было бы обратить внимание на математические орнаменты и растительные имитации египетской архитектуры, которые, помимо того, что превосходно придуманы и выполнены, находятся в совершенной гармонии с общим вкусом зданий и, таким образом, соответствуют тому, что, как мы предполагаем, было их основным замыслом. Но характер человеческих фигур, прикрепленных ко многим храмам, требует внимания.

Многие из этих фигур демонстрируют высочайшую степень совершенства - в определенных пределах; этими границами являются — строгое следование национальным очертаниям и костюму (ни то, ни другое не могло быть предпочтено художниками, видевшими народы Европы и Азии) и неукоснительное соблюдение архитектурной прямоты расположения. В очень немногих примерах художники настолько далеко преступили навязанные им правила, что доказали, что они владели позами более разнообразными, чем те, которые они обычно демонстрировали; действительно, предположение, что столько исполнительского таланта должно существовать наряду с неспособностью придать фигуре больше жизни и разнообразия, противоречит всякой аналогии. Китайцы, которые как художники значительно уступают древнеегипетским скульпторам, обычно намного превосходят их по размаху действия и положению, которое они придают своим человеческим фигурам. Даже если бы столь жесткий вкус принадлежал к первой стадии развития искусства, он должен был — если не было иных ограничений - со временем улучшиться. Художники второй эпохи, без сомнения, стремились бы к репутации, выходя за рамки, в которых были ограничены их предшественники.

Тогда вряд ли возможно найти причину того застывшего единообразия, которое демонстрируют египетские скульптуры, если только мы не предположим, что искусство, как и все остальное, было рабом вездесущего деспотизма. Человеческие формы, поддерживающие портики или крыши, стоят и выглядят так, как если бы они знали, что находятся в присутствии Превосходящей Силы, Свободы положения, или позиции силы, или ловкости, или даже невнимательного покоя, или любого признака индивидуальной воли, которые противоречили бы идее всеобщего подчинения. Повелитель Египта не должен смотреть ни на какие формы, которые не говорят о подчинении.

И все же в большинстве этих скульптур присутствует атмосфера безмятежности (хотя и не такой, какая проистекает из сознания личного достоинства), склоняющаяся к веселости: взгляд действительно совершенно раболепный; но он не сдержанный и, кажется, выражает полное согласие с тем непреложным порядком вещей, который передал права всех одному.

То, что подобное состояние социальной системы действительно существовало во времена возведения египетских храмов, нельзя утверждать положительно только на основании

вышеупомянутых оснований; но если среди необоснованных похвал, которыми древние историки награждали египетские учреждения, можно ясно проследить признаки беспрецедентного подчинения установленным образцам действий в социальной, религиозной и политической системах народа, существующие памятники их архитектуры и скульптуры следует признать хорошо соответствующими этим признакам. И все же, если это соответствие покажется вам причудливым, давайте попытаемся связать наши представления о греческом народе и его институтах с египетской архитектурой и скульптурой.— Было бы невозможно объединить столь несочетаемые идеи.

Греческая архитектура, хотя ее элементы, очевидно, были заимствованы из египетской, отличается от нее почти во всем. Люди, которым принадлежали эти сравнительно миниатюрные и все же безупречные сооружения, явно не были хозяевами безграничного национального богатства; но их интеллект настолько превышал их ресурсы, что они сразу достигли высшей точки искусства, которая заключается в придании своим материалам новой ценности — ценности настолько великой, что забывается сама стоимость работы. Рассматривая египетские храмы, мы удивляемся богатству, которого могло хватить на их строительство; рассматривая храмы Греции, мы только восхищаемся гением архитектора, который их придумал, и вкусом людей, которые ими восхищались.

Равнины Греции не обременены огромными памятниками, единственное назначение которых — сокрушить общие чувства нации весом тщеславия одного человека; но ее поверхность была густо усеяна храмами, которые были достоянием всех, — храмами, свободными от мрака и незапятнанными жестокими обрядами.

Нельзя выбрать более яркую точку контраста, чем та, которая представлена сравнением человеческих фигур (вышеупомянутых), прикрепленных к египетским храмам, с теми, что украшают греческую архитектуру. Греческие кариатиды принимают позу настолько свободную, непринужденную и разнообразную, насколько это возможно при выполнении обременительной обязанности поддерживать фронтоны: они склоняют головы перед массой каменной кладки над ними — не с пассивностью рабов, а как бы с готовностью свободных людей. Египетские фигуры стоят как олицетворения неизменности; но что касается греческих кариатид, то можно подумать, что они только что отделились от веселящейся толпы и сами были довольными зрителями проходящего перед ними праздника.

Римская архитектура, по сравнению с архитектурой Индии или Китая, лишь постольку менее варварская, поскольку в ней больше греческого. В искусстве римляне были подражателями, и вряд ли ими когда-либо можно было восхищаться, когда они отклонялись от своего образца. Те сооружения, в которых они могли бы лучше всего претендовать на оригинальность, а именно — их обширные амфитеатры, являются скорее памятниками богатства, роскоши и врожденной свирепости характера, чем вкуса или интеллекта.

Сооружениями, которые придают наибольший блеск имени Рима, являются общественные сооружения — дороги, мосты и акведуки, которые почти в каждой стране Европы отмечают присутствие их легионов; и они свидетельствуют о той силе характера, о том непобедимом упорстве, о том отношении к полезности и особенно о том неуклонном стремлении к всемирной империи, которое, как утверждает история, характеризовало римский народ и правительство.

Изучающий историю, хотя у него может и не быть доступа в музеи и хотя дорогостоящие антикварные издания никогда не должны попадать в его распоряжение, может найти, даже в своем уединении, некоторые видимые и осязаемые доказательства подлинности римских историков; на протяжении нескольких миль во многих районах Британских островов вы найдете иллюстрации к повествованиям Цезаря, Тацита и Светония. Хотя оккупация Британии римлянами длилась короче, чем оккупация почти любой другой страны, входящей в состав империи, и хотя их владение островом всегда было частичным и беспокойным, они все же чувствовали себя с нашими предками как дома настолько, что наша земля изобилует реликвиями их трехсотлетнего пребывания. Римские лагеря, дороги, стены и бани; мозаики, вазы, оружие, утварь и монеты в Англии почти в таком же изобилии, как и в Италии; и их вполне достаточно, чтобы подтвердить гордую славу, которую приписывают римскому оружию их историки.

Если бы тогда было место для сомнений в подлинности всего свода древней истории, взятого в целом; или если бы доверие к отдельному автору было поставлено под сомнение; или если бы какой-то конкретный факт стал предметом споров, это далеко не тот случай, когда нам остается полагаться только на обоснованность общих аргументов в доказательство очевидной компетентности, правдивости и беспристрастности древних историков; напротив, мы можем почти во всех случаях апеллировать к неоспоримым фактам, поддерживая утвердительную сторону таких вопросов. Например, мы можем сравнить свидетельства самих историков — друг с другом; или с свидетельствами современных авторов в других областях литературы, чьи упоминания об общественных событиях или личностях носят случайный характер; или мы можем сравнить описания, данные историками природных объектов или национальных особенностей, с теми же объектами или особенностями, которые все еще существуют; или, чтобы воспользоваться методом, еще более точным и осязаемо достоверным, мы можем прочитать на поверхности мрамора, или меди, или золота, или серебра, или драгоценных камней, давно зарытых в землю, четкие записи самих событий. , или мемориалы тех самых лиц, упомянутых историками. Или мы можем исследовать остатки общественных сооружений и построек, описанные историками, и обнаружить, что они соответствуют их описаниям власти, вкусов и привычек людей, которые их вырастили.

Несмотря на все эти средства доказательства, какими бы разнообразными они ни были, все же могут остаться некоторые моменты истории, которые не засвидетельствованы удовлетворительным образом или которые вызывают обоснованные подозрения; однако что касается огромной массы фактов, то они окажутся настолько полностью установленными, что сделают скептицизм по отношению к ним совершенно абсурдным.

Но теперь доказательство, устанавливающее общую подлинность древних историков и демонстрирующее, что их труды в основном являются тем, за что они себя выдают, то есть подлинными повествованиями о событиях, составленными и опубликованными в эпоху, к которой их обычно относят, косвенно несет в себе доказательство подлинности других остатков древней литературы. Если, например, у нас под рукой есть осязаемые доказательства того, что труды Тацита подлинные, мы больше не можем отрицать, что плот, на котором древние книги плыли вниз по течению на протяжении стольких веков, был в значительной степени безопасным; и мы можем с уверенностью заключить, что какой бы туман ни казался нависшим над некоторыми участками канала передачи, судно и его груз действительно прошли, неповрежденные, сквозь мрак веков.

Хотя этот вывод может быть применим к остаткам древней литературы скорее в целом, чем в деталях, он, тем не менее, обладает убедительной силой, когда применяется к расплывчатым и огульным нападкам на подлинность и целостность древних писаний, как если бы они не поддавались какому-либо определенному доказательству. Те, кто заявляет, что питает сомнения такого рода, обычно не относятся с осторожностью к изучению какого-либо одного примера и не пытаются терпеливо опровергать отдельные доказательства; скорее, они выдвигают общие утверждения, стремясь разрушить всякое доверие к процессу и средству, с помощью которых записи древности были переданы в наше время. Теперь на такие туманные намеки дается полный и достаточный ответ, когда мы приводим наглядные доказательства подлинности исторических трудов, которые не могли бы содержать последовательной и обстоятельной правды, если бы они действительно не были написаны в ту эпоху, к которой их относят. Если, таким образом, *некоторые* книги сохранились целиком на протяжении восемнадцати или двадцати веков, то это могли сделать и другие; и если это так, то против древних книг не может быть никаких возражений, *априори*; и никакие подозрения не могут лежать на конкретных работах — за исключением тех, которые могут быть оправданы конкретными доказательствами фальсификации.

ГЛАВА XIII. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ, ПРИМЕНИМЫЕ К ВОПРОСАМ ПОДЛИННОСТИ ДРЕВНИХ ЗАПИСЕЙ.

Содержание

Цивилизация обычно не возникала спонтанно ни в одной стране, если вообще когда-либо возникала. Зародыш искусства и литературы, передаваемый от народа к народу и из века в век, пустил корни и стал плодовитым в степени, обычно пропорциональной количеству и разнообразию тех элементов социального и интеллектуального совершенствования, которые могли быть получены из отдаленных источников.

Эти зародыши цивилизации могли быть перенесены и рассеяны в результате колонизации, торговли или завоевания; но они никогда не распространяются так полно, как тогда, когда их лелеет импортированная литература. Ни отдельные люди, ни целые нации не становятся мудрыми, сравнивая себя с самими собой; и хотя есть плоды гениальности, которые, по-видимому, ничем не обязаны внешним источникам, общего совершенствования разума и вкуса можно достичь только путем расширения знаний о том, что думали и совершали люди других наций и других времен.

Среди всех неопределимых преимуществ, которые возвысили жителей Англии, Франции и Германии над жителями Турции или Китая, можно назвать очень немногие, которые не происходили — прямо или косвенно — из знания цивилизации, искусства и литературы древних народов. Что осталось бы народам Европы, если бы все эти знания и все их отдаленные последствия можно было бы сразу же вычеркнуть из их религиозного, политического и интеллектуального состояния? Но следует помнить, что главным образом благодаря *передаче книг* из века в век этими дрожжами цивилизации сейчас обладают и пользуются ими. Если те

произведения, которые мы считаем подлинными, на самом деле таковыми не являются, то можно сказать, что мы пользуемся всеми благами социального и интеллектуального развития под фальшивым названием. Ибо при таком предположении первый запас, или зародыш наших преимуществ, возник из массы измышлений. Никто не придерживается такого предположения; и все же, если допустить какие-либо *общие* возражения, следует признать, что они принижают способ передачи древней литературы в наше время.

Если мы, кроме почти забыли предприятия иезуит, Harduin, нет таких общих возражений, когда-либо формально или намекал, в отношении остается классической литературы, и это по двум причинам; Во—первых, потому что попытка поддержать скептическое учение такого рода будут трактоваться, *извлеченные* с презрением, а исходя из причудливых любовь парадокс, или из глупой амбиции, чтобы привлечь внимание; а во-вторых, потому что *незнающие* не могли быть вызваны, чтобы принять такой большой интерес в споре подобного рода, а могут принести страдания тех, кто пытается обманывать их.

Но по отношению к Священному Писанию дело обстоит иначе; ибо, в то время как некоторые ученые из зловещих побуждений готовы содействовать попытке поставить под сомнение авторитет этих книг, в обществе всегда находятся тысячи людей, которых легко привлечь к выслушиванию возражающих, и которые из-за недостатка информации и неспособности правильно рассуждать легко становятся жертвами любой правдоподобной софистики.

Не только необразованные классы подвержены уловкам софистов; люди, чьи познания в общей литературе респектабельны, иногда, кажется, оказываются сбитыми с толку возражениями такого рода, которые, если бы они были направлены против останков классических авторов, они сочли бы недостойными какого-либо серьезного отношения.

Эта странная и часто фатальная непоследовательность иногда может возникать под влиянием моральных причин, рассмотрение которых не входит в задачи данной книги; но часто это объясняется недостатком внимания к некоторым общим принципам доказывания, которые, хотя они настолько очевидны, что может показаться почти легкомысленным настаивать на них, никогда не соблюдаются возражающими и редко вспоминаются жертвами софистики. Наиболее важные из этих принципов могут быть объединены в пять следующих разделов.

I. Факты, далекие от наших личных наблюдений, могут быть с такой же уверенностью подтверждены доказательствами, которые *в своем роде* допускают ошибки, как и те, которые не допускают возможности ошибки.

Под *несомненным* доказательством здесь подразумевается не просто такое, которое может быть представлено чувствам, или такое, которое не может быть затуманено, даже на мгновение, упрямым спорщиком; — но такое, которое, будучи однажды понято, *не оставляет места для сомнений в здравом уме*. И эта степень уверенности достигается каждый день, в обычных жизненных ситуациях, посредством доказательств, которые по своей природе подвержены ошибкам и которые могут быть сомнительными во всех своих частях, рассматриваемых *по отдельности*. Давайте возьмем такой пример, как этот.—Человек получает письма от нескольких своих друзей из соседнего города, сообщаящие ему, что прошлой ночью в этом месте произошел сильный пожар, вследствие которого многие жители были изгнаны из своих домов. —вскоре после этого толпа страдальцев, неся с собой немногочисленные остатки своей мебели, проходит мимо его дверей. —среди них появляются его друзья и просят приюта для

своих семей. —на следующий день газеты содержат полное описание бедствия. Есть ли у этого человека какие-либо сомнения относительно предполагаемого факта? Он не может этого сделать; и все же он признает, что человеческие свидетельства ошибочны: —он знает, что люди лгут гораздо чаще, чем о том, что города сжигаются дотла; — возможно, среди всех тех, кто сообщил об этом факте, нет ни одного, правдивость которого следовало бы считать абсолютно безупречной;—некоторые из них не заслуживают доверия; —а что касается общедоступных печатных изданий, они каждый день допускают рассказы, которые совершенно необоснованны.

Скептицизм такого рода в подобном случае, если это возможно, мог возникнуть только из-за определенной степени умственной извращенности, мало чем отличающейся от безумия. Другими словами, этот объем доказательств таков, что не оставляет абсолютно места для сомнений в здравом уме; тем не менее материал, из которого они составлены, — если можно так выразиться — сам по себе подвержен ошибкам, а что касается всех его частей, то, если *рассматривать их* по отдельности, они могут быть отвергнуты.

Или мы можем привести один-два примера другого рода. Долгое время мореплаватели утверждали, и на их основании составители географических трудов и составители карт считали несомненным, что в середине Тихого океана есть несколько групп обитаемых островов. И народ Англии, как правило, считает эти утверждения столь же достоверными, как и то, что дважды два равно четырем. И все же кто не знает, что путешественники слишком любят приносить домой сказки, придуманные, чтобы скрасить усталость от долгого путешествия, и опубликованные, чтобы вызвать восхищение простонародья или заработать пенни? Теперь можно вообразить, что какой—то вопрос государственной важности — какой—то аргумент в пользу отмены налогов — зависит от доказательства того, что таких островов не существует; и тогда пусть будет предположено, что некоторым заинтересованным участникам спора позволено завоевывать внимание простых людей и держать это при себе: в таком случае доказательство этого факта, каким бы несомненным оно ни было, может легко показаться очень сомнительным или вообще недостойным веры - одним словом, уловкой правительства, придуманной для выжимания денег из народа!

Или еще: Историки утверждают, что около двухсот лет назад парламент Англии поссорился со своим королем— развязал против него войну, победил его, обезглавил и установил республиканскую форму правления вместо монархии. Но в доказательство столь невероятных фактов, как эти, у нас нет лучшего доказательства, чем показания предвзятых политических авторов: вся история основана на старых книгах или рукописях; и нет ни одного из авторов, которые повторили повествование, которого нельзя было бы уличить в некотором искажении; и некоторые из них явно обвиняются во многих прямых и умышленных неправдах. Несмотря на этот ряд возражений, все же основные события гражданской войны, по мнению всех здравомыслящих людей, установлены с такой же уверенностью, как любое математическое предположение. То же самое можно сказать о бесчисленных фактах — гораздо более отдаленных или, по-видимому, неясных, чем упомянутые выше; и все же они настолько доказаны, что их нельзя подвергнуть сомнению, не совершив насилия над здравым смыслом.

Разница между доказательством, полученным с помощью математической демонстрации, и доказательством, получаемым в результате накопления устных или письменных свидетельств, заключается не в том, что последнее всегда должно *ипо своей природе* должно быть менее

достоверным, чем первое; но в том, что достоверность первого может быть *продемонстрирована* легче и с помощью более простого и компактного процесса, чем у второго. Если бы было опровергнуто, что три угла каждого треугольника равны двум прямым углам, фактическое измерение линий или наложение двух карточек одна на другую положили бы конец спору в одно мгновение; или даже если бы проблема была более сложной, относящейся к высшим разделам математической науки, и, следовательно, если бы она была такой, что не могла быть разъяснена необразованному человеку никакими средствами или кому-либо другому с помощью очень краткого процесса, все же тот, кто решит уделить достаточно времени и способен уделить достаточно внимания демонстрации, не преминет, в конце концов, ответить на этот вопрос. быть убежденным в его истинности, ибо все части, из которых он состоит, несомненны, и их связь друг с другом также несомненна. Но уверенность, получаемая из массы свидетельств, устных или письменных, проистекает не из прочности отдельных частей или прочности связующего их цемента, а из непреодолимого давления этой разнообразной массы. Сила математической демонстрации подобна силе пирса; сила накопленных свидетельств подобна силе вздымающегося океана, когда его приливы обрушиваются на берег.

II. Факты, далекие от нашего личного знания, не обязательно являются более или менее достоверными пропорционально продолжительности времени, прошедшего с тех пор, как они имели место.

Иллюзия воображения, возникающая, естественно, из нечеткости наших индивидуальных воспоминаний о младенчестве и из полного стирания многих записей памяти, невольно приводит нас к тому, что мы привязываем идею темноты и неопределенности ко всему, что отдалено во времени. И кроме того, если знание отдаленных фактов было передано несовершенно или подозрительно, и если отсутствуют прямые свидетельства о каком-либо моменте древней истории, то расстояние во времени действительно снижает шансы собрать какие-либо *новые* свидетельства; и поэтому такие факты всегда должны быть окутаны неопределенностью.

Но все, что было хорошо и достаточно доказано в одну эпоху, остается не менее определенно доказанным и в следующую, пока все свидетельства остаются в том же состоянии. Действительно, как мы уже отмечали ранее, исторические свидетельства часто значительно становятся яснее и определеннее с течением времени. Если во времена Льва X было несомненно, что Август правил римским миром за тысячу шестьсот лет до этого периода, нам нет необходимости что-либо вычитать из нашей убежденности в истинности этого факта, учитывая четыре столетия, которые с тех пор прошли. Напротив, доказательств этого стало гораздо больше, как по своему количеству, так и по своей ясности, сейчас, чем было тогда.

Доказательство подлинности книг, даже если оно не должно собирать крупниц доказательств, все же остается из века в век неизменным. Также не является более удовлетворительным доказательство подлинности современных произведений, хотя оно может быть и более обильным, чем доказательство подлинности древних книг. Нас невозможно убедить в том, что "Потерянный рай" был написан в прошлом веке каким-то безвестным писакой; и было бы ничуть не менее абсурдно предполагать, что "Энеида" была сочинена в десятом веке, а "Илиада" - в любое время после вторжения Ксеркса в Грецию.

Степень достоверности, которая достижима в отношении любого пункта древней истории или литературы, регулируется — не расстоянием во времени, а состоянием мира в рассматриваемый период; особенно сокращением или распространением общих знаний в то время. Таким образом, эта уверенность повышается и понижается — она становится яркой или затемненной попеременно, из века в век, и делает это совершенно независимо от расстояния в годы. Когда мы плывем вверх по течению времени, туманы и тьма окутывают пейзаж на сравнительно ранней стадии нашего продвижения; но по мере того, как мы поднимаемся, свет озаряет пейзаж во всем великолепии полуденного солнца; едва ли какой-либо объект остается во мраке, и все, что наиболее заметно и важно, можно разглядеть в мельчайших деталях.

III. На достоверность доказательств, подтверждающих отдаленные факты, ни в лучшую, ни в худшую сторону не влияет тяжесть последствий, которые могут оказаться зависящими от них.

Ни один принцип не может быть более очевидным, чем этот; и если читатель решит назвать это трюизмом, пусть так и делает: и все же ни один из них не игнорируется чаще. С той же непоследовательностью, которая побуждает нас оценивать наказание за правонарушение — не по его порочности, а по размеру ущерба, который оно могло причинить, мы инстинктивно склонны считать, что самое слабое свидетельство *достаточно* убедительно для доказательства того, что не имеет значения; в то время как мы не доверяем лучшим доказательствам, как если бы они были слабыми, в любом случае, когда рассматриваемый факт затрагивает большие и неотложные интересы. Мы склонны думать о доказательствах так, как если бы это был шнур или проволока, которые, хотя и могут выдерживать определенный вес, должны лопаться при большем усилии. И все же малейшее размышление рассеет предубеждение, которое так беспочвенно и абсурдно.

Совершенно верно, что степень осторожности, прилежания и внимания, с которыми мы изучаем доказательства, вполне может быть пропорциональна важности последствий, связанных с принятым решением. Присяжный действительно должен уделять самое пристальное внимание показаниям, которые могут приговорить заключенного к месячному тюремному заключению; но если он будет открыт общим чувствам человечества, он проявит десятикратную осторожность, когда вопрос о жизни или смерти будет решаться в его вердикте. Это очень правильно; но никто из тех, кто способен рассуждать справедливо, не подумает, что, если доказательство вины в первом случае было тщательно изучено и является вполне убедительным, оно может стать ни на йоту менее убедительным, если будет обнаружено, что какое-то новое толкование закона влечет за собой уголовную ответственность.

Подлинность сатир и посланий Горация всеми учеными признается неоспоримой; и любой, кто исследовал доказательства в данном случае, должен назвать того простым софистом, который попытается вызвать полемику по этому вопросу. Было бы ли дело иначе, чем оно есть, даже если доказательство подлинности этих текстов должно было бы опровергнуть британскую конституцию; или каждый человек должен был бы вменить в обязанность передать свою собственность своему слуге?

К свидетельствам подлинности еврейских и христианских Священных Писаний ни по какой иной причине, кроме мысли о последствиях, связанных с признанием их истинности, относились с неоправданным пренебрежением логической справедливостью — и даже требованиями здравого смысла. Поэмы Анакреонта, трагедии Софокла, пьесы Теренция, послания Плиния признаны защищенными от обвинения в лживости или материальной

испорченности; и все же свидетельства, в десять раз превосходящие их по количеству, разнообразию и силе, подтверждают подлинность поэм Исайи и посланий Павла.

Этому нарушению принципа справедливости аргументации по отношению к Священным Писаниям способствовало то простое обстоятельство, что их приходилось так постоянно защищать. Не имеет большого значения, насколько нагло ложным может быть обвинение; ответ, хотя и является в самом абсолютном смысле окончательным, способен породить почти столько же подозрений, сколько и рассеять. В этом сила писаний неверующих; они призывают к защите того, на что нападают, и эта защита, по-видимому, подразумевает, что есть вопрос, который можно справедливо оспорить, и что он в некоторой степени сомнителен. Пусть подлинность самого несомненного из классических произведений будет смело поставлена под сомнение в популярном стиле и пусть его будут защищать в форме, равной способу нападения, а также в форме невежества среднего и низшего звена, и результат породит столько же случаев сомнения, сколько и убеждения.

Какой курс следует избрать или какую альтернативу следует принять, если возникнет случай, когда доказательства, по своей сути убедительные, кажутся подтверждающими рассказ, который явно невероятен и противоречит здравому смыслу, - это вопрос, который вполне может остаться нерешенным до тех пор, пока такой случай действительно не представится. Никакое такое несоответствие не мешает нам принимать еврейские и христианские Писания; ибо чудеса, о которых они сообщают, совершенные с такими мудрыми и милосердными целями, согласуются со всеми представлениями, которые мы можем заранее сформировать о божественном характере и правлении.

IV. Подсчет фактических примеров, взятых практически из любого класса фактов, докажет, что масса свидетельств, подтверждающих убеждения здравомыслящих людей, несравненно чаще истинна, чем ложна.

О доказательствах можно говорить как о *достоверных*, если они таковы, что после обычной проверки не вызывают подозрений. Как бы много ни было фальсификации и ошибок в мире, все же преобладание истины настолько велико, что любой, кто верит без разбора, будет прав в тысячу раз чаще, чем любой, кто сомневается без разбора. Привычный скептицизм делает человека жертвой почти постоянных ошибок. Действительно, либо верить по привычке, либо сомневаться по привычке следует рассматривать как симптом слабого или больного ума. И все же первое гораздо более соответствует реальному состоянию человечества и обычному ходу человеческих дел, более безопасно и разумно, чем второе.

Ни один человек, если только его разум не находится на грани безумия, в повседневной жизни не руководствуется принципами скептицизма; ибо с таким правилом действий в голове он должен удалиться от человеческого общества и поселиться в пещере. Скептик не только аномальное существо среди своих братьев, но и сам его скептицизм является аномалией в его собственном обычном поведении; это безумие по отдельным пунктам, которое из всех возможных наименее поддается излечению.

Приверженность истине является элементом человеческой природы, так же как и любовь к родным: и хотя действие обоих принципов может быть нарушено, такие отклонения от естественных импульсов всегда должны рассматриваться как возникающие под влиянием какого-то конкретного стимула. Преднамеренные, сложные и опасные фальсификации,

вызванные не поддающимися определению мотивами интереса или амбиций, если таковые действительно когда-либо предпринимались, не обязательно включать в расчет вероятностей. Следовательно, если, слушая якобы изложение фактов, у нас есть основания чувствовать себя защищенными от обычных мотивов преднамеренной лжи; и если, напротив, правдивость рассказчика гарантируется обстоятельствами, в которые он помещен; если, более того, его показания подтверждаются определенными независимыми доказательствами; и если они не опровергаются свидетельствами равной ценности; и если все дело снова и снова скрупулезно изучалось людьми самого разного склада ума — тогда, и в таком случае, если действительно существует остаточная возможность заблуждения, это невозможно. настолько неисчислимо мал, что отдавать ему *предпочтение* перед позитивными доказательствами следует считать увлечением, возникающим из-за глупости или извращенности.

Давайте тогда применим вышеупомянутое правило к существующим остаткам древней литературы. Среди произведений, которые были обнаружены и напечатаны в пятнадцатом и шестнадцатом веках, было немало — хотя и незначительных по сравнению с целым, — которые очень скоро были признаны поддельными произведениями — имитациями стиля древних авторов. Хотя на первый взгляд казалось, что они претендуют на подлинность, вскоре обнаружилось, что они лишены тех внешних свидетельств, которые можно почерпнуть из цитат последующих авторов; или попытка имитации стиля потерпела явную неудачу; или были допущены оплошности во фразах или намеках, которые полностью разоблачили обман. Следовательно, все эти случаи исключены из намерения нашего предложения, поскольку они не обладают доказательствами подлинности, о которых можно было бы говорить как о *кажущихся хорошими*.

Помимо работ, явно поддельных, было несколько, претензия на подлинность которых была достаточно веской, чтобы оправдать споры, и которые все же нашли несколько сторонников среди ученых; хотя большинство критиков вынесло им вердикт. Теперь эти сомнительные работы, поскольку их подлинность не является общепризнанной, также могут быть исключены из нашего предложения; поскольку свидетельства в их пользу едва ли можно назвать — по-видимому, хорошими.

Теперь, после того как были сделаны исключения такого рода, никто, знакомый с доказательствами, подтверждающими подлинность неоспоримой части древней литературы, и кто обращал внимание на споры, которые велись относительно сомнительных произведений, и кто осведомлен об усердии, остроте, образованности, настойчивой настойчивости исследований, которые проводились по таким вопросам, не подтвердит, что существуют древние произведения, которые ученые обычно считают подлинными, которые на самом деле являются поддельными. Каждый, кто компетентен составить мнение по этому вопросу, признает, что даже если есть шанс, что несколько классических авторов, подлинность которых никогда не подвергалась сомнению, в конце концов, являются фальшивыми, такой шанс неизмеримо мал — настолько мал, что не оставляет ничего, кроме парадоксов и абсурдов, в руках тех, кто на таком основании пытается привлечь их к ответственности.

V. Сила доказательства не пропорциональна его простоте или легкости, с которой оно может быть воспринято всеми лицами; напротив, наиболее убедительным видом доказательства часто является то, которое является наиболее запутанным.

В математических науках существует множество утверждений, настолько простых и так легко демонстрируемых, что можно предположить, что все, кому они объясняются, имеют столь же ясное представление об их истинности; но высшие разделы этих наук изобилуют теоремами, которые, хотя и ни в какой степени не менее достоверны, чем простейшие аксиомы, доказываются как истинные посредством процесса, для разработки которого могут потребоваться часы или даже дни. Среди тех, кто действительно следит за всеми частями такого процесса, будут большие различия в виде и степени полученной убежденности в истинности таких утверждений. Некоторые, хотя и могут твердо верить в совершенство демонстрации, в том числе потому, что они исследовали — одно за другим — звенья, из которых она состоит, а также потому, что они знают, что с ней согласны более компетентные, чем они сами, вычислители, все же неспособны, либо из-за отсутствия привычки, либо из-за способностей, *понять* метод доказательства; или отчетливо воспринимать связь частей и реальное *единство* целого. Они шли в темноте по земле, нащупывая свой путь со ступеньки на ступеньку; они удовлетворены тем, что пришли правильным путем в определенную точку, хотя и не могут рассмотреть маршрут.

Но другой вычислитель, долго упражнявшийся в утонченных способах абстрактного рассуждения, эксперт по уверенному преодолению интервалов, которые другие должны медленно преодолевать, и способный, благодаря силе и проницательности своего ума, удерживать в уме множество частных, видит достоверность таких оперозных демонстраций с такой же легкостью, с какой другой человек понимает элементарное предложение. И все же вывод, который, возможно, не пятьдесят человек в Европе могут с полным пониманием признать истинным, на самом деле так же истинен, как аксиома, которую школьник постигает с первого взгляда.

Итак, все свидетельства по вопросам древности, будь то исторические или литературные факты, до сих пор напоминают наглядную демонстрацию в математической науке того, что они далеки от интеллектуальных привычек и чужды обычным приобретениям даже хорошо образованных людей: следовательно, они должны быть очень далеки от ментального диапазона необразованных классов. Сила наших убеждений относительно фактов, удаленных во времени или месте, должна быть пропорциональна объему и точности наших знаний и вытекающей из этого полноте и живости наших представлений о том классе объектов, к которому относится данный вопрос. Благодаря долгому и близкому знакомству с древними авторами и обширному знакомству с реликвиями древности всех видов воображение ученого переносит его в далекие века с полным и отчетливым осознанием реальности этих сцен и личностей. Этот идеал общения с отдаленными объектами также не похож на тот, который создается вымышленными повествованиями; ибо такие экскурсии воображения по нереальным областям не связаны с остальными нашими идеями и убеждениями: напротив, идеальное присутствие совершенного ума на сценах древней истории прочно и бесчисленными узами связано со знанием нынешних реалий. Воображение не перелетает на крыльях фантазии из реального мира в нереальный; но оно твердым шагом прокладывает свой путь по твердой почве из настоящего во времена прошлые; и разумная убежденность в истине достигает самой дальней точки своего продвижения.

Для тех, кто таким образом знаком с историей, все факты или события — литературные или исторические — если они были удовлетворительно подтверждены, удерживаются в сознании с твердостью убеждения, которая не может быть передана никакими утверждениями или

рассуждениями, какими бы убедительными или наглядными они ни были, другим умам; потому что ни их собственная способность к пониманию, ни разнообразие знаний не могут быть так переданы.

ГЛАВА XIV.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ СИЛА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИХ ПОДЛИННОСТЬ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ.

Содержание

Некоторые копии "Институтов ораторского искусства" Квинтилиана, сильно испорченные невежеством или самонадеянностью переписчиков, были известны в Италии до пятнадцатого века. Но в 1414 году, когда заседал Констанцкий собор, сторонники просвещения поручили Поджио, ученому итальянцу, отправиться в это место в поисках древних рукописей, которые, как считалось, сохранились в монастырях города и его окрестностей. Его исследования были вознаграждены, обнаружив в монастыре Святого Галла под грудой давно заброшенного хлама точную копию этих Учреждений.

Обнаруженная таким образом рукопись вскоре была подвергнута экспертизе критиков; ее сопоставили с существующими копиями, сравнили со ссылками на древних авторов и, таким образом, установили, что она подлинная и, в основном, неповрежденная. И все же суть доказательств, на которых основывается это решение, могла бы быть изложена на странице.

"Сокращенная история Рима" Патеркула дошла до наших дней только в единственной рукописи, да и та настолько сильно испорчена, что критики отчаялись восстановить текст в его чистоте. Случается также, что эта история цитируется только одним древним автором — Присцианом, грамматиком VI века. Тем не менее, несмотря на скудость свидетельств и искажение единственной существующей копии, ученые полностью признают подлинность работы. Стил, аллюзии, совпадения таковы, что удовлетворяют тех, кто компетентен оценивать ценность такого рода доказательств. Но теперь, если бы это доказательство было официально представлено нам, и даже если бы оно было настолько расширено, насколько это было возможно, оно выглядело бы чрезвычайно скудным; и неосведомленным читателям оно показалось бы тонким, как ниточка, и недостаточным для того, чтобы выдержать какое-либо весомое следствие. Но ученые, читая эту книгу, испытывают ту убежденность в ее подлинности, которую испытывает путешественник, всю свою жизнь переходивший из страны в страну, беседуя с людьми всех наций: когда этот путешествующий человек встречает иностранцев на улицах Лондона, ему не нужно смотреть в паспорта, прежде чем он сможет узнать, являются ли эти незнакомцы, которых по отдельности он никогда прежде не видел, шведами, или венграми, или армянами, или индусами, или вест-индусами; самый обычный наблюдатель в таких случаях почти не колеблется; но старый путешественник испытывает убежденность, которая насмехается над по требованию формальных доказательств.

После того, как мы исключили несколько сомнительных случаев, подлинность классических авторов воспринимается учеными с живостью и отчетливостью, которые не зависят от количества приемлемых доказательств, которые должны быть приведены в ответ на

возражения. На этом основании можно утверждать, что, если бы сохранилась только одна рукопись, содержащая определенные Послания Святого Павла, и даже если бы не было найдено цитат из этих писаний, компетентные ученые (в вопросе не подразумевается никаких практических последствий) усомнились бы в том, что эти писания на самом деле являются тем, за что они себя выдают. Тех мельчайших и неопишуемых признаков подлинности, которые встречаются опытному глазу в каждой строке этих Посланий, было бы достаточно, если не считать того аргумента, который был выведен из внутреннего соответствия истории и писем, как показано Пейли в "Горе Паулине".

Но хотя от внешнего доказательства подлинности древних книг в значительной части случаев можно было бы отказаться как от излишнего, им не следует пренебрегать; тем более что это тот вид доказательств, который лучше всего можно сделать понятным для широкого круга читателей. Однако даже это, когда приводится в деталях, часто не оценивается должным образом; и вряд ли это произведет должное впечатление, если не рассматривать его на своем месте среди фактов того же класса. Поэтому мы предлагаем, не утруждая читателя деталями, которые в целом можно найти во многих хорошо известных произведениях и которые, как можно предположить, он помнит - или находятся в пределах его досягаемости, — направить его к нескольким основным моментам сравнения, которое может быть проведено между классическими и священными писаниями, в отношении доказательства подлинности каждого вида.

Таким образом, еврейские и христианские Священные Писания могут быть сопоставлены с работами греческих и римских авторов в следующих деталях:—

1. Количество рукописей, дошедших до нас в средние века способами, описанными в предыдущих главах.

Критикам известно около пятнадцати рукописей истории Геродота, и из них некоторые датируются не более серединой пятнадцатого века. Один экземпляр в библиотеке французского короля (в этой коллекции их пять или шесть), по-видимому, относится к двенадцатому веку; один находится в Ватикане, другой - во флорентийской библиотеке, относящейся к десятому веку; один - в библиотеке колледжа Эммануэля в Кембридже, бывшей собственности архиепископа Санкрофта, которая считается очень древней; библиотеки Оксфорда и Вены также содержат рукописи этого автора. Это количество копий может быть принято за большее, чем среднее количество *древних* рукописей классических авторов; ибо, хотя у некоторых их гораздо больше, у многих их меньше.

Было бы трудно назвать какое-либо число существующих *древних* рукописей, будь то еврейские или греческие Священные Писания. Может быть, достаточно сказать, что при возрождении учености копии Священных Писаний, полностью или частично, были найдены везде, где сохранились какие-либо книги. При изучении каталогов монастырских библиотек, какими они были в пятнадцатом веке, обычно обнаруживается, что большую часть составляют труды отцов церкви или церковных писателей средневековья; следующими по количеству являются Священные Писания — иногда целиком; чаще Евангелия, Деяния, Послания или Псалмы по отдельности; и последними и наименьшими являются классические произведения, которых редко бывает больше трех или четырех и которые можно найти в списке из ста или двухсот томов. Число *древних* рукописей греческого Нового Завета или его частей, которые к настоящему времени были изучены редакторами, составляет почти пятьсот.

Если в случае с классическим автором двадцать рукописей или даже пять считаются вполне достаточными (а иногда, как мы видели, полагаются на одну), очевидно, что многие сотни являются избыточными для целей аргументации. Важность такого большого количества копий заключается в широте возможностей, которые таким образом предоставляются для восстановления текста в его первоизданной чистоте; поскольку различные чтения, собранные из стольких источников, если они не всегда ставят истинное прочтение под сомнение, обеспечивают абсолютную защиту от обширных искажений.

2. Высокая древность некоторых существующих рукописей.

Вергилий (уже упомянутый) в Ватикане утверждает, что его древность достигает четвертого века: есть несколько похожих примеров; но в целом существующие копии классических произведений относятся к периодам между десятым и пятнадцатым веками. В этом отношении Священные Писания ни в коей мере не уступают классическим. Существуют дошедшие до нас копии Пятикнижия, которые, как предполагается, были написаны во втором или третьем столетии; и есть копии Евангелий, относящихся к третьему или четвертому, и несколько копий всего Нового Завета, которые, несомненно, были сделаны до восьмого. Но фактический возраст существующих рукописей вызывает скорее любопытство, чем важность, поскольку доказательства другого рода позволяют нам с уверенностью выйти за рамки датировки любых существующих пергаментов.

3. Площадь поверхности, по которой были рассеяны копии на раннем этапе.

Произведения самых знаменитых греческих авторов всегда находили место в библиотеках богатых людей во всех частях Греции и во многих колониях вскоре после их первой публикации; а столетием или двумя позже их читали везде, где говорили на этом языке. Но сужение этой сферы распространения произошло в то время, когда восточная империя теснилась к своему центру; и в течение длительного периода эти произведения можно было найти только в странах и на островах, расположенных недалеко от Константинополя. Что касается латинской классики, то, как бы широко она ни была распространена в течение трех или четырех столетий, вторжения северных народов и последовавший за этим упадок образованности на Западе были близки к тому, чтобы привести к ее полному уничтожению. Многие из этих авторов фактически были потеряны из виду в течение нескольких столетий.

Бесспорным фактом истории является то, что евреи, всегда носившие с собой свои книги, распространились по большинству стран Азии, южной Европы и северной Африки еще до начала христианской эры; не менее несомненно и то, что везде, где существовал иудаизм, за ним быстро следовало христианство. Увлекаемые своим собственным рвением или подгоняемые преследованиями, христианские учителя первого и второго веков вышли за пределы Римской империи и основали церкви среди народов, которые были едва известны властям мира. Христианские Писания не были просто перенесены на большие расстояния в разных направлениях; они были рассеяны в массах общества, в каждой нации, в объеме, значительно превышающем обычное распространение книг в те века: эти книги были не только в руках богатых и прилежных людей; ибо ими владело бесчисленное множество людей, которые со страстью, выходящей за рамки светских мотивов, ценили, сохраняли и воспроизводили их. И хотя многие экземпляры хранились и прятались частными лицами, другие были собственностью обществ, и благодаря постоянному публичному повторению их содержание запечатлелось в памяти их членов.

Широкое и, если можно так выразиться, *глубокое* распространение Священных Писаний сохранило их не только от исчезновения, но и, в значительной степени, от искажения. Эти книги ни в коем случае не входили в сферу деятельности какого-либо одного центра власти - гражданского или церковного. Они были засекречены и расширились далеко за пределы досягаемости тирании или мошенничества.

4. Значение, придаваемое книгам их владельцами.

В определенном смысле религия греков и римлян была воплощена в произведениях их поэтов; но религиозный пыл народа никогда не связывался с этими произведениями, как если бы они были хранилищами их веры: книги были достоянием богатых и образованных классов; немногие ценили их как средство интеллектуального наслаждения. Но прежде всего иудаизм и не в меньшей степени христианство были религиями исторического факта: доктрины и законы этих религий были умозаключениями, естественным образом вытекающими из веры в определенные памятные события и из ожидания других событий, которым еще предстояло произойти; летопись прошлого стала одновременно правилом долга и хартией надежды. Для рассеянного и ненавидимого еврея его книги были утешением его уязвленной национальной гордости; для преследуемого христианина его книги были его правом на “лучшую страну” и его поддержкой в нынешних лишениях и страданиях. Если современные христиане ценят канонические книги как божественные, то ранние христиане ценили их в гораздо более глубоком смысле, которые на основании несомненных чудес восприняли их как слово Того, Кто всемогущ.

Почитание, испытываемое евреями к своим священным книгам, было такого рода, которому нет аналогов: благоговение христиан к их книгам, если и не было более глубоким, то было гораздо более страстным, и это чувство придавало интенсивность чувству, совершенно не похожему ни на одно из тех, с которыми его можно было бы попытаться сравнить: любовь ученого грека или римлянина к своим книгам была по сравнению с восторгом ребенка перед его игрушками.

Этому глубокому чувству к священным писаниям в умах христиан было обусловлено не только сокрытие и сохранение копий во времена активных гонений, но и усердное воспроизведение их людьми всех рангов, которые находили свободное время, чтобы заняться работой, которую они считали столь достойной уважения и которая, по их мнению, приносила такое утешение.

5. Уважение, которое оказывали им переписчики более поздних эпох.

Мы видели, что на протяжении всего средневековья, хотя не существовало ничего похожего на широко распространенный вкус к классическим авторам, тем не менее, во все времена то тут, то там находились люди, которые их читали и ценили, и благодаря чьему посредничеству и влиянию уделялось столько внимания их сохранению, что это служило гарантией безопасной передачи их в современность. Но верить в то, что латинские авторы в любое время после упадка западной империи пользовались преимуществами тщательного и компетентного сопоставления копий, мало оснований. Из Александрии были выпущены новые *рецензии* на греческих авторов, в то время как этот город продолжал оставаться центром образования; и в некоторой степени та же забота проявлялась учеными Константинополя; однако даже там знаменитые произведения древности подвергались большому пренебрежению в течение последних четырех столетий существования восточной империи.

Но в этом отношении, а также в тех, которые уже упоминались, тексты Священных Писаний — иудейских и христианских — обладают несравненным преимуществом перед текстами классических авторов. Скрупулезность и раболепная скрупулезность еврейских переписчиков при переписывании еврейских Писаний хорошо известны; фраза “ни одна строфа закона” не была проигнорирована в буквальном смысле: отмечалось не только — как у греков — количество стихов в каждой книге, но и количество слов и букв; и поскольку центральная буква каждой книги была выделена, она стала, как точка отсчета, краеугольным камнем этой части тома. Эта беспрецедентная точность обеспечивает достаточную надежность для безопасной передачи текста; и если были какие-либо основания для подозрения, что раввины, чтобы ослабить доказательства, приведенные против них христианами, умышленно исказили некоторые отдельные отрывки, у нас есть другая защита, как мы увидим, от последствий такой попытки.

Пламя истинного благочестия никогда не угасало в христианской общине; и нельзя назвать ни одно столетие или полувековую историю средневековья, по отношению к которым не было бы доказано, что были люди, которые знали книги Нового Завета и относились к ним с искренним почтением и привязанностью. Кроме того, в религиозных домах было множество людей, которые, возможно, под влиянием суеверных представлений, считали работой высочайшего достоинства выполнение точной копии Священного Писания или любой его части; и все украшения, которые позволяло искусство того времени, были расточены, чтобы выразить почтение переписчика к предмету своего труда.

И более того: Священное Писание, особенно в первые восемь веков, подверглось нескольким тщательным и умелым правкам в руках ученых и способнейших людей, которые, сопоставив все копии, которые смогли раздобыть, восстановили текст везде, где, по их мнению, были допущены ошибки. Часто говорилось о колоссальных трудах Оригена по восстановлению текста версии Септуагинты. Отцы Западной, Африканской и Азиатской Церквей, особенно Иероним, Евсевий и Августин, используя те средства, которыми каждый из них обладал, делали все возможное, чтобы остановить распространение случайного искажения священного текста, проводя новые сравнения существующих копий.

6. Широкое местное разделение или открытая враждебность тех, у кого хранились эти книги.

Это обстоятельство чрезвычайной важности, и если оно не является *свойственным* еврейским и христианским Писаниям, все же оно принадлежит им в такой степени, что ставит их сохранение в первозданном виде на основу неизмеримо более обширную и существенную, чем у любых других древних писаний. Латинские авторы были рассеяны по всему римскому миру, и они никогда не находились на содержании у отдаленных народов или враждебных партий. Греческая классика действительно в какой-то степени попала в руки западных народов, а также греков, в более ранние времена и в средние века. И, если можно придавать какое-либо значение этому факту, некоторые из этих работ также находились у арабов, но они никогда не были предметом взаимного обращения соперничающих сообществ.

Еврейский народ почти на протяжении всего периода своей истории был разделен, как местным отделением, так и расколами. Вероятно, израильтяне Индии и, конечно же, самаритяне были хранителями книг Моисея — *отдельно от евреев*, в период, который выходит за рамки даты подлинной мирской истории. Во времена несколько менее отдаленные евреи были не только разделены расстоянием, но и разделены по крайней мере одним полным

расколом — по вопросу раввинских традиций, который отличал секту караимов от основной массы нации.

Упрек в адрес христианской церкви — ее сект и подразделений — был, по крайней мере частично, искуплен возникшей отсюда гарантией неповрежденной передачи ее записей. Едва ли не самые ранние христианские апологеты использовали этот аргумент в доказательство целостности священного текста. Августин особенно настаивал на нем против тех, кто пытался оспорить его авторитет: и не было такого случая, когда попытка сколь угодно масштабного изменения текста — даже если в противном случае это было бы практически осуществимо — не вызвала бы возмущения в некоторых кругах. С самых ранних времен общепринятое Правило Веры поддерживалось Церковью и какой-либо инакомыслящей партией в целях защиты или агрессии. Впоследствии разделение христианской общины на две враждебные организации, главами которых были Рим и Константинополь, обеспечило безопасность от любого общего согласия на внесение изменений в текст. А в еще более поздние века несколько нетленных общин, существовавших в пределах Римской церкви, стали хранителями священного тома.

7. Видимое влияние этих книг из века в век.

И в этом отношении история греческих и латинских классиков дает лишь слабое подобие тех свидетельств, с помощью которых существование Священных Писаний и их влияние можно проследить с самых ранних времен после их опубликования на протяжении всех последующих эпох. Греческие и латинские авторы почти не указывали на их дальнейшее существование за стенами школ и учебных залов. В течение целой тысячи лет мир их не видел — правительства не воплощали их в своих законах или институтах; — люди не осознавали их. За границей о них меньше знали и меньше думали, чем о прахе умерших, чем о костях, зубах, крови, слезах и лохмотьях греческих и римских мучеников.

Насколько различны факты, представленные в еврейских и христианских Писаниях! Евреи — в глазах всех народов — на протяжении хорошо известного и неоспоримого периода в две тысячи пятьсот лет демонстрировали живой образец почтенного труда, который был так давно передан им и которым они до сих пор нежно дорожат. И хотя они уже давно лишены возможности пользоваться всем, что было великолепного или ободряющего в их учреждениях, и хотя они оторваны от своей земли, а также от своего богослужения, и хотя слишком часто они слепы к моральному величию своего закона и ошибаются в значении своих пророков, они сохраняют нерушимой оболочку религиозной системы, которая описана в их книгах. Все, что в их религии имело меньшую ценность, все, что служило только для прикрытия и защиты жизненно важных частей, все, что было самым необычным и наименее важным, все, что могло быть отложено в сторону без ущерба или существенных изменений, было сохранено этими странниками; в то время как то, что было драгоценным — за исключением священных книг — было утрачено.

Христианские Писания проложили свой путь во времени не только в областях религии, или образования, или политики; но и во всем состоянии — моральном, интеллектуальном и политическом — европейских наций. История ни одного периода, прошедшего с момента первой публикации этих трудов, не может быть понятна отдельно от предположения об их существовании и распространении. Если мы оглянемся назад, на восемнадцать столетий назад, мы увидим прогресс влияния, иногда действительно отмечая его присутствие потоками крови, иногда пожарами, иногда падением храмов идов, иногда возведением зданий, украшенных новыми символами; и это далекое и могущественное движение нельзя объяснить

иначе, чем знанием того, что книги, которые мы сейчас храним и почитаем, в то время ниспровергали старое и упрямое зло идолопоклонства. Нет нужды говорить, что история Европы во все последующие периоды предполагала, посредством тысячи форм ложного исповедания и постоянства немногих, продолжение существования христианских Писаний.

8. Список литературы и цитат.

Последовательные ссылки греческих авторов друг на друга, хотя в большинстве случаев их вполне достаточно для установления древности цитируемых произведений, оказывают весьма несовершенную помощь в установлении чистоты существующего текста или в исправлении его там, где он явно ошибочен. Большое количество этих ссылок носят чисто намекающий характер, состоящие только из упоминания имени автора с некоторым расплывчатым указанием его значения. И даже у тех авторов, которые приводят обильные словесные цитаты, таких как Страбон, Плутарх, Исихий, Авл Геллий, Стобей, Марцеллин, Фотий, Суидас и Евстафий, небрежный метод цитирования во многих случаях лишает такие цитаты значительной части их ценности для целей критики. И все же, после каждого умозаключения такого рода читатель классических произведений испытывает непреодолимую убежденность в том, что эта сеть взаимных или последовательных ссылок не могла возникнуть в результате махинации, изобретения или чего-либо другого, кроме реальности; это дает доказательство, которое никогда не подлежит опровержению, подлинности огромной массы древней литературы.

Но что касается еврейских и христианских Священных Писаний, такого рода свидетельства, выходящие далеко за рамки простого доказательства древности и подлинности, достаточно обширны и точны, чтобы установить целостность почти *всего текста* рассматриваемых книг. За этими трудами не просто последовала литература аналогичного содержания; но они фактически создали обширный массив литературы, полностью посвященный их разъяснению; и это разъяснение принимало все мыслимые формы случайных комментариев к отдельным отрывкам - рассуждений по определенным темам, требующих многочисленных разрозненных цитат, и полных аннотаций, в которых повторяется почти все, что написано автором оригинала. Из раввинских пересказов и из произведений христианских писателей первых семи веков (приводить их позже нет необходимости) можно было бы восстановить весь текст Священных Писаний, если бы оригиналы с тех пор погибли.

Если кто—либо настолько неосведомлен, чтобы предположить, что такого рода свидетельства подвержены сомнению или что они допускают опровержение, пусть он, если у него есть доступ к обычной английской библиотеке, откроет тома писателей всех классов со времен Елизаветы и посмотрит, сколько аллюзий на Шекспира, и сколько устных цитат из его пьес, и сколько комментариев к отдельным частям или ко всем из них он сможет найти; и затем пусть он спросит себя, остается ли возможность сомневаться в том, что эти драмы - такие, в основном, как сейчас, существовали при восшествии на престол Якова I. Если бы эти цитаты и аллюзии составляли не более пятой или десятой части того, чем они являются на самом деле, доказательство, по сути, было бы не менее убедительным, чем оно есть.

9. Ранние версии.

Для установления древности, подлинности и целостности Священных Писаний не нужно приводить никаких других доказательств, кроме тех, которые представлены древними версиями, дошедшими до наших дней. Когда существуют согласующиеся переводы одних и тех

же произведений на несколько несвязанных языков и на языки, которые давно перестали быть народными, любые другие свидетельства могут рассматриваться как излишние.

В этом отношении едва ли можно проводить сравнение между классическими авторами и Священным Писанием, поскольку вряд ли сохранилось что—либо, заслуживающее названия перевода этих авторов, выполненного в очень ранний период после их первой публикации. Но, с другой стороны, большое значение, придаваемое евреями Ветхому Завету, а ранними христианами - Новому, и искреннее желание бедных и необразованных людей владеть словами вечной жизни на своем родном языке, натолкнули на идею и ввели практику полного и точного перевода обоих.

Таким образом, независимо от оригинального текста Ветхий Завет существует в халдейских пересказах, или таргумах; в Септуагинте, или греческой версии; в переводах Аквилы, Симмаха и Феодосия; в сирийской и латинской версиях, или вульгате; в арабской и эфиопской; не говоря уже о других, более поздних.

Новый Завет был передан современности, полностью или частично, в пешито, или сирийском переводе, на коптском, в нескольких арабских версиях, на эфиопском, армянском, персидском, готском и в старолатинских версиях.

10. Исчезновение языков или идиом, на которых были написаны эти книги.

Писать по-аттически-гречески было честолюбием и аффектом константинопольских писателей третьего и четвертого веков; и, таким образом, к приобретению чистой латыни также усердно стремились писатели средневековья; и, фактически, некоторые из них настолько преуспели в такого рода имитации, что выполнили несколько подделок небольшого масштаба, которые вряд ли были бы обнаружены, если бы им не нужны были внешние доказательства.

Но теперь чистый иврит — такой, каким на нем говорили и писали до вавилонского пленения, настолько полностью перестал быть народным во время изгнания евреев с их земли, что сразу после их возвращения оригинальные Священные Писания нуждались в толковании людям их раввинами; также нет никаких свидетельств того, что эти раввины повлияли на письменность примитивного языка, чьи комментарии составлены на диалекте, который был народным в их времена.

Что касается эллинистического греческого языка Нового Завета, отличающегося от стиля классических авторов и даже от стиля Септуагинты, с которой он наиболее близок, то он очень скоро вышел из употребления; ибо более поздние христианские авторы, писавшие на греческом языке, в большинстве случаев сформировали свой стиль до времени своего обращения; или, по крайней мере, они стремились к стилю, сильно отличающемуся от стиля апостолов и евангелистов. Идиома Нового Завета, в которой встречаются фразы или формы речи, заимствованные из окружающих языков, явилась результатом весьма своеобразного образования и обстоятельств жизни авторов, которые были таковы, что их диалект во многих деталях отличался от любого другого стиля; и такой, который не мог не вымереть в скором времени.

11. Средства сравнения с поддельными произведениями; или с произведениями, предназначенными для того, чтобы разделить репутацию, которая была приобретена другими.

Имитации — хорошие или плохие - полезны для того, чтобы представить оригиналы в более выгодном свете. Хорошие имитации, привлекающие к работе всю проникающую и предельное усердие критиков, позволяют им делать подлинные произведения недоступными для подозрений. Плохие имитации, служа фоном или контрастом, более удовлетворительно демонстрируют достоинство, последовательность и простоту того, что является подлинным.

В разные эпохи появилось несколько хороших подражаний стилю Цицерона, и они потребовали от критиков такой проникающей способности, что существенно усилили доказательства подлинности его признанных работ. Подобным же образом знаменитые послания Фаларида вызвали ученую и активную полемику, благотворным результатом которой стало не столько разрешение конкретного вопроса в споре, сколько сосредоточение могущественных и образованных умов на общей теме подлинности древних книг, посредством которой другие сомнительные остатки древности получили косвенное разрешение сохранить свои притязания после того, как они подверглись столь пламенному испытанию.

Миру было предложено множество плохих подражаний классическим авторам, и некоторые из них все еще существуют; иногда они добавляются к подлинным работам автора. Никто не может прочитать эти поддельные фрагменты сразу после того, как он ознакомился с подлинными, не получив от контраста убедительного впечатления истинности последних. Например, "Жизнь Гомера", которая обычно прилагается к истории Геродота, носит его имя и в которой есть что-то от его манеры, но представляет собой контраст, который мало кто из читателей может не заметить.

Никаких *хороших* подражаний ни иудейским, ни христианским Священным писаниям никогда не появлялось; но вместо того тщательного исследования, которого потребовало бы существование таких произведений, другие мотивы сильнейшего рода побудили к более полному и кропотливому изучению Священных Писаний, чем какие-либо другие произведения.

Были предприняты попытки плохого подражания стилю Священных Писаний — некоторых из Ветхого Завета и многих из Нового — и они все еще существуют; и они таковы, что представляют собой самую поразительную иллюстрацию, которую только можно себе представить, разницы в простоте, достоинстве и последовательности, которую следует ожидать найти, по отдельности, в подлинном и поддельном. Апокрифические книги (которые, однако, в большинстве своем не являются должным образом *поддельными*) представляют собой в этом отношении выгодный контраст с подлинными или каноническими писаниями Ветхого Завета; а что касается поддельных Евангелий, проходящих под именами Петра, Иуды, Никодима, Фомы, Варнавы, то даже самого беглого ознакомления с ними достаточно, чтобы неизмеримо усилить уверенность, которую мы испытываем в подлинности истинных Евангелий и Посланий.

Сохранение этих последних бесполезных произведений до наших дней является экстраординарным фактом, и это служит доказательством положения вещей, знание которого важно в вопросах литературной древности, а именно, что в средние века было много переписчиков, которые писали и продолжали писать механически, все, что попадалось им на пути, не проявляя никакой дискриминации. Теперь мы испытываем большее удовлетворение, зная, что древние книги дошли до нас через такого рода слепых и бездумных посредников, чем если бы верили, что у нас есть только такие вещи, которые переписчики, осуществляя предполагаемую цензуру, сочли достойными быть переданными потомству. Гораздо лучше, если бы мы — по случайности и невежеству - потеряли некоторые ценные работы и тем же путем

сохранили некоторые бесполезные, чем если бы результаты случайности и невежества были исключены постоянным применением силы отбора, управляемой, мы не знаем, каким правилом или влиянием. Нельзя представить себе ничего более пагубного, чем существование из века в век синода переписчиков, мудро определяющих, какие произведения следует увековечить, а какие следует предать забвению. К счастью для литературы и религии, в монастырях было множество бездумных тружеников, которые, выбирая предмет своего бездумного труда, казалось, следовали простому правилу — брать следующую книгу на полке!

12. Сила вывода, который может быть сделан из подлинности книг, и достоверность их содержания.

Ничто не может быть более простым или определенным, чем вывод, сделанный на основе признанной древности и подлинности исторического произведения в доказательство общей достоверности содержащегося в нем повествования. Если будет доказано, что "Речи Цицерона против Катилины" и "История войны Катилины" Саллюстия были написаны людьми, чьи имена они носят; или если будет доказано только, что эти сочинения сохранились и были хорошо известны еще в эпоху Августа; что тогда они повсеместно приписывались этим авторам и были повсеместно признаны подлинными записями фактов; и если на те же факты с большей или меньшей ясностью ссылаются авторы той же и последующей эпохи, не остается никаких разумных предположений, кроме правдивости истории — в ее основных обстоятельствах, с помощью которых можно объяснить существование и принятие этих повествований, этих речей и этих намеков, столь близких ко времени заговора.

В Истории Саллюстия некоторые факты могут быть изложены ошибочно; или основные факты могут быть представлены под покровом предубеждения. В Речах Цицерона могут быть (или мы могли бы ради аргументации предположить, что они были) преувеличения и неоправданная строгость порицания; но после того, как были сделаны любые подобные выводы или любые другие, которые позволит разум, остается неопровержимо уверенным, что, *если эти записи подлинные, история, в основном, правдива*. Софизмы коллегии скептиков, пытающихся показать невероятность фактов или подозрительность свидетельств, не смогут поколебать нашу веру, если мы убеждены, что книги не являются поддельными.

И этот вывод не является менее прямым или менее обоснованным в вышеупомянутом случае, чем в любом подобном случае, произошедшем более недавно. Верить в то, что Катилина устроил заговор против римского государства и потерпел неудачу в этой попытке, так же неизбежно, как и в то, что потомки Якова II потерпели неудачу. возбужденные восстания в Шотландии или то, что французский генерал на короткое время стал королем Неаполя. В одном случае, как и в других, если только документы — все они - не были подделаны, факты должны соответствовать действительности.

Принцип, на котором основан такой вывод, едва ли допускает исключение. Рассказы о предполагаемых, но нереальных фактах могли быть внезапно обнародованы и на мгновение им поверили; или ложные рассказы о событиях, скрытые местом или обстоятельствами от глаз общественности, могли получить временное признание. Или повествования, верные в своих чертах, могли быть фальсифицированы во всех тех моментах, относительно которых публика не могла справедливо судить; и таким образом, ложь, будучи подложена наряду с правдой, по недосмотру стала достоянием всеобщего сведения. Но никакие подобные предположения не соответствуют случаю различных общественных сделок, происходивших в течение

определенного периода времени и в разных местностях, свидетелями которых были люди всех классов, интересов и склонностей, и которые не были опровергнуты никакими сторонами в то время, и которые были особо зафиксированы и на которые случайно ссылались несколько авторов, чьи работы были широко распространены — общепринятые и оставшиеся без ответа в эпоху, когда тысячи людей были компетентны судить об их истинности.

Никто, возвращаясь к приведенному выше примеру, не вправе просто сказать, что он утаивает свою веру от Саллюстия и Цицерона, как он мог бы по многим пунктам утаить ее от Геродота, Диодора или Плутарха. Но даже в этом случае он должен был бы показать причину для сомнений, если бы его не обвинили в легкомысленном притворстве, будто он обладает большей проницательностью, чем притворяются его соседи. Но в другом случае, заявляя, что сомневается в фактах, он не может поставить под сомнение древность записей, он лишь свидетельствует о некотором недостатке последовательности в своих способах мышления. От того, кто заявляет, что не верит этому повествованию, следует потребовать вразумительного отчета о существовании писем, исходя из предположения, что этих событий никогда не было.

Когда исторические факты, которые по своей природе вполне доступны для прямого доказательства, ставятся под сомнение, то останавливаться на двадцати косвенных аргументах — утомительный пустяк, в то время как *центральное доказательство* — то, за что ясный ум цепляется интуитивно, остается незамеченным. В чисто историческом исследовании, столь же простом, как и все, что представлено на страницах истории, нечего и говорить о том, что книги Нового Завета содержат доктрины, которые не согласуются с нашими представлениями о великой системе вещей; или что они предписывают тяжкие и невыполнимые обязанности; или что они благоприятствуют деспотизму или порождают раздоры. Бесполезно говорить, что некоторые приверженцы христианства лицемерны и что, следовательно, эта религия не является истинной. Никакие возражения подобного рода никоим образом не ослабляют те доказательства, на основании которых мы полагаем, что нашим островом когда-то владели римляне. Но, тем не менее, они имеют такой же вес в противовес *этому* свидетельству, как и в уравнивании доказательств фактов, которые подтверждаются в Новом Завете. Если бы такие возражения были в десять раз более обоснованными, чем это может сделать софистика, они не удалили бы, не изменили и не ослабили бы ни одной крупинки надлежащего доказательства, принадлежащего исследуемому историческому положению.

Вопрос не в том, восхищаемся ли мы христианством и одобряем ли его; или хотим ли мы подчинить свое поведение его предписаниям и следовать надежде, которую оно предлагает; или намерены рисковать опасностями, связанными с тем, что оно истинно. Вопрос не в том, были ли, по нашему мнению, эти книги благословением для мира или наоборот; вопрос просто в том, была ли распространена религия и сохранились ли ее документы, которые были хорошо известны по всей Римской империи во времена правления Нерона.

Существует достаточно уверток, с помощью которых мы можем убрать из поля нашего зрения вывод, вытекающий из признания древности и подлинности христианских Писаний. Но противоречие может быть оспорено, когда утверждается, что, если Евангелия, Деяния Апостолов, Послания Павла, Петра, Иоанна и Иакова были написаны в заявленную для них эпоху и немедленно распространились по всей Палестине, Малой Азии, Африке, Греции и Италии, то этот факт неизбежно несет в себе истинность христианской системы.

Отдаленные исторические факты, хотя и не поддаются такому осязаемому доказательству, которое преодолевает противоречия, все же открыты для такого рода доказательств, в которых никто, по-настоящему понимающий их, не может усомниться. Именно на этом основании основаны все основные факты древней истории; они неизбежно признаются как истинные всеми, в чьи умы проникают все свидетельства; и в них верят или сомневаются, в любой степени между слепой верой и слепым скептицизмом, те, чье понимание фактов несовершенно, или неясно, или извращено.

Когда говорится, что события, описанные в четырех Евангелиях, представлены нам в форме, специально адаптированной для осуществления нашей веры, следует добавить, чтобы проиллюстрировать точное значение этих слов, что события, описанные Фукидидом и Тацитом, также представлены нам в форме, адаптированной для осуществления нашей веры. И все же более точно было бы сказать, что такого рода доказательства приспособлены для упражнения *разума*; ибо *вера* не имеет отношения к вещам, которые входят в известные границы системы, посреди которой мы призваны играть свою роль. И здесь следует понимать, что факты (понятные сами по себе) могут в самом полном смысле быть сверхъестественными, и все же, когда они должным образом подтверждены в соответствии с обычными принципами доказывания, они в такой же степени принадлежат системе, с которой мы имеем дело каждый день, как и самые знакомые события обычной жизни.

Священные Писания действительно предъявляют требования к нашей вере; но это исключительно в отношении фактов, которые принадлежат миру, находящемуся выше и за пределами того, с которым мы знакомы, и о фактах которого мы ничего не могли бы знать никакими обычными средствами информации. Наше согласие с чудесными событиями, когда оно должным образом подтверждено, основывается на здравом смысле: сами факты столь же понятны, как и самые обычные происшествия; и свидетельства, на которых они подтверждаются, не подразумевают ничего, кроме хорошо известных принципов человеческой природы. Если же мы отвергаем это доказательство, то проявляем не недостаток веры, ибо к этому нет необходимости, а недостаток разума. Тому, кто сделал вид, что подвергает сомнению общепринятый рассказ о смерти Юлия Цезаря, мы должны были бы сказать не “вам нужна вера”, а “вам нужен смысл”. В самой природе чуда заложено обращение к свидетельствам универсального опыта, чтобы *впоследствии* можно было предъявить требования к вере в связи с внеземными фактами.

ГЛАВА XV. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРЕДЫДУЩИМ УТВЕРЖДЕНИЯМ: УТРО В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ.

Содержание

А теперь, на этом этапе нашего продвижения, позвольте читателю побаловать автора целой страницей метафор или аллегорий.—Представьте тогда, что мы стоим на берегу могучей реки, противоположный берег которой едва виден; а что касается происхождения этого водного мира, то оно очень далеко и неизвестно; — что касается океана, в который он в конце концов

изолюет себя и свои сокровища, — это тоже далеко, и мы нигде не находим его обозначенным на наших картах. Течение этой реки спокойное — ее поверхность гладкая, как стекло; но на этой поверхности плавают бесчисленные образцы и фрагменты продуктов каждой из стран, которые она орошала на своем пути: вот плывут плоты, нагруженные хорошо упакованными тюками, и там, беспорядочно перемешанные, находится вещей больше, чем можно сосчитать — оторванных— разорванных— разбитых— покрытых ржавчиной, заросших сорняками. Продвигаясь вперед, мы видим символы и приспособления давным-давно исчезнувших народов, утварь забытой цивилизации и продукты земель, расположенных за тысячи миль вверх по течению; и все это переплетается с символами, приспособлениями, редкими и любопытными продуктами какой-то страны, расположенной по соседству с нами. На дне этой могучей реки плавают образцы всего сущего, и они смешаны всеми мыслимыми способами.

Это наша мечта наяву: — теперь перейдем к ее толкованию. Мы воображали, что находимся в каком-нибудь из залов Британского музея; или что мы ходим взад и вперед, из одного из этих залов в другой; и наконец останавливаемся в центре Нового Читального зала. Бесчисленные коллекции древностей — мрамор, монеты— драгоценные камни, утварь, оружие, костюмы, рукописи, иллюстрации и печатные книги — что все это такое, как не множество реликвий отдаленных эпох, которые благодаря различным случайностям доплыли до нашей эры по широкой поверхности Реки Времени?

Но неужели эти десятки тысяч - эти сотни тысяч отдельных объектов, неужели в них так много разрозненных и разъединенных частиц? — это далеко не факт. Это очень небольшое количество вещей в этой обширной коллекции, относительно которых проинструктированный Хранитель признал бы свое невежество относительно того, что это такое, к какому возрасту это относится и к какой стране или народу это реликвия. Что касается тысячи к одному всего содержимого Британского музея, то каждое из них близко или отдаленно связано с девятьюстами девяноста девятью его соседями — справа и слева; или, возможно, с некоторыми предметами, выставленными в противоположном крыле здания: как, например, — вот монета, легенда, которую мы бы не смогли прочесть или понять, если бы не то, что греческий писатель, от произведений которого до наших дней дошла единственная рукопись, случайно упоминает факт, касающийся какого-то малоизвестного городка в Малой Азии и его истории, под названием Римские императоры, о которых в противном случае мы бы ничего не знали.

Воспользуемся другим предположением, каким бы далеким оно ни было от факта; и оно заключается в том, что автор и читатель этой книги, которые, как мы воображаем, сейчас вместе расхаживают по залам Музея, обладают той универсальностью знаний и теми обширными антикварными достижениями, которые позволяют джентльмену за центральным столом Читального зала отвечать на все вопросы, помогать им всем и направлять их в продвижении их разнообразных исследований. Итак, если бы автор и читатель были одарены каким—либо подобным образом, мы могли бы тогда, обладая своего рода вторым зрением или настоящим *сновидением*, взглянуть на бесчисленные запасы вокруг нас, как если бы все они располагались в определенном порядке или подчинялись какому—то естественному закону взаимного притяжения и сцепления: так, — говорится в почти неразборчивой рукописи, прикрепляющейся к колоссальной скульптуре, — подобно тому, как перья прилипают к электрическому проводнику: — монеты, располагающиеся спонтанно, подобно венцу из лавровых листьев, вокруг стола. брови бюстов: - есть оружие и фрагменты доспехов, прикрепленные к копии Полибия: — есть фрагменты фронтона или обломки колонны,

претендующие на место в греческом тексте Прокопия - и почему? потому что эти фрагменты принадлежат зданию времен Юстиниана, которое он описал. А теперь, что касается печатных книг и манускриптов, откуда многие из печатных книг получили свое существование, если мы на несколько мгновений уступим идеалу, мы увидим, как они выплывают со своих полок в этом огромном цирке и сознательно выстраиваются в своего рода пирамидальную форму, как бы демонстрируя их реальное соотношение цитирования и отсылки в порядке времени — от более поздних к более древним, от многих к немногим; — пока стопка, состоящая из миллиона книг, не будет увенчана двумя или тремя, которые не цитируют ни одну из них. старше их самих, и их цитируют все.

Каков же тогда наш вывод? Вот оно: как на лица и события—поступки и понятия—мысли и пути—обычаи и нравы—в философии—литература—религия—политика—цивилизации, народы всех тех возрастов, которые осмыслены в рамках того, что называется исторический период—эти бесчисленные вопросы, разумеется, нам известно, в это время,—и они стали известны нам с такой степенью определенности (в основном) не шатко и утепленная показания немногих писателей, чьи произведения дошли до наших дней,—мы не знаем, как, но очень сильно иначе, чем так; ибо посредством взаимосвязанных и взаимно аттестационной свидетельства тысяч очевидцев—свидетелей в камень и мрамор, металлические вещества, монеты и медные листы, в перепончатой пластинки, и в трудах от любой другой материал, и в каждый мыслимые Моды; и все эти вещи так сетчатой вместе и так сварила, и стрелчатые, и связан, и клееный, и запечатаны, в огромный конгломерат, как, что в сочетании свидетельство тамошние начисления в поддержку нашей обширной исторической убеждения является не менее прочным, чем несколько гранитных ребер континента; и как различные, и как богатым, так как все продукты ее поверхности—ее фауны и флоры.

Вот и мимолетный взгляд на сокровища, обширные собрания Британского музея; но теперь нам было бы полезно взять в руки Краткий обзор и уделить внимание некоторым из названных в нем статей. То, что мы ищем, — это свидетельства древних *письменных* свидетельств, касающихся людей, событий, нравов, религий древних народов, которые застают нас, можно сказать, врасплох, и которые взяты из источников, полностью и во всех смыслах независимых и не связанных друг с другом.

Возьмите с собой, в одну руку, ваших Тацита, Саллюстия, Диона Кассия; а в другую руку - ваших Вергилия, Горация, Ювенала и Овидия. Эти писатели — один из них историк, другой поэт - воссоздают, на наш взгляд, трон и его персонажей имперских Времен — скажем, двухсотлетней давности, отсчитываемой от времени жизни последнего из них. Но по каким каналам *эти книги* попали в наши руки? Редакторы печатных экземпляров уверяют нас, что в каждом случае в их распоряжение попадали одна, две, три рукописи, которые были извлечены из забытых куч того или иного монастыря или другого хранилища любопытных предметов. Что касается большего числа этих рукописей, их нельзя отнести к возрасту намного более девятого века; следовательно, исходя из предположения, что это подлинные произведения — продукты времени семьсот или тысячу лет назад, то то, что было перед глазами редактора, должно было быть не чем иным, как копией — с копии — или, возможно, с нескольких подряд! Не является ли эта линия доказательства несколько ненадежной? Должны ли мы доверять ей?

Двигайтесь по левую руку от вестибюля, и к тому времени, как вы продвинетесь на дюжину шагов, тома в ваших руках, если они наделены сознанием, начнут подергиваться и дергаться,

как будто им неловко, что их удерживают вдали от их старых друзей, справа и слева, которых они узнают, стоящих на пьедесталах и прикрепленных к стенам. Откуда же были привезены сюда эти солидные древности? Не из тех же самых деревянных хранилищ в монастырях или королевских библиотеках Европы, откуда мы получили вышеупомянутые рукописи; — нет, но глубоко под землей - из полостей — из-под тротуаров, на шестьдесят футов или более ниже нынешней поверхности: они были подобраны на кукурузных полях; они были просеяны из куч мусора; они были извлечены из тайников домов города, погребенного извержением вулкана много веков назад. Эти разнообразные образцы древней цивилизации были выловлены из русел рек и со дна озер; и эти находки были произведены всеми этими и многими другими способами на территории Европы, Южной и Западной Азии и Северной Африки. Следовательно, нет никакой возможности подвергать сомнению это свидетельство миллионов языков; мы не должны отрицать того, что подтверждается этими языками из камня и меди, серебра и золота.

И чем более, в любом случае, слабым и отдаленным является совпадение, или, как можно было бы сказать, легкомысленное или неважное, тем вернее и тем больше на него можно положиться в том, что оно подтверждает: например, вот что — Загляните в свой краткий обзор, страница 87, раздел III.: “Свинцовый поросенок, на котором было выгравировано имя императора Домициана, когда он был консулом на восьмой год 82 года н.э., весом 154 фунта. Он был обнаружен в 1731 году под землей, на пустоши Хейшоу, в Западном Райдинге Йоркшира, на полпути между древним свинцовым рудником, к северу от моста Пэтти, и римской дорогой из Илли (Оликана) в Олдборо (Исуриум).” Эта свинья проспала там, где ее бросили, около 1650 лет.

“Свинцовая свинья с выгравированным именем императора Адриана весом 191 фунт; найдена в 1796 или 97 году на ферме Снейлбич, приход Уэстбери, в 10 милях к юго-западу от Шрусбери”. Затем следуют другие свиньи, чей сон под землей был более или менее продолжительным и глубоким.

Свинцовый поросенок с надписью " L. Aruconius Verecundus" и буквами "Металл". Lvtvd., вероятно, шахта *Лутуда*. Найден недалеко от Мэтлок-Бэнк, в Дербишире.

“Свинцовый поросенок с надписью CL. TR. LVT. BR. EX. ARG.; найден вместе с тремя другими поросятами и осколками римской керамики на Брумерс-Хилл, в приходе Пулборо, Сассекс, 31 января 1824 года, недалеко от Римской дороги, Стоун-стрит, ведущей из Лондона в Чичестер”.

“Свинцовый поросенок с выгравированным на нем именем Британика, сына императора Клавдия; найден на холмах Мендип, Сомерсетшир”.

Вот и все для этих свиней. Что они могли бы сказать, если бы мы подали на них в суд? Что-то в этом роде: в это время на улицах оловянных городков в Корнуолле можно увидеть блоки — жестяные болванки, отштампованные способом, подобным надписям на этих свинцовых болванках в Британском музее. Эта чеканка произведена с целью обеспечения уплаты пошлин герцогством Корнуолл, а символы и буквы указывают на политический факт, что принц Уэльский, как герцог Корнуоллский, накладывает руку на каждый фунт олова, выплаваемого в графстве; и, таким образом, чеканка продукции свинцовых рудников Британии свидетельствует о том факте, что римляне в то время не просто проживали в Британии, но были хозяевами острова и повелителями его полезных ископаемых. Затем сами надписи находят свое

толкование в истории римской империи, и эта история попадает в наши руки, частично в том виде, в каком она была изложена вышеупомянутыми римскими историками; частично в виде скульптур, изваяний, бюстов и барельефов; и частично, и очень обильно, в неоспоримой форме монет тех же императоров, которых одних было бы достаточно, чтобы представить нам череду событий, больших и меньших, на протяжении многих веков. Но что читатель должен здесь иметь в виду, так это следующее: поскольку наш нынешний тезис таков — безопасная и достоверная передача древних книг посредством часто повторяющихся копий на протяжении веков, свидетельство этого эффекта - и это самое убедительное, что можно себе представить или пожелать, предоставляется нам, когда при просмотре коллекций, таких как те, что хранятся в Британском музее, обнаруживается, что рассматриваемые Книги дают последовательную, непрерывную и точную интерпретацию этих осязаемых и тяжеловесных древностей. Тем не менее, очевидно, что, если бы книги не были в основном подлинными, они не могли бы дать никаких толкований, подобных тем, которые мы находим в них.

Теперь перейдем к историческим скульптурам — статуям и бюстам имперских времен. Они, по большей части, поддаются аутентификации с помощью монет тех же императоров, которые можно увидеть — “по заказу” — в другом отделе музея; сходство неоспоримо, и историческая реальность двух образцов римского искусства, таким образом, доказана. Но дальше этого мы можем смело идти. От римских писателей — особенно от Тацита, Светония и Диона Кассия — мы получаем то, что, без сомнения, является истинным представлением об индивидуальном характере, темпераменте, образовании, общественном и частном поведении и стиле ряда императорских особ, начиная с Юлия Цезаря и далее, до времен каждого из этих писателей. Каков же тогда вердикт наших физиогномических инстинктов, когда мы сравниваем бюсты или статуи, например, Августа и Тиберия, Нерона и Траяна? Мы могли бы принять их одно за другое не более, чем мы могли бы неправильно назвать портреты Филиппа Испанского или герцога Альвы, помещенные рядом с Джорджем Вашингтоном или Джоном Говардом; или неправильно оценить портреты Оливера Кромвеля и Джона Мильтона; или адмирала Блейка и Александра Поупа. Нам не нужно ждать, пока будет создана наука физиогномики, прежде чем мы сможем рискнуть написать имена под портретами лорда Чатема, доктора Джонсона и Оливера Голдсмита. Ошибки в отдельных случаях могут быть допущены, но не в долгосрочной перспективе; и когда, с одной стороны, мы возьмем всю серию царских портретов, восточных и западных, от первого из Птолемеев до Карла Великого, и, с другой стороны, *книги* серии современных историков, мы получим из этого большого набора независимых свидетельств непреодолимую убежденность в общей подлинности последних; и поэтому мы должны прекратить питать сомнения по поводу надежной передачи древних книг в наше время.

Было бы бесполезно приводить здесь несколько единичных примеров соответствия римских монет письменной истории, поскольку таких примеров бесчисленное множество. Читателю, желающему получить полную или частичную информацию по этому обширному предмету, следует взять в руки Медальонную историю Императорского Рима, которая, по сравнению с медальонными сокровищами Британского музея, поможет ему проследить за чередой общественных событий на протяжении пяти или шести столетий, представленных и подтвержденных двойным рядом свидетельств — металлических и литературных. Или же он может довольствоваться тем, что возьмет в качестве достаточного образца такого рода доказательств факты, которые, как он найдет, собраны воедино в небольшом томе “Акерман на монетах римлян, относящихся к Британии”.

Есть еще одна область, в которой мы можем легко почерпнуть информацию, и не только информацию, с помощью римских поэтов, которые являются нашими проводниками. Несомненно, считается, что эти писатели — и нам нужно назвать только Овидия, Горация, Вергилия и Проперция — жили и процветали как современники Юлия Цезаря, Августа, Тиберия. Их труды в том виде, в каком они сейчас у нас в руках, принимаются как подлинные, поскольку критика, демонстрирующая общую целостность текста (допускаются исключения), слишком эрудирована и осторожна, чтобы подвергать ее сомнению. Следовательно, эти писания благополучно пересекли период в полторы тысячи лет, заканчивающийся датой самых ранних печатных изданий: но этот переход был осуществлен не кем иным, как переписчиками; и поэтому, если, как мы увидим, сверхизбыточность различных и независимых свидетельств устраняет возможность наших сомнений в этом факте, тогда этот способ передачи, каким бы ненадежным он ни казался, считается заслуживающим доверия, и наша главная точка зрения установлена, а именно, что древние книги действительно дошли до наших дней — целиком. Давайте на мгновение обратимся к этому подтверждающему свидетельству — такому, какое мы видим, проходя по залам Британского музея.

Римские поэты, возможно, сами не были очень твердыми верующими в греческую мифологию — рассматриваемую религиозно или исторически: тем не менее, они восприняли ее такой, какая она попала к ним в руки, и это было великолепное наследие — безграничная сокровищница ярких представлений о сверхчеловеческой силе, красоте, изяществе; схема элегантно чувственной с оттенком возвышенности. Его басни, гораздо более доступные для поэтических целей, чем могла бы быть любая система серьезных истин, открывали перед римскими поэтами широкую луговую местность, бродя по которой подражательный, более чем оригинальный склад римского ума мог собирать плоды и цветы, спелые и веселые, которые просили только того, чтобы их взяли и насладились ими. Таким образом, получается, что во всех мыслимых формах удлиненного поэтического повествования, мимолетных аллюзий, прямых и намекающих отсылок боги и богини, полубоги и герои Греции выходят на сцену римской поэзии. Этим повторениям, этим заимствованиям или плагиатам, и этим вспыхивающим взглядам несть числа: — иногда они формальны; иногда они неформальны; — в некоторых местах это взгляды при дневном свете, а в бесчисленных местах они подобны искрам, видимым лишь на мгновение.

Итак, с какими объектами гармонируют эти мифологические отрывки? — чему они соответствуют? Наш ответ таков: с десятками тысяч реликвий древнего искусства, которые по каналам, совершенно независимым от тех, по которым до нас дошли книги, в настоящее время заполнили шкафы и музеи Европы, а значит, и наш Британский музей.

Но тогда эта масса весомых и видимых свидетельств взаимосвязана весьма своеобразным образом, что следует иметь в виду. Мы только что упомянули о соответствии, которое связывает исторические скульптуры — статуи и бюсты римских персонажей, мужчин и женщин, а также изображения тех же мужчин и женщин, которые так обильно представлены в коллекциях римской императорской чеканки. Но теперь мы переходим к греко-римским салонам — первому, второму и третьему, а также к подвальному помещению. Они заполнены мифологическими скульптурами, извлеченными из почвы Италии и Греции: — они изображают нам в неподражаемом мраморе те же самые божества, главные и второстепенные, которые представлял себе греческий ум и которые переняли римские художники: в этих прекрасных творениях мы сразу узнаем небесную *личность*, с которой мы познакомились на страницах

римских поэтов: концепция сверхчеловеческой грации и силы та же самая; и сопутствующие символы те же самые. А теперь подготовьте себе необходимый заказ для осмотра коллекции старинных драгоценных камней — драгоценных (часто) с точки зрения их материала — драгоценных, неизмеримо более ценных, благодаря тому изысканному вкусу и тому неподражаемому исполнительному мастерству, которые сделали их такими, какие они есть.

Эти микроскопические скульптуры, вследствие ценности материала и дороговизны работы, а также из-за их малости и легкости сохранения, были горячо востребованы богачами в самое время их создания; и они самым бережным образом хранились во все века одним и тем же классом людей; и с течением времени они претерпели гораздо меньше повреждений, чем предметы старины любого другого рода. Особенно *инталии*-скульптуры с углублениями, по большей части такие же совершенные и четкие, какими они были восемнадцать столетий назад. Что же тогда представляют собой эти жемчужины искусства нашему современному взору?— это те же самые идеальные персонажи той же мифологии; —и символы те же, и воздух, и грация, и атрибуты красоты и могущества те же; — та же чувственность — те же двусмысленные приключения; — та же поэзия и то же искусство — поэзия и искусство, поистине достойные восхищения, насколько бы ни подвергались порицанию их моральные качества.

Таким образом, мы имеем в виду три независимых, но совершенно совпадающих и *взаимоинтерпретирующих* свидетельства, а именно, *сначала* скульптуры, *затем* драгоценные камни, а затем книги - поэзию. Если, исследуя один из этих классов древностей, мы оказываемся в затруднении, пытаюсь расшифровать его символы или аллюзии, любая такая трудность исчезает — в большинстве случаев - когда мы обращаемся к другому классу: например, драгоценный камень объясняет статую; или поэт в одном стихотворении проливает свой луч света на оба. Таким образом, *стремя* в нашем распоряжении АНТИЧНОСТЬ во всей богатой и великолепной области своих мифологий предстает перед нами раскрытой! Разве мы не должны допустить, что так много взаимосвязей, так много соответствий и так много соглашений о толковании — какими бы бесчисленными они ни были — не могли иметь своим источником ничего, кроме реалий той эпохи, откуда, как мы полагаем, они дошли до наших дней? Но если это так, то верно, что древние книги — а именно, римские поэты — были надежно отправлены вперед — благодаря переписчикам! — из века в век, на протяжении всех прошедших лет стольких веков.

Если бы сейчас предстояло заполнить целый том, а не несколько страниц этой главы, и если бы вместо одного утра в Британском музее пришлось прилежно провести там целый сезон, нам все равно понадобились бы пространство и досуг для того, чтобы указать только на те статьи, на которые уместно было бы сослаться в качестве иллюстрации наших нынешних рассуждений. Вместо этого мы должны двигаться вперед по салону Элджин, останавливаясь только для того, чтобы сделать одно наблюдение — что эти скульптуры, и эти барельефы, и эти надписи были бы для нас в это время ничем иным, как огромной путаницей - массой неразрешимых загадок, если бы мы не несли с собой письменные остатки греческой и римской литературы — труды историков, и поэтов, и драматургов, и ораторов, которые были творениями того же века утонченного интеллекта, изысканного вкуса и художественного мастерства. обнаруживается, что письменные памятники того короткого периода доступны для интерпретации достоверных памятников того же времени, а они, опять же, для их иллюстрации. И действительно, это был краткий период: —она была цветущей и плодоносящей летнего месяца в мире скудно

тысячелетний год, а в течение длительного периода, что за ней последовало—осенние месяцы, а зимой—не было ни среди живых, кто бы ни написал эти книги, и кто вырезал эти шарики; но книги в одной манере, а шарики в другую, есть отдельно сплавляли вниз на волны времени; и вот они у нас есть, столкнувшись под одной крышей—десяти тысяч свидетелей, подтверждающие реальность древней истории.

От классических древностей мы теперь перейдем к Ассирийским галереям. Каждый знает или может легко догадаться, каким образом скульптуры, погребенные столько веков назад, теперь заполнили эти длинные помещения и как они таким образом нашли пристанище под крышей Британского музея. Места, откуда они прибыли, и обстоятельства их захоронения (как мы должны предположить) известны посетителю, в компании которого мы проводим это утро в его салонах. Поскольку это так, и если, более того, мы можем поверить, что он стал в какой—то степени знаком с литературой Древней Греции, особенно с ее историками — Геродотом, Фукидидом, Ксенофонтom, Диодором, а также Страбоном, — он будет способен понять, что мы имеем в виду, говоря о том *широком подтверждении* подлинности древней истории, которое она получает при взгляде на содержание “Ассирийских галерей”.

Вышеназванные греческие писатели, иллюстрированные современной литературой, дают нам отчетливый образ Греции и ее народа с их интеллектуальностью, религией и вкусом; и этот портрет сам по себе вполне однороден, и, как мы уже говорили, он подтверждается и демонстрируется в десяти тысячах экземпляров скульптурами и другими предметами, найденными в салонах, которые мы только что посетили. Но теперь те же самые авторы открывают нам также — иногда формально, а иногда случайно — перспективу на восток, далеко за пределы регионов, простиравшихся за пределами греческой цивилизации. На этих бескрайних просторах существовала цивилизация; но это было совсем в другом аспекте; там было правительство и социальный порядок; но они были совершенно непохожи на институты Греции. Были религии, но они дышали другим духом, они произносили другие голоса, они говорили о другой национальной экономике. Там была та же самая человеческая природа, но она была развита как будто в условиях, присущих другому миру.

Теперь я попрошу моего спутника рассказать мне, с каким чувством он, минуя памятники греческой жизни и остатки ее искусства, входит в эти ассирийские галереи. Разве не возникает невольного впечатления от этого эффекта — как будто мы здесь ступаем на почву другого мира? Мы переступили порог, отделяющий одну фазу или способ существования человека от другого его способа; здесь перед нами предстают признаки другого климата, другой земной поверхности; и растительность, покрывающая ее, принадлежит к другому классу, и животные, которые бродят по ней, не те же самые; и человеческие формы, и лица, и костюмы, и отношения, и занятия, и обряды - другого образца. В этих галереях мы окружены символами и придатками мрачного и безжалостного деспотизма. В Греции были свои воины и герои, свои многочисленные умонастроения, и каждое из них свободно развивалось; но *здесь* единственным хозяином расprostертых миллионов людей является одинокое существо: все следует, или предшествует, или вращается вокруг него: есть одна воля, и она осуществляла свои цели беспрепятственно, как разумом, так и человечностью.

Итак, здесь находятся памятники мира, подобного тому отдаленному восточному миру, о котором мы находим разрозненные упоминания в дошедших до нас остатках греческой литературы. Эти заметки служат интерпретацией, насколько это возможно, этих тяжеловесных

останков. Историки, ораторы, поэты, процветавшие в условиях утонченной цивилизации, смотрят поверх своих оград и по пунктам рисуют далекую варварскую цивилизацию Азии, и мы узнаем *вписьменных* памятниках той более грубой общественной жизни черты и характеристики ее скульптурных памятников - такими, какими они предстают перед нами сейчас.

Эти совпадения, как мы говорим, являются *доказательством в целом* подлинности той части древней истории, которая, как может показаться, больше всего нуждается в подтверждении. Это широкое свидетельство истины. Мы могли бы, однако, перейти к частностям и затем проверить это доказательство во многих его деталях; но мы должны идти дальше и лишь на мгновение зафиксировать внимание на единственной строке этих подтверждающих совпадений; и это то, что несет с собой важный вывод.

Существует одно собрание дошедших до нас сочинений, которое не только датируется гораздо более ранним периодом, чем греческая литература, — даже более ранним, чем ее традиции, но и возникло в кругу азиатского мира; оно не греческое — оно не обладает теми же достоинствами, той же грацией или достоинствами родственного порядка; у него есть свои собственные. Он азиатский; и все же он был настолько изолирован и был настолько решительно национальным, что отчет, который он дает об окружающих социальных экономиках, в значительной степени является независимым отчетом; он взирает как бы издалека. Следовательно, мы можем ожидать, что найдем в еврейской литературе — в ее историках, поэтах и пророках — *отражение* азиатской жизни, а не ее туземное или самодельное отображение; и таков факт. Чудовищные деспотии, обосновавшиеся на берегах Тигра и Евфрата, кажутся призраками разрушительной силы, если смотреть на них с высот Палестины. Теперь мы утверждаем следующее: идея, которую мы получаем, изучая еврейскую литературу, об азиатском военном деспотизме и их ужасающих суевериях, явно реализована — она предстает нашему взору с яркой силой и отчетливостью, когда мы расхаживаем взад и вперед, с благоговением взирая на эти чудовищные скульптуры. Еврейские писатели осуждают этих разрушителей народов; и теперь давайте признаем, что они верно изобразили их; они не клеветали на этих безжалостных тиранов — даже на людей, изображенных на этих колоссальных бюстах и барельефах, когда они рассказывают об их кровавых деяниях, их грабежах и притеснениях.

Помимо этого, которое мы называли широким подтверждением древней истории и которое возникает спонтанно из—за вида этих ассирийских древностей, хорошо известно, и мы предполагаем, что наш собеседник осведомлен о том факте, что с момента обнаружения этих ассирийских скульптур был достигнут большой прогресс в работе по расшифровке надписей, которые встречаются на многих из них. В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что эти записи, какими бы непостижимыми они ни считались, раскрыли свой смысл. Верно также, что эти высказывания из давно неизвестного мира совпали со свидетельствами письменной истории — греческой и библейской, и что в связи, особенно, с последней, произошло много в высшей степени значимых совпадений, вознаграждающих терпеливый ум тех, кто трудился на этом поприще. Но к этому предмету у нас будет возможность вернуться в следующей главе.

Чудеса египетских галерей могли бы увести нас даже в еще один мир; но мы уже затрагивали эту тему (стр. 146, *и последующие*), а потому спешим вперед, ненадолго остановившись только на

одном объекте, а именно, на знаменитом “Розеттском камне”, который так описан в Кратком изложении:

“Розеттский камень, содержащий три надписи одинакового значения, а именно: одну иероглифами, другую письменными знаками, называемыми демотическими или энхориальными, и третью на греческом языке. Эти надписи повествуют об услугах, которые Птолемей Пятый оказал своей стране, и были выгравированы по приказу Синода священников, когда они собрались в Мемфисе с целью наделения его царскими полномочиями. Это ключ к расшифровке иероглифических и демотических символов Египта. Этот камень был найден недалеко от Розетты, и, по-видимому, он был помещен в храм, посвященный Атому монархом Нехао из двадцать шестой династии: он сделан из базальта”.

Трудолюбие и проницательность ряда ученых людей до сих пор приносили пользу (в значительной степени благодаря тройным надписям на Розеттском камне) в том, что история Египта, вплоть до очень отдаленных времен, была восстановлена и перенесена на свое место, чтобы привести ее в соответствие с историей окружающих народов. Каждое такое завоевание, или, как мы можем это назвать, вторжение в темные области ушедших эпох, придает дополнительную уверенность нашей вере в общую достоверность древней письменной истории. Древние историки действительно иногда были дезинформированы или, возможно, небрежно собирали свои материалы; тем не менее, в целом они зарекомендовали себя как честные и умные свидетели.

Поднимаясь по северо-западной лестнице, мы не можем не заметить несколько вставленных в рамы и застекленных образцов египетской письменности, которые оживляют стены. Эти рукописи написаны на египетском папирусе, текстура материала в нескольких экземплярах вполне различима. На них следует смотреть как на наилучшую возможную иллюстрацию утверждений, уже сделанных в общих чертах (глава V.). То, о чем мы там говорили, можно здесь увидеть (не осмыслить, конечно, но).

Теперь пришло время завершить наш визит в музей, чтобы мы, очарованные его разнообразными сокровищами — памятниками всех эпох, не забрели слишком далеко от нашей темы. Тем не менее, необходимо взглянуть на рукописи, выставленные на всеобщее обозрение в витринах в салонах восточной части музея. В этих рукописях, на некоторые из которых мы должны сделать ссылку ниже, бросаются в глаза все те разновидности материала, оформления и характер письма, о которых уже вкратце упоминалось. Среди них мы можем найти образцы искусства писателя и брата писателя-декоратора, как это видно на иллюстрациях; некоторые из них в высшей степени роскошны и величественны; другие более деловые: — некоторые сохранили свою целостность в виде книг на протяжении шестнадцати столетий, а многие — на протяжении тысячи лет. Лето и зима — времена войны и опустошения — времена мира: годы незначительного риска из-за грабежей, пожаров, варварского безрассудства; и, возможно, столетия, когда на протяжении бесшумных дней и ночей ни дуновение, ни рука не шевелили пыль, которая всегда надолго ложилась на обложку! Таким образом, произошла безопасная передача бесценных записей разума, несмотря на несчастья, штормы, насилие, невежество и пренебрежение, имевшие место на протяжении стольких лет.

ГЛАВА XVI.

ФАКТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ СОХРАНЕНИЯ И ПОЗДНЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ.

Содержание

Некоторые из самых древних и наиболее ценных рукописей, которые в настоящее время обогащают Британский музей, были приобретены совсем недавно и являются результатом исследований ученых путешественников в Египте, на островах Эгейского моря и в странах, граничащих с ним. Эти исследования и эти путешествия были предприняты специально с этой целью и в надежде обнаружить и увезти с собой некоторые из тех литературных сокровищ, которые, как было известно или считалось, лежат заброшенными и почти забытыми в ныне полуразрушенных монастырях Египта и Греции. Эта надежда в какой-то степени оправдалась, и эти труды были вознаграждены, о чем мы можем сейчас кратко упомянуть.

Пустынный регион, простирающийся далеко на запад вдоль дельты Нила, несет на себе следы того, что в какой-то отдаленный период он был в значительной степени покрыт водой. Остатки этого высохшего моря все еще появляются в виде небольших озер, заполняющих впадины между скалистыми холмами, которые окаймляют пустыню по направлению к долине Нила. На берегах этих озер встречается натрон, который можно назвать природным соляным мылом, и из которого также получают большое количество чистой селитры. Эти озера получили свое название от этого натурального продукта.

Район Нитрия часто упоминается древними авторами; например, Страбоном (книга XVII) и Плинием (книга xxxi. 46), а также церковными писателями четвертого и последующих веков; особенно теми из них, которые говорят о монашеских институтах своего времени. Вокруг этих унылых вод обосновались в большом количестве монахи того времени; их было действительно так много, что император Валент, думая, что он мог бы найти для них более полезное занятие, чем чтение Псалтири, набрал в свои легионы до пяти тысяч из них. Но здесь, несмотря на беспорядки такого рода, эти отшельники продолжали находить убежище от мира и его искушений — по крайней мере, так они думали; и здесь, с помощью пожертвований от некоторых наиболее благоразумных императоров или богатых и религиозных личностей, было построено много религиозных домов; некоторые из них были достаточно просторны и построены так, чтобы быть способными противостоять нападениям мародеров пустыни; а поскольку их территория включала просторные сады, они могли в течение длительного времени поддерживать скромную жизнь своих обитателей, даже находясь в осаде. .

Что касается этих заведений,[5] мы находим случайные упоминания о них достаточными, чтобы убедиться, что в некоторых, если не во всех из них, копирование книг служило занятием для определенной категории их обитателей; и что это был факт, теперь у нас есть доказательства в результатах упомянутых выше исследований. В некоторых случаях непрерывной жизни в разрушающемся монастыре было достаточно, даже несмотря на то, что здание могло показаться немногим лучше огромных руин, чтобы поддерживать "Копировальную комнату" в каком-то виде деятельности. В других, где десятки монахов или даже меньше проспали свой срок службы, они все же сохранили смутную традиционную веру в ценность рукописей, которые, как они знали, лежали горами в какой-нибудь келье или склепе, никогда не

посещаемые ими самими. В некоторых случаях книги, которые были убраны из библиотеки в минуту опасности, когда враг находился под стенами, оставались в безопасности и были забыты в своем укрытии, возможно, на протяжении веков. Таким образом, благодаря интеллектуальной деятельности одной эпохи, дремлющей или инертной промышленности следующего периода и, наконец, полному бездумию столетий драгоценные продукты древнего мира были сохранены для нашего использования в эту эпоху. Разве мы не можем хорошо заметить и восхититься тем провиденциальным вмешательством, которое в этих изменчивых и ненадежных условиях сделало нас наследниками богатства самых отдаленных времен!

Среди тех современных путешественников, которые занимались этими исследованиями, одним из наиболее выдающихся является ученый Тишендорф, чьи труды в области библейской критики стали известны всем читателям в этой области. Этот опытный путешественник обратил свое внимание прежде всего на монастыри Натронных озер. Он посетил их, присоединившись к каравану, следовавшему из Каира в итальянское поселение Кастелло Сибара. “Вскоре после рассвета, “ говорит он, - мы увидели вдалеке слева, посреди пустыни, высокую каменную стену, а еще дальше - вторую. Это были два коптских монастыря. Вскоре вдалеке блеснуло одно из соленых озер с мутными красновато-голубыми водами, и из его камышей выпорхнула стая фламинго. Справа находился замок Чибара; на заднем плане невысокие ливийские холмы образовывали темно-красную границу всей сцены. Около девяти утра мы добрались до места назначения, и я нашел посреди пустыни гостеприимный очаг”. То, что следует далее, хотя и не имеет прямого отношения к нашей непосредственной теме, но и не очень отдаленно связано с ней; и можно процитировать еще несколько предложений.

Во второй половине дня мы совершили экскурсию по полям и озерам селитры. Какое необычное зрелище! Посреди этой песчаной пустоши, где однородность редко нарушается травой или кустарником, есть обширные районы, где селитра вытекает из земли подобно кристаллизированным фруктам. Человеку кажется, что он видит дикую местность, поросшую мхом, сорняками и кустарниками, густо покрытую инеем. И если представить себе эту зимнюю сцену под палящим египетским солнцем, это даст некоторое представление о странности ее вида.

“Наличие этой селитры на песчаной поверхности вызвано испарением озер.... Сами озера нитр, числом шесть, расположенные в просторной долине, между двумя рядами невысоких песчаных холмов, своим темно-синим и красным цветом приятно контрастировали с тусклыми оттенками песка.... На расстоянии нескольких лиг друг от друга находятся четыре коптских монастыря. Я заметил, что руины и монастыри, а также кучи мусора в большом количестве разбросаны по всей округе. Мне сказали, что раньше в этой пустыне было около трехсот коптских монастырей.... Как внешне, так и внутренне эти монастыри очень похожи друг на друга. Иногда квадратные, иногда в форме параллелограмма, они окружены стенами довольно высокой высоты и обычно около ста футов в длину. Из их центра часто выглядывают несколько пальм, поскольку в каждом монастыре есть небольшой садик в пределах его окружения, а также башня, слегка возвышающаяся над стенами и содержащая небольшой колокол.... Внутри стен не видно ничего, кроме старых и полуразрушенных руин, среди которых монахи находят себе пристанище. Башня, которую я только что описал, изолирована от основной части монастыря, и попасть в нее можно только по подъемному мосту, поддерживаемому цепями, предлагая, таким образом, убежище от врагов, которые, возможно, овладели монастырем. Эта башня контролирует вход. Интерьер состоит из часовни, колодца, мельницы, печи и кладовой, которые

понадобятся в случае длительной осады, а также помещения, отведенного под библиотеку.... Кое-где на фресках, украшающих входы в кельи и часовни, мы можем мельком увидеть фрагмент мраморной колонны, или фриза, или какого-нибудь подобного украшения. Таким образом, отвратительное настоящее было построено на великолепии прошлого”.

Разбросанные фрагментарные остатки архитектурного величия отдаленной эпохи по праву могут рассматриваться как свидетельства тех случайных упоминаний об этих же учреждениях, которые встречаются у писателей той эпохи; и, таким образом, литературные свидетельства, касающиеся ветшающих и почти забытых древних рукописей, которые недавно были извлечены из их тайников, как оказалось, хорошо согласуются с видимой историей здания, в котором они так долго хранились.

Ученого путешественника, из дневника которого были сделаны приведенные выше цитаты, в его поисках рукописей опередили несколько европейских ученых; и поэтому он мало что нашел доступного для своей непосредственной цели — сопоставления рукописей Нового Завета. То, что нас сейчас интересует, — это те характеристики восточного застоя и неподвижного упадка, а также монашеское упорство, которые были тем самым средством, обеспечивающим неприкосновенное хранение литературных сокровищ на протяжении бурных столетий. Дряхлые обитатели этих руин бережно хранят традиции более волнующего времени, и в этом им помогают изображения святых и основателей тех времен. Некоторые из этих картин явно очень древние, и каждая последующая серия аббатов и монахов сохраняла их с благоговейным уважением. Вот что говорит Тишендорф:

“Главными живописными изображениями во всех четырех монастырях (тех, которые он посетил) были изображения святого Макария и святого Георгия. В третьем, который носит имя Сирины, или Девы Сирийской, святой Ефрем (Ефрем Сирс, чьи объемистые труды сохранились) пользуется большим почетом. Там мне показали тамариндовое дерево, чудесным образом выросшее из посоха святого Ефрема, который, войдя в часовню, воткнул его в землю снаружи. На втором изображался святой Амбешун как покровитель. На четвертом, помимо святого Георгия, святой Теодор был изображен верхом на коне, с поверженным драконом под ногами.”

Говоря о главной цели своего путешествия, автор говорит:—

“Особым местом, отведенным для библиотеки (в этих зданиях), является палата в башне, куда можно попасть только по подъемному мосту. Ни одно место в монастыре не могло быть более безопасным от визитов братства, чем это. Здесь видны (я говорю о первом монастыре) рукописи, сваленные в беспорядочную кучу. На земле или брошенные в большие корзины, под слоем пыли, найдены бесчисленные фрагменты старых, разорванных и уничтоженных рукописей. Я не увидел ничего греческого; все было либо на коптском, либо на арабском; а в третьем монастыре я нашел немного сирийского и пару листов эфиопского. Большинство рукописей являются литургическими, хотя многие из них библейские. Из четвертого монастыря (о котором сейчас будет упомянуто) англичане недавно приобрели важную коллекцию из нескольких сотен рукописей для Британского музея, и это за очень небольшую плату. В других монастырях, конечно, нет ничего особо важного; и все же многое можно было бы найти, чтобы вознаградить за труд поиска. Сами монахи крайне мало понимают в этом вопросе. Никто из них, вероятно, не знаком с коптским языком, и они просто механически читают уроки своего ритуала. Арабский язык древних рукописей. но немногие умеют читать. Действительно, нелегко сказать, что эти монахи знают помимо рутины своей обычной церковной службы. Тем не менее,

из-за их чрезмерной подозрительности чрезвычайно трудно убедить их предоставить свои рукописи, несмотря на крайнюю нужду, которая их окружает. Возможно, они находятся под контролем своего патриарха. Что касается меня, то я сделал весьма удачное открытие - обнаружил множество листов коптского пергамента шестого и седьмого веков, уже наполовину уничтоженных и полностью погребенных под слоем пыли. Мне их выдали без колебаний, но я заплатил за это открытие сильными болями в горле, вызванными пылью, которую я поднял в сильную жару.... Монахи (которых в конце концов научили ценить свои литературные сокровища) слишком привыкли к визитам англичан и к золоту”.

Среди этих "англичан", чьи визиты и чье золото испортили добрых монахов египетской пустыни, одним из наиболее известных является достопочтенный Дж. Роберт Керзон-младший, чья занимательная книга, опубликованная около десяти лет назад, довела его забавные приключения до сведения большинства людей, которые вообще читают. Несмотря на дурную славу открытий этого выдающегося путешественника и его успехов в пустыне, было бы упущением того, что очень важно для нашей аргументации, не процитировать несколько абзацев из его отчета о “Посещениях монастырей в Леванте”.

Сохраненные — каким бы противоречием это ни казалось — именно благодаря пренебрежению и невежеству, глупости и безрассудству тех, на чьем хранении они находились, наиболее ценные рукописи часто использовались для самых низменных целей. Ученому путешественнику, упомянутому мистером Керзоном, когда он интересовался рукописями, сказали, что в монастыре их нет; но когда он вошел на хоры, чтобы присутствовать на службе, он увидел двойной ряд длиннородых святых отцов, выкрикивающих "Kyrie eleison", и каждый из них стоял, чтобы уберечь свои босые ноги от сырости мраморного пола, на большом фолианте, который был изъят из монастырской библиотеки и применен в практических целях упомянутым здесь способом. Эти тома, некоторые из которых были очень ценными, этому путешественнику было позволено унести с собой в обмен на несколько скамеечек для ног или пуфиков, которые он подарил монахам.

Мистер Керзон посетил Левант в 1833 году и в последующие годы: его описание монастырей близ Натронных озер мало чем отличается от описания уже цитировавшегося путешественника; но ему повезло в его исследованиях не только как первому встречному, но и как более обеспеченному средствами для покупки, а также, возможно, более опытному в дипломатии, которой требовал данный бизнес. Коптские рукописи, которые он нашел в одном из этих монастырей, в большинстве своем лежали на полу, но некоторые находились в нишах в каменной стене; все, кроме трех, были на бумаге. Один из них на пергаменте представлял собой превосходную рукопись Евангелий с комментариями первых отцов Церкви; два других служили крышками для пары больших открытых горшков или банок, в которых хранились давным-давно выпаренные консервы. “Мне разрешили приобрести эти рукописи на пергаменте, поскольку монахи сочли их бесполезными; главным образом, я полагаю, потому, что в банках больше не было варенья”. На полу лежал прекрасный коптский и арабский словарь, который монахи тогда не захотели продавать, но несколько лет спустя их нежелание было преодолено более щедрым предложением. С помощью соблазнительной бутылки он добился доступа в давно забытый подвал или хранилище, битком набитое рукописями на всех стадиях ветхости, но некоторые из которых были спасены и вывезены.

Описание, данное этим путешественником, сначала пустыни, а затем контраста, создаваемого интерьером одного из этих монастырей, позволит нам понять привлекательность этого уединенного образа жизни для многих, кто удалился в него от тревог открытого мира. Особенно для людей с оседлым образом жизни и литературными привычками это было бы особенно привлекательно; и они нашли бы свое счастье на протяжении долгих лет в занятии переписыванием книг. Таким образом, мистер Керзон представляет нам вышеупомянутый контраст. Он говорит: —

“Тем, кто не знаком с обликом такого региона, как этот, может быть, стоит объяснить, что пустыня, подобная той, что сейчас окружала меня, больше всего на свете напоминает пыльную магистраль в Англии в жаркий летний день, простирающуюся бесконечно как в длину, так и в ширину. Местность с низкими округлыми холмами, поверхность которых полностью состоит из гравия, пыли и камней, даст хорошее представление об общем виде пустыни. И все же, несмотря на крайнюю выжженность и унылость из-за их обширности и открытости, есть что-то величественное в тишине и одиночестве этих пылающих равнин; и кочующие племена бедуинов, населяющие их, редко довольствуются долгим пребыванием в узких замкнутых пределах возделанной земли. В пустыне всегда дует свежий бриз, за исключением тех случаев, когда дует ужасный горячий ветер; и воздух здесь более эластичный и чистый, чем там, где растительность производит испарения, которые во всех странах с жарким климатом более или менее тяжелы и вредны. Воздух пустыни всегда полезен для здоровья, и ни одна раса людей не пользуется большим освобождением от слабости, болезней и недугов, чем дети пустыни, которые проводят свою жизнь в скитаниях туда-сюда в поисках скудной травы, которой питаются их стада, вдали от забот и хлопот оживленных городов и свободны от гнета, который угнетает полуголодных земледельцев плодородной почвы Египта.

“В то время как со своего возвышения я смотрел налево, на могучую пустыню, справа от меня открывалась совершенно иная картина! Там, под моими ногами, раскинулся монастырский сад во всей свежей роскоши тропической растительности. Гроздь раскидистых пальм осеняли огромные сочные листья банана, которые, в свою очередь, поднимались из зарослей граната с его ярко-зелеными листьями и соцветиями того прекрасного и ярко-красного цвета, который превосходит немногие даже из самых ярких цветов Востока. Они контрастировали с глубокой темно-зеленой карубелью, или саранчовым деревом; а желтые яблоки лотоса соперничали с гроздьями зеленых лаймов с их сладкими белыми цветами, которые пышно разрослись в климате, слишком жарком и душном для золотистых плодов апельсина, которых не встретишь в долине Нила. Цветы и прекрасные ветви, источающие богатый аромат и несущие свежесть в самом своем облике, стали еще красивее из-за контраста с унылыми засушливыми равнинами за стенами монастыря, и это большое отличие объяснялось исключительно наличием в этом месте колодца с водой, из которого лошадь или мул постоянно черпали питательные ручейки, питавшие буйную растительность этого монастырского сада”.

Если мы перенесем эту картину в те времена, когда эти нитрийские монастыри были целостны по своей структуре и имели все, что присуще хорошо оборудованному религиозному учреждению, — когда императорская милость и покровительство богатых были в распоряжении общины, — мы можем быть склонны думать, что монастырская жизнь могла показаться завидной многим в те времена, когда мир бушевал в штормах открытого мира. Без сомнения, это спокойное существование имело свои прелести даже для тех, кто от многого отказался, похоронив себя в монастыре. Как, должно быть, привлекательно это было для тех, кто ничего не

терял при совершении обмена и кому обет бедности фактически приносил с собой освобождение от нужды, суматохи, труда, невзгод! Именно поэтому в этих заведениях кельи всегда были полны, а трапезные залы всегда были полны гостей.

Живой писатель, у которого мы процитировали отрывки чуть выше, по-видимому, почерпнул свое представление об основателях этих религиозных домов из абсурдной легендарной литературы более позднего времени. Если бы он только взял на себя труд ознакомиться с дошедшими до нас трудами некоторых из этих замечательных людей, он, возможно, стал бы думать о них более достойно, и тогда он немного сократил бы количество насмешек, которыми он их осыпает. Как, например, великий Святой египетских монахов — святой Макарий, о котором и его аскетизме в “Воспоминаниях Лозьяка” и в других книгах того же класса в изобилии рассказывается ребяческая нелепость, на основании достаточных доказательств считается автором Проповедей и трактатов, свидетельствующих об искреннем и трезвомыслящем благочестии, далеком от экстравагантности и глупой показухи, которыми его позднейшие биографы наделили его более широкую известность.

Для нашего настоящего аргумента уместно сказать, что существование в четвертом и последующих веках произведений, столь по существу хороших, как произведения этого Макария и других, указывает на гораздо более высокое состояние христианской общины в те времена, чем мы могли бы представить, изучая монашескую литературу более поздних эпох. По правде говоря, именно существенные заслуги многих раннехристианских писателей дали толчок рвению и усидчивости переписчиков. У нас есть доказательства этого в частом появлении произведений выдающихся писателей четвертого века среди ныне заброшенных груд египетских и других монастырей.

От того же автора — мистера Керзона, мы можем процитировать описание абиссинского копировального аппарата, библиотеки и писателей, которые там работали, — как иллюстрацию того, что было подтверждено в предыдущих главах.

Библиотека, или консистория, некоторых абиссинских монахов также служила им трапезной:—

Когда я отметил количество книг, которые я видел вокруг себя, монахи, казалось, гордились своей коллекцией и сказали мне, что в их стране не так много таких библиотек, как эта. Там было, наверное, около пятидесяти томов; и поскольку вся литература Абиссинии включает не более чем вдвое большее количество произведений, я мог легко представить, что то, что я видел вокруг, составляло очень значительное скопление рукописей, учитывая варварское состояние страны, из которой они пришли. Расположение рукописей в этой библиотеке было очень оригинальным.... Комната была около двадцати шести футов в длину, двадцати в ширину и двенадцати в высоту; крыша была сделана из стволов пальм, поперек которых был уложен тростник, поддерживавший массу земли и штукатурки, из которых была сложена крыша террасы. Стены изнутри были оштукатурены белой известью; окна, находившиеся на приличной высоте от земли, не были застеклены, но были защищены решетками из железного дерева или какого-нибудь другого твердого дерева; дверь открывалась в сад, и ее замок, тоже деревянный, был той особой конструкции, которая использовалась в Египте с незапамятных времен. Вдоль стен, на высоте верхней части двери, тянулась деревянная полка в египетском стиле; и на этой полке стояли различные блюда, бутылки и миски для нужд общины. Под полкой из стены торчали несколько длинных деревянных колышков; каждый длиной около полутора футов, и на них висели абиссинские рукописи, из которых полностью состояла эта любопытная библиотека.

“Книги Абиссинии переплетены обычным способом, иногда в красную кожу, а иногда в деревянные доски, на которых иногда искусно вырезаны грубые приспособления: затем они заключаются в футляр, перевязанный кожаными ремешками; к этому футляру прикреплен ремешок для удобства ношения тома через плечи, и с помощью этих ремешков книги подвешивались к деревянным колышкам, по три или четыре на колышке, или больше, если книги были небольшими: их обычный размер равнялся небольшому, очень толстому кварто”.

Говорят, что для написания книги на абиссинском языке требуется труд

“на подготовку одного тома уходит огромное количество, а иногда и многие годы. Почти все они написаны на коже; единственная, с которой я встретился, написанная не на пергаменте, находится в моем распоряжении; она находится на *charta bombycina*. Чернила, которыми они пользуются, состоят из смолы, лампадно-черного цвета и воды. Они черные как смола и сохраняют свой цвет вечно. Действительно, в этом отношении все восточные чернила бесконечно превосходят наши, и у них есть дополнительное преимущество в том, что они не вызывают коррозии и не наносят вреда ни перу, ни бумаге. Их перо представляет собой тростинку, обычно используемую на Востоке, только кончик сделан острее, чем требуется для написания арабских иероглифов. Чернильница - это обычно маленький конец коровьего рога, который втыкают в землю у ног писца ... сидящий на земле держит квадратный кусок толстого засаленного пергамена на колене или на ладони левой руки. Абиссинский алфавит состоит из восьми раз по двадцать шесть букв, всего двести восемь знаков; и каждый из них написан отчетливо и отдельно, как буквы европейской печатной книги. В них нет скорописи; поэтому каждая буква нарисована, так сказать, тростниковым пером, и когда писец заканчивает каждую, он обычно корчит ужасную гримасу и торжествующе взмахивает пером. Таким образом, он продолжает читать букву за буквой, и прежде чем он добирается до конца первой строки, его, вероятно, бросает в пот от нервного предчувствия важности своего предприятия. Одна страница - это хорошая дневная работа; и когда он ее заканчивает, он обычно, если не слишком напряжен, следует обычаю всех маленьких арабских мальчиков и покачивает головой или туловищем из стороны в сторону, отбивая такт своего рода носовым речитативом, без помощи которого, казалось бы, мало кто может прочесть хотя бы главу из Корана, хотя они могут знать ее наизусть”.

Привычки восточных народов претерпевают так мало изменений с течением веков, что, вероятно, эти описания вещей в том виде, в каком они есть сейчас, мало отличались бы от аналогичного графического описания тех же операций, датированного тысячу лет назад. Там, где жизненные искусства остаются в их грубом состоянии, все те операции, которые зависят от них, продолжают почти так же. Мы можем заключить это из идентичности многих орудий труда, которые сейчас можно увидеть в музеях, с теми, которые в настоящее время используются в тех же странах; и тот же вывод подтверждается тем, что мы встречаем в иллюстрациях к древним рукописям, которые часто демонстрируют обычаи и методы обычной жизни; точно так же мы видим, что китайцы демонстрируют украшения своих гончарных мастерских и ширмы.

“Кисть для рисования, которой пользуются иллюминаторы Египта, изготавливается путем пережевывания конца тростинки до тех пор, пока она не превратится в нити, а затем придания ей надлежащей формы: кисти для рисования древних египтян изготавливались таким же образом; а превосходные веники для обычных целей изготавливают в Каире, отбивая толстый

конец пальмовой ветви до тех пор, пока волокна не отделятся от сердцевины; верхняя часть, которая не отбита, становится ручкой веника. Абиссинец, покусав и пожевав свою трость до тех пор, пока не решит, что ее хватит, продолжает заполнять промежутки между нарисованными контурами своими красками; ... краски смешиваются с яичным желтком, а многочисленные ошибки и соскальзывания кисти исправляются салфеткой с мокрого пальца, которую художник обычно держит наготове во рту во время работы; и хорошо, если он не откусит ее в муках композиции, когда нетвердой рукой глаз какого-нибудь знаменитого святого размазывается по всему носу из-за неудачного поворота обгрызенной палочки”.

Эти описания восточного литературного ремесла, возможно, не в состоянии донести до нас то, что можно было увидеть в копировальной комнате *греческого* монастыря тысячу лет назад; но что касается технической части операции, то даже тогда она не была намного эффективнее. Ибо оказывается, что копии, выполненные тем, что европейцам кажется самым грубым способом — в том, что касается аппарата, приспособлений и приспособлений для размещения, — часто отличаются большой красотой — терпеливое мастерство и ловкость переписчика и художника, который никогда не спешит в своей работе, восполняя недостатки своих назначений.

Исследования мистера Керзона в этих нитрийских монастырях, хотя и не первые, предпринятые европейскими путешественниками и учеными, вновь привлекли к ним внимание образованных людей; и результатом стало обнаружение очень многих литературных сокровищ, которые в противном случае вскоре пришли бы в состояние безвозвратного упадка. Из этих восстановленных сокровищ миру только сейчас предстал весьма замечательный образец; и читатель может ознакомиться с ним, если у него будет возможность взять в руки роскошное издание кварто, озаглавленное “Остатки очень древней редакции Четырех Евангелий на сирийском языке, доселе неизвестной в Европе; обнаружено, отредактировано и переведено Уильямом Кьюретоном, доктором медицинских наук и проч., 1858”.

Отчет, который ученый редактор дает об этом томе, хорошо согласуется с тем представлением о порядке вещей в нитрийских монастырях, которое было представлено нам в описаниях м-ра Керзона о том, что он там обнаружил. Из его Предисловия мы узнаем, что...

Рукопись, с которой был напечатан текст Фрагментов Евангелий, содержащихся в этом томе, была одной из тех, что были получены в 1842 году архидьяконом Таттамом из сирийского монастыря, посвященного святой Марии Дейпаре, Матери Божьей, в долине Натронных озер. Она состояла из частей трех древних копий, связанных вместе, чтобы сформировать том из Четырех Евангелий, с несколькими листами, написанными более поздним почерком, добавленными для восполнения недостатков”.

Примечание, добавленное к последнему листу тома, похоже на то, которое обычно можно найти в конце подобных рукописей. В нем переписчик посвящает свой труд во славу Святой Троицы и вверяет себя молитвам тех, кто может его прочесть, которые становятся действенными по молитвам “Матери Божией и всех святых непрестанно”. Эта заметка датирована 1533 годом по греческому летоисчислению, что соответствует 1221 году н.э. Лист, на котором сделана эта заметка и который содержит некоторые стихи Евангелия от святого Луки, представляет собой пергаментный палимпсест, “который ранее был частью рукописи шестого или седьмого века и первоначально содержал часть первой главы святого Луки на сирийском языке”.

На первом листе того же тома есть заметка, сделанная более древним почерком; на этот счет:

“Эта книга принадлежала монаху Хабибаю, который подарил ее святому монастырю церкви Дейпара, принадлежащему сирийцам в пустыне Ските. Пусть Бог, изобилующий милостями и состраданием, ради славного имени которого он выделил и даровал это духовное сокровище, простит его грехи и простит его недостатки, и причислит его к Своим избранникам в день воскресения его друзей, по молитвам всего круга святых! Амен, Амен.—Сын Бога живого, в час Твоего суда пощади грешника, написавшего это!”

Способ, которым был составлен этот том, характерен для времени, в которое он был написан, и для того союза религиозного чувства и литературной (не беспечности, но) ненаблюдательности, которые присущи монашескому образу жизни после того, как он перешел в свое инертное и бездумное состояние. Доктор Кьюретон говорит , что

“том, содержащий Фрагменты, которые сейчас публикуются, был взят, как может показаться, почти случайно, без какого-либо иного соображения, кроме того, что они должны быть одинакового размера, а затем скомпонован так, чтобы получилась полная копия Четырех Евангелий. В Нитрийской библиотеке было еще несколько томов, составленных таким образом. Человек, который их расставлял, по-видимому, не имел намерения подбирать разрозненные части одного и того же оригинального тома, который развалился на куски, а просто взял первые попавшиеся под руку листы, которые могли бы послужить для завершения копии Евангелий, а затем связал их вместе. Таким образом, случилось так, что части трех или четырех рукописей были найдены вперемешку с тремя или четырьмя другими, написанными в разное время и разными переписчиками; и иногда, действительно, даже разного размера, очевидно, без учета каких-либо других обстоятельств, кроме как для того, чтобы просто идеально передать контекст”.

Насколько это было возможно, это смешение листов было исправлено путем приведения соответствующих частей одного и того же экземпляра снова в их первоначальное соответствие, так что получились непрерывные копии нескольких разных рукописей. В один том, такой, как он был получен из нитрийского монастыря, были включены несколько листов толстого пергамента, по—видимому, переписанных в шестом или седьмом веке и написанных очень крупным, жирным почерком, с разделением разделов - некоторые из очень тонкого белого пергамента, крупным почерком, в две колонки, похожие на первые; но, по-видимому, несколько более старые; а некоторые в другом стиле и с другими датами.

Доктор Кьюретон выражает свое убеждение (по крайней мере, в отношении отдельных частей) того, что было восстановлено таким образом, что они были переписаны примерно в середине пятого века; и что они представляют собой текст — особенно в том, что касается восстановленных частей Евангелия от Матфея, — который был неизвестен европейским ученым; и, следовательно, “имеет первостепенное значение для критического упорядочивания текста Евангелий”.

Использование этого древнего экземпляра не является предметом, должным образом относящимся к данной книге; но будет хорошо, если читатель сам увидит чрезвычайно важные факты, которые, можно сказать, связаны воедино в случае такого рода. Давайте тогда перечислим их; и мы можем сделать это с тем большим удовлетворением, поскольку они так недавно стали достоянием гласности; и потому, что, также, пример, взятый во всех его обстоятельствах, может служить достаточно репрезентативным для очень многих из тех,

которые составляют доказательства, приводимые в доказательство безопасной передачи древних книг в наше время.

Церковные писатели четвертого и пятого веков часто ссылаются на монастырские учреждения Скетической пустыни.^[6] В этих религиозных домах, хорошо упорядоченных и богато обставленных, какими они были в те времена, переписывание книг было основным занятием тех отшельников, которые в силу своих привычек и вкусов были склонны заниматься этим. Время от времени появляются упоминания об этих учреждениях, вплоть до магометанской эпохи; когда, хотя некоторые монастыри были разобраны или разграблены, арабские завоеватели относились к большинству из них снисходительно или даже благоговейно. Несколько сарацинских писателей упоминают нитрийские монастыри в стиле восточного восхваления. С разной судьбой главные из них — особенно церковь Святой Марии Дейпары — сохраняли свое существование и временами даже находились в состоянии расцвета в так называемые Темные века. Библиотеки значительно пополнились, и особенно в том, что касается сирийских и арамейских книг, которые были привезены из аналогичных учреждений Месопотамии и более отдаленного Востока. Случайные упоминания, свидетельствующие о продолжении существования и, в некоторой степени, о том, что мы могли бы назвать жизнеспособностью, четырех или пяти из этих нитрийских религиозных домов, можно почерпнуть у авторов, которые последовательно ссылаются на Египет и его церковные дела — вплоть до современности — или, как мы должны были бы сказать, на возрождение образования в Европе. Арабский автор пятнадцатого века утверждает, что монастырей, которых раньше было сто, в его время было всего семь; но он указывает на монастырь святого Макария и говорит о нем как о прекрасном здании, хотя его обитателей было немного.

Следовательно, примерно с этого времени, а именно с пятнадцатого века и до наших дней, эти древние сооружения с их дозорными обитателями, безмозглыми стражами всего, что в них могло находиться, оставались гробницами, не подверженными никаким иным вторжениям или разграблениям, кроме как со Временем. Пыль одного года осела на пыль предыдущих лет, в этих похожих на печи сводах, по прошествии четырех столетий. Некоторые особые обстоятельства способствовали сохранению рукописей, хранящихся в этих гробницах, и их следует иметь в виду. Среди них, *первое*, дремлющее невежество монахов вместе с неосведомленным суеверием, с которым они охраняют свои библиотеки: наряду с этим ревность монахов к своим настоятелям; братья всегда подозревали своих настоятелей в намерении похитить книги, которые считались собственностью общины, и совершить с ними торговлю. Опять же, следует обратить внимание на обычай переписчиков и владельцев дорогостоящих рукописей, а именно на то, что к последней странице книги прилагается примечание, обрушивающее проклятия на любого, кто осмелится в любое отдаленное время распорядиться книгой или отчуждать ее для своей личной выгоды. Не менее эффективным из этих консервативных обстоятельств было то, что в некоторых случаях все содержимое монастырской библиотеки — в какой-то момент опасности, когда враг грохотал у ворот — было убрано в подвал или хранилище и там завалено мусором — в безопасности на сто или более лет. Именно в таком состоянии большая часть рукописей, которые сейчас бережно хранятся в Британском музее, была обнаружена теми, кому недавно удалось их похитить.

На протяжении последних четырех столетий монастыри египетской пустыни часто посещались европейскими путешественниками и образованными людьми. Среди них был Роберт Хантингтон, впоследствии епископ Рафо, чья коллекция восточных рукописей нашла свое

пристанище в Бодлианской библиотеке: этот визит состоялся в 1678 или 1679 году. Знаменитый Джозеф Симон Ассеман в 1715 году, которому предшествовал его двоюродный брат Элиас, изучил эти коллекции и привез, чтобы обогатить Ватикан, небольшое количество книг — на арабском, коптском и сирийском языках. Примерно в то же время иезуит Клод Сикар посетил те монастыри, которые все еще были заселены, и обнаружил книги, упакованные в сундуки, покрытые пылью и в запущенном состоянии; они были убраны в башню или цитадель (упомянутую выше).

В качестве иллюстрации того, что мы сказали относительно упорства монахов, отказывающихся расстаться со своими книгами, мы можем привести свидетельство путешественника — сьера Гранже, посетившего монастыри Натрон в 1730 году. Он говорит, что здания в то время приходили в упадок, а пыль уничтожала книги и манускрипты, которыми монахи вообще не пользовались. Их собственный патриарх заверил их, что суммы, которую принесут книги, будет достаточно, чтобы позволить им восстановить свои церкви и заново отстроить кельи; но они заявили, что предпочли бы быть похороненными в руинах. Лорд Прадхо посетил монастыри в 1828 году. После долгих трудностей он получил доступ в комнату, в которой был люк, через который он “спустился со свечой в руке, чтобы осмотреть рукописи, где книги и части книг, а также разбросанные листы на коптском, эфиопском, сирийском и арабском языках лежали грудой, на которой, - говорит он, - я стоял.... На первый взгляд казалось, что в результате какой-то внезапной чрезвычайной ситуации вся библиотека была сброшена в целях безопасности в этот люк, и что они оставались нетронутыми в своей пыли и заброшенности в течение нескольких столетий”.[7]

Таким образом, мы нащупываем свой путь из века в век, не сводя глаз с тех остатков далекого времени, безопасная передача которых является нашей непосредственной темой. В этом переходе мы сейчас достигаем берегов того времени, в которое живем. Те фрагменты Евангелий, о которых мы уже упоминали, и многие другие чрезвычайно важные рукописи, которые сейчас находятся в Британском музее, были получены в разное время доктором Таттамом (архидьяконом Бедфорда), который дважды посещал Египет специально с этой целью. В одном из таких монастырей, в хранилище, рукописи и фрагменты книг покрывали пол глубиной в восемь дюймов, где они пролежали, по-видимому, много лет. Затем было приобретено целых 317 книг, полностью или частично, и они благополучно достигли места назначения: большинство из них на пергаменте; некоторые на бумаге - все на сирийском, арамейском или коптском; и это, вместе с ранее приобретенными, составило 360 томов рукописей. Некоторые из этих томов содержат два, три или четыре отдельных произведения, написанных в разные периоды, но связанных вместе: — в общей сложности, возможно, содержат не менее тысячи рукописей, происходящих из Месопотамии, Сирии и Египта и относящихся к разным временам, с пятого по тринадцатый век. На самом деле, теперь выясняется, что некоторые из них имеют гораздо более высокую древность, чем пятое столетие.

С течением времени, по мере того как магометанское влияние распространялось по всему Востоку и становилось все более замкнутым и нетерпимым, христианские отшельники Месопотамии, Сирии и Аравии постепенно удалялись или были изгнаны на запад, принося с собой, когда могли это сделать, свои книги. Таким образом, монастыри египетской пустыни стали хранителями этих рукописей на языках Востока, и особенно Сирии и Аравии.

Отдельные книги Ветхого и Нового Завета или их фрагменты в изобилии хранятся в этих восстановленных хранилищах. Литургии и Жития Святых, а также поддельные Евангелия и произведения раннехристианских авторов вместе с канонами Соборов также в значительной степени присутствуют среди них; и в целом, отсюда появилось много дополнений к религиозной литературе и несколько к классической литературе. Среди этих находок, хранящихся в отделе христианской литературы, мы должны назвать три послания святого Игнатия, которые считаются единственными подлинными посланиями этого отца. Фрагменты также того, что называется Праздничными посланиями св. Афанасия на сирийском языке был найден таким же образом; и обстоятельства, относящиеся к этому единственному случаю, как они изложены ученым редактором, настолько характерны для времени и мест, которые мы сейчас имеем в виду, что о них можно должным образом сообщить в этом месте; тем более что публикации, в которых впервые появились эти отчеты, такого рода, которые редко попадают в поле зрения обычных читателей.

У патриархов — и, следовательно, у Афанасия, в течение сорока лет его официальной жизни — был обычай ежегодно направлять циркулярное письмо своему духовенству, информируя их о дне, в который должны быть совершены пасхальные торжества. До наших дней дошли лишь некоторые фрагменты этих Посланий в греческом оригинале. Но теперь на свет появилась сирийская версия многих из них.

Сокровища сирийской литературы, добытые доктором Таттамом в Египте, как мы уже упоминали, были переданы на хранение в Британский музей: это была огромная масса — хаос рукописей и фрагментов; там были тома, и части томов, и отдельные листы, и разорванные фрагменты листов, большие и маленькие. Эта масса смешанных материалов была передана на попечение доктора Кьюретона, как принадлежащая его отделу; и его обязанностью стало исследовать их в целом и составлять отчеты о них — задача, которая, казалось, бросала вызов человеческому мастерству и трудолюбию. Этот труд, который поначалу казался не требующим дополнения, был, однако, впоследствии удвоен прибытием другой мессы, почти равной первой; ибо выяснилось, что монахи, получавшие плату как за всю свою библиотеку, ухитрились утаить значительную часть всего; которая, однако, впоследствии была получена посредством дополнительной оплаты.

Кропотливая обработка этих материалов — часть за частью — привела к появлению нескольких сирийских версий трактатов, названия которых были известны, но греческие оригиналы которых были утеряны. Среди них, претендующие на то, чтобы быть замеченными, некоторые труды Евсевия, церковного историка; и вместе с ними “Теофания”, или “Явление Христа”, английский перевод которой был опубликован покойным доктором Ли. Судя по датам, приложенным к рукописи этого сирийского труда, ей не менее полутора тысяч лет, и фактически она была написана всего на несколько лет позже времени публикации оригинального трактата.

Доктор Кьюретон упоминает любопытное обстоятельство, связанное с одной из этих древних рукописей. К одному из листов этой рукописи, находящемуся в середине тома, прикреплена записка следующего содержания: “Смотрите, братья мои, если случится так, что конец этой древней книги будет оторван и утерян вместе с подписью автора и окончанием, в конце ее было написано так: а именно. что эта книга была написана в Орруа, городе Месопотамии (Эдессе), руками человека по имени Иаков, в семьсот двадцать третьем году, в последний месяц Тишрин, когда она была завершена; и в соответствии с тем, что было написано там, я написал также

здесь, без дополнений, и что я написал в тысяча триста девяносто восьмом году греческой эры”.

Эти даты, согласно нашей эре, соответствуют 411 году нашей эры, когда была переписана книга, и 1086 году нашей эры, когда была переписана записка. То, что этот автор предполагал как вероятное, действительно имело место; ибо конец листа, содержащего первоначальную запись переписчика, был оторван и утерян; какой же малой тогда казалась вероятность того, что действительный фрагмент избежал стольких рисков полного уничтожения и что его удастся восстановить. И все же это было так! В массе фрагментов, которые впоследствии были получены и доставлены в Англию, было несколько беспорядочно составленных связок, состоящих из отдельных листьев или частей листьев, которые на самом деле были собраны и подметены с пола после того, как были подняты основные тома.

“Один за другим, ” говорит доктор Кьюретон, “ я развязал свертки (их было около двадцати) и старательно и жадно исследовал их содержимое. Открыв четвертый, я был восхищен, узнав два фрагмента, принадлежащих к одной из страниц этой драгоценной книги; в следующем я обнаружил третий: а теперь, читатель, если ты хоть немного любишь летописи древности; если ты испытываешь родственный энтузиазм в подобных занятиях; если ты когда—либо испытывал удовлетворение от того, что смутные ожидания постепенно превращаются в реальность, а напряженное исследование вознаграждается успехом, — вещи, которые редко случаются с нами в этом мире разочарований, - я предоставляю твоему собственному воображению описать ощущения, которые я испытал в тот момент. , когда развязался шнурок седьмого свертка, моему взору предстал небольшой фрагмент красивого пергамента, написанный хорошо знакомым почерком, на котором я прочел следующие слова.”...

Эти слова принадлежали переписчику оригинала, которые были скопированы, как упоминалось выше, и приложены к другой части тома, и которые датировали его указанным выше временем. Сама эта записка была разорвана, но ее сохранилось достаточно, чтобы подтвердить сообщаемые факты. Первое предложение этой записки написано красным, второе - желтым, а третье - черным. Таким образом, доктор Кьюретон представляет вниманию ряд фактов, связанных с этой рукописью; и их изложение, которое мы сокращаем, вполне соответствует нашей настоящей цели. Это было написано в стране, которая была местом рождения Авраама, Отца Верующих, и в городе, король которого был первым монархом, принявшим христианство; это было написано в 411 году от Рождества Христова. Впоследствии он был перевезен в долину аскетов в Египте, вероятно, в 931 году нашей эры, и подарен монастырю Святой Марии Дейпара. В 1086 году нашей эры какой-то предусмотрительный человек, опасаясь, как бы память о транскрипции столь ценной книги не была утеряна, принял меры предосторожности и скопировал ее в основной текст тома. Неизвестно, в какое время по прошествии столетий этот страх осуществился; но когда книга увидела свет в 1839 году, это уже имело место; и в том же году она была перенесена из уединения африканской пустыни в Лондон. Три года спустя два фрагмента из него последовали в Англию; а в 1847 году были найдены и восстановлены на своих местах другие части; и тогда же в куче фрагментов было найдено собственное уведомление переписчика о дате его трудов, прикрепленное к листу, из которого оно было вырвано. Несмотря на множество случайностей и пройдя через страны Азии, Африки и Европы, она продержалась на своем пути в течение тысячи четырехсот тридцати шести лет. Итак, вот

показательный пример, подтверждающий факт безопасной передачи древних книг в наше время.

О других примерах, не менее поразительных, чем этот, сообщается в брошюре, откуда мы взяли приведенный здесь. Один из них — это палимпсест, на котором были обнаружены следы очень древней копии "Илиады", отчетливо видимые под сирийской версией неизвестного автора.

Подписки монастырских переписчиков характерны для того времени и для чувств людей, чьему усердию мы обязаны всем, что связано с древностью. В качестве примера можно привести следующее, и это один из многих примеров подобного рода:—

“Эта книга принадлежит Даниилу, светскому пресвитеру и посетителю провинции Амида, который проявил усердие и приобрел ее для пользы себя и тех, кто, одержимый тем же предметом любви к божественному наставлению, может приблизиться к ней и пожелать извлечь пользу из содержащейся в ней истины в своей жизни. Но бедный Симеон, пресвитер и затворник, находящийся в святом монастыре милорда Симеона Картаминского, переписал это. Поэтому пусть каждый, кто просит об этом, чтобы он мог прочитать в нем или написать с него, ради любви к Богу, помолился за того, кто проявил усердие и получил это, и за писца, чтобы он обрел милость в день суда, подобно разбойнику, который был одесную (креста), по молитвам всех святых, и особенно святой, славной и вечной Девы, Божьей Матери Марии. Аминь, и аминь, и еще раз аминь”.

Другая из этих подписок заканчивается следующим образом:—

“Всякий, кто заберет этот том из того же упомянутого монастыря, да постигнет его гнев Господень в этом мире и в следующем, во всю вечность. Аминь”.

Эти проклятия не были бессильными формами; ибо они сильно завладели умами и совестью тех, кто хранил литературные сокровища каждого монастыря; и нередки случаи, когда религиозный (мы не должны называть это суеверным) страх служил противовесом низменным мотивам, к которым апеллировали собиратели рукописей. Должны ли мы обвинять или презирать нуждающихся братьев, которые заявляли о своей готовности быть похороненными под развалинами своих монастырей, вместо того чтобы осквернять свою совесть, принимая золото за свои книги? Эти сомнения — если такое слово уместно использовать в данном случае — в конце концов отступили, и Европа — или образованные люди повсюду в ней — обратят во благо добытую таким образом добычу.

Чуть выше ([стр. 253](#)) мы привели пример, в котором мы можем с уверенностью проследить наш путь от Печатного станка этого самого года, прослеживая историю Рукописи до отдаленного возраста переписчика, которым она была выполнена. Другой экземпляр, отличающийся от этого по своим обстоятельствам, только сейчас появился в столь желанном виде. Мы имеем в виду издание кардиналом Май — в пяти томах кварто - знаменитой Ватиканской рукописи Ветхого и Нового Завета (первый, конечно же, на греческом языке Септуагинты). Давно известно, что в библиотеке Ватикана хранился манускрипт глубокой древности и огромной ценности; но который охранялся с такой ревностью, что беглый взгляд на него — или, самое большее, краткое изучение нескольких его мест - был величайшей милостью, которую можно было получить от папских властей. Несколько библеистов посетили Рим специально с целью

осмотра этих драгоценных останков, но без особого успеха. Один из последних из них — доктор Трегелль — так описывает это: —

“Эта РУКОПИСЬ написана на очень тонком пергаменте; буквы мелкие, правильной формы, унциальные; на каждой странице по три колонки (за некоторыми исключениями): автор оригинала не ставил ни ударений, ни придыханий, но они были добавлены более поздней рукой; они, однако, написаны таким изящным почерком и чернилами, цвет которых настолько выцвел (если вообще когда-либо были полностью черными), что некоторые, внимательно изучившие рукопись, подумали, что ударения и придыхания не были дополнениями к тому, что было написано изначально. Однако установленным фактом является то, что они были сделаны более поздним корректором: это подтверждается микроскопическим исследованием, а также их пропуском в тех местах, в которые более поздняя рука внесла исправления; и также можно отметить, что если бы первоначальный переписчик написал эти мелкие штрихи теми же чернилами, что и буквы, они, конечно, выцвели бы в той же пропорции и, таким образом, теперь были бы различимы лишь с трудом.

“Внешний вид этой рукописи сейчас необычен; поскольку после того, как старые чернила значительно выцвели, кто-то взял на себя труд подретушировать буквы повсюду; вероятно, это было сделано для того, чтобы сделать их более разборчивыми для фактического использования. Однако, когда этот *реставратор* отличался от первоначального переписчика орфографией, он оставлял буквы нетронутыми; а иногда кажется, что он исправил показания или, по крайней мере, они исправлены чернилами аналогичного цвета; и курсивными буквами.

“Эта РУКОПИСЬ лишена вставок; и единственное сходство с ней можно найти в небольшом промежутке, оставленном между буквами там, где начинается новый раздел. Начальные буквы, оставленные первым переписчиком, не крупнее остальных; но более поздняя рука добавила большую начальную букву на полях и стерла (полностью или частично) первоначальный инициал”.

Об этой ватиканской рукописи утверждается, что “о ее древности свидетельствуют ее палеографические особенности, буквы, во многих отношениях даже напоминающие те, что встречаются в Геркуланумских свитках; форма книги, шесть столбцов у каждого отверстия, по внешнему виду немало напоминающие часть *свернутой* книги; единообразие букв и отсутствие всякой пунктуации”: все эти моменты рассматриваются как указывающие на высокую древность. Доктор Трегеллс добавляет, что он только что получил одну косточку от еврейского свитка; и общий эффект от этой части книги в свернутом виде, если смотреть на нее саму по себе, удивительно напоминает страницу Ватиканского кодекса ... история этого фрагмента на иврите своеобразна, поскольку он был найден в сухой шахте под мечетью Омара в Иерусалиме — на месте древнего Храма. Три колонки содержат Книгу Бытия xxii. 1—xxiv. 26. Материал представляет собой красную кожу, подготовленную для письма только с одной стороны.

Те, кто занимается критикой Священного Писания, давно искали достоверное издание этой знаменитой рукописи; и наконец она была предоставлена миру. В течение многих лет покойный кардинал Май был занят выполнением этой задачи; и хотя он не дожил до того, чтобы увидеть ее фактическую публикацию, он позаботился о ее появлении. Что касается точности этого издания, то здесь нам нечего делать. — говорят, что оно не совсем безупречно; но, возможно, ошибок в нем так мало, как следовало ожидать, учитывая должным образом огромный труд по прохождению его через печать.

Неточность *рукописи*— ошибки и оплошности переписчика непосредственно связаны с нашей темой; и, возможно, будет уместно кратко остановиться на них:^[8] по правде говоря, знание обычных масштабов таких ошибок и их источников имеет тенденцию решительно укреплять разумную уверенность в общей достоверности литературных остатков отдаленных времен. В них, как и во всех других трудах человеческой головы и рук, так много человеческой слабости, что должно исключать нежное или суеверное отношение к ним; и все же количество ошибок далеко не настолько велико, чтобы поколебать нашу уверенность в подлинности и неприкосновенности этих драгоценных реликвий древности, взятых в целом.

Некоторые значительные части оригинального экземпляра по прошествии веков были оторваны или утеряны из него; —или каким-то образом они погибли: —что касается недостатка в конце, недостающие книги, возможно, никогда не были добавлены: — это заключительные части Послания к Евреям, трех Пастырских посланий и Апокалипсиса. Эти пропасти, однако, были заполнены переписчиками более поздней эпохи. Ошибки переписчика оригинала таковы, что должны быть присущи трудам такого рода, в которых автор либо полагается на свой глаз, рассматривая образец, либо на свое ухо, слушая читателя. У каждого способа есть свои недостатки; в первом случае похожие по внешнему виду слова легко принимаются одно за другое, даже если замена могла привести к абсурдному прочтению; — ибо разум автора, возможно, устремился на мгновение — подобно глазам дурака — на край света. В этом режиме также может быть легко пропущено предложение или даже целая строка выпала со своего места. В последнем случае — когда читатель диктует автору слово за словом — могли иметь место те же ошибки; и в дополнение к этому, будут иметь место *неверные* формулировки переписчика и ошибочные формулировки читателя. В целом, ошибки таковы, что указывают на то, чему человек в лучшем случае подвержен — кратковременным потерям внимания, несмотря даже на высокий уровень привычной точности и добросовестной внимательности; они не более чем могут быть объяснены таким образом; а что касается возникающего отсюда ущерба, то он весьма незначителен; ибо, пока один переписчик кивает, другой бодрствует; а что касается Священных Писаний, то обилие рукописей, цитат и древних версий таково, что случаи действительно двусмысленных и важных прочтений сводятся к очень небольшому числу; и из них — как бы малочисленны они ни были — очень немногие вообще затрагивают какой-либо пункт нашей веры или какое-либо моральное предписание. Общий вывод таков: хотя средства эрудированной критики необходимы для обеспечения нашего владения текстом — лучшим, что сейчас возможно, — ни один текст, который возможно получить в настоящее время, не заслуживает такого суеверного отношения, с которым некоторые религиозные люди хотели бы взглянуть на Библию в своих руках. Самый ошибочный текст из всех существующих можно смело рассматривать как истинную и заслуживающую доверия передачу послания о вечной жизни, а также как истинное и заслуживающее доверия выражение того морального кодекса, в соответствии с которым будут оцениваться все поступки. Души не погибли и даже не подвергнутся опасности из-за ошибочного прочтения; и ни в одном отдельном случае не будет казаться, что поведение и нрав, подобающие христианину, были запятнаны или каким-либо образом стали менее декоративными из-за того, что древний переписчик Евангелий или Посланий написал *μῆ*ς там, где ему следовало написать *μῆ*ς.

Здесь можно было бы привести историю и описание нескольких известных древних рукописей Священного Писания, подобных этой Ватиканской рукописи, если бы это было полезно; но в связи с нашей настоящей целью, возможно, было бы полезнее сосредоточить внимание

читателя на этом одном примере и на мгновение подчеркнуть ценность фактов, образцом которых он является.

Итак, перед нами — давайте предположим, что это — сейчас на нашем столе - пять объемистых томов в кварто, напечатанных в Риме около четырнадцати лет назад, но выпущенных только сейчас. Эти тома содержат греческую версию Ветхого Завета — Септуагинту - и греческую версию Нового Завета, и редактор сообщает нам, что они напечатаны по рукописи, которая долгое время хранилась в библиотеке Ватикана. Эта рукопись действительно была видена и частично исследована целым рядом европейских ученых в течение трех прошедших столетий; и часть ее давным-давно была передана миру в печатном издании. В какое время или каким образом эта рукопись оказалась там, где она сейчас находится, неизвестно, и эти факты не имеют большого значения; ибо когда ее изучают те, чьи занятия и привычки познакомили их с литературными антикварными реликвиями — те, кто “в силу использования напрягают свои чувства”, чтобы судить о вещах, которые отличаются друг от друга, — такие люди, внимательно изучая материал — пергамент—чернила — форму и расположение цветов—характер букв-соседство слов —*виды* членения на разделы, сравнивают их с материалами, которые они используют. разделение на разделы, преобладавшее в разное время: —принимая во внимание эти и другие мелкие характеристики —эти опытные люди мало расходятся в своих суждениях относительно даты рукописи и сходятся в определении времени примерно в середине четвертого века, когда она вышла из-под рук усердного и, в целом, тщательного переписчика. Следовательно, мы приземлились, скажем так, в середине того столетия, когда христианство повсеместно получило господство; или где—то во времена правления Константа и Констанция.

Итак, обладание таким большим количеством очень дорогого материала — тончайшего пергамента - и распоряжение таким количеством времени, которое, должно быть, было затрачено на выполнение тщательного и единообразного копирования унциальными буквами Ветхого и Нового Завета, являются доказательствами того факта, что переписчик находился в положении, благоприятном для эффективного выполнения своей задачи; нет сомнений и в том, что он проявил бы соразмерную заботу о выборе рукописи — в качестве своего образца — лучшей, какую только смог найти. Вероятно, он снабдил бы себя *несколькими* такими рукописями для сопоставления в сомнительных случаях; он искал бы самые старые рукописи, которые можно было бы тогда достать. Предполагая столь многое, как это, мы предполагаем только то, что разумно предположить. Но рукописи, которая в середине четвертого века считалась бы древней — мы сейчас думаем о Новом Завете, — должно быть, по меньшей мере, сто пятьдесят или двести лет. Сейчас в наших руках находится огромное количество рукописей, которым, несомненно, более тысячи лет — следовательно, двести лет значительно превышают обычный срок службы книг на пергаменте.

Предположим, что переписчик, чьи труды представлены перед нами в Ватиканском манускрипте, имел на своем столе рукописи двухсотлетней давности, и тогда они были выполнены во времена правления Антонина Пия, вероятно, в Египте. Но теперь у меня на *моем* столе лежит то, что может позволить мне составить мнение о ценности рукописей, которые были тогда у *переписчика ватиканских рукописей* на столе; ибо передо мной объемистые труды христианских писателей того самого времени, таких как Юстин Мученик, Татиан, Афинагор, Ириней, Климент Александрийский, Гермий, Ориген и другие, не относящиеся к более позднему времени. Эти работы дошли до современности по различным и независимым каналам; они вышли за границу, извлеченные из тайников, расположенных на большом

расстоянии друг от друга. Но сейчас эти различные сочинения изобилуют цитатами из канонических книг; и хотя эти цитаты не всегда точны по формулировке, в основном они идентичны тексту Ватиканской рукописи. Я обращаюсь к одному из вышеназванных писателей — Клементу Александринусу. Отрывков из Ветхого Завета, на которые он либо ссылается явно, либо цитирует *дословно*, так много, что они составляют список, занимающий не менее двенадцати страниц в две колонки. Теперь, обращаясь к местам, где встречаются эти цитаты, и сравнивая их с Ватиканской Септуагинтой, я нахожу, что они соответствуют слово в слово во многих примерах. Очевидно, что Климент имел перед собой греческую версию Ветхого Завета, которая в основном совпадала с рукописью, на основе которой была составлена Ватиканская рукопись. Но теперь, если можно представить, что современный редактор Климента внес изменения в текст с целью приведения этих цитат в соответствие с Ватиканской Септуагинтой, любое подобное предположение исключается тем фактом, что в частых случаях встречаются вариации в формулировках цитат; следовательно, редактор *не* сделал того, что, как я мог бы предположить, он сделал бы. Кроме того, не один древний писатель, а очень многие цитируют Ветхий Завет свободно и часто; иногда они делают это с совершенной точностью, иногда с меньшей тщательностью; но все же они делают это так, чтобы предоставить чрезмерно многочисленные доказательства того факта, что греческая версия Ветхого Завета, такая, какой мы сейчас находим ее в Ватиканской рукописи, была хорошо известна христианской общине в то раннее время и находилась в ее руках; - как это было за столетия до этого времени.

Таким образом, мы привели несколько примеров, в которых историю отдельных рукописей можно проследить с настоящего времени до отдаленной эпохи — примерно тысяча—около четырнадцати сотен лет. Можно было бы привести множество подобных примеров, если бы это было сочтено необходимым или даже полезным; но читатель, если он действительно желает более полно ознакомиться с фактами этого класса, может легко сделать это, заглянув в опубликованные каталоги рукописей, хранящихся в главных библиотеках Европы; или, чтобы не ехать далеко, в Бодлианский, Оксфорд; или в Британский музей. В музее представлены рукописи Коттона, Харлея, Королевской библиотеки, рукописей Эйскофа, Харгрейва и рукописи Лансдауна, по всем коллекциям которых были опубликованы отдельные каталоги. Кроме того, в Музее есть несколько коллекций восточных рукописей и множество недавних дополнений, таких, например, как те, которые недавно были получены из нитрийских монастырей и которые были упомянуты выше.

Сноска

Содержание

[5] Недавно я привел несколько фактов такого рода, относящихся к настоятелю нитрийского монастыря. Очерки и др.; Нилус.

[6] Это Палладий, Евсевий, Сократ, Иероним, Руфин, Евагрий, Кассиан; и другие, кстати.

[7] Полный отчет об этих исследованиях появился в №. CLIII. из "Ежеквартального обозрения" (1845), а затем в "Эдинбургском обозрении".

[8] Читатель, изучающий библейскую критику, будет знать, где искать точную информацию на этот счет.

ГЛАВА XVII. ПРОЦЕСС ИСТОРИЧЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ, ИЛЛЮСТРИРУЕМЫЙ ПРИМЕРОМ ГЕРОДОТА.

Содержание

Теперь мы увидели, каким образом и при каких условиях масса древней литературы, включая Священное Писание, была отправлена вперед на протяжении долгих веков, прошедших между временем ее создания и возрождением образования и использованием печатного станка в наше время.

Что я сейчас предлагаю сделать, так это представить читателю — в одном-единственном и очень показательном примере - весь исторический процесс; или тот метод продвижения, с помощью которого мы в настоящее время можем найти наш обратный путь вверх, по большой дороге истории из этого, нашего девятнадцатого века, во времена — за четыреста и пятьсот лет до христианской эры. Это путешествие длится не менее двух тысяч пятисот лет, и оно приводит нас ко времени последнего из еврейских пророков.

Очень частая фраза в исторических трудах любого рода, относящихся к античности, звучит так: “Геродот сообщает нам то-то и то-то”. Теперь, услышав это, я задаю следующие вопросы: “Этот Геродот, кем он был? Когда он жил? Что он написал? и откуда мне знать, что книги, которые носят его имя на титульном листе, были написаны каким-либо таким человеком или в то время, к которому они обычно относятся?” И затем, предположив, что ответы на эти вопросы меня удовлетворят, “Какие у меня есть основания полагать, что повествования, которые я нахожу в этих книгах, в основном правдивы? Как получается, что то, что я читаю, является *историей*, а не *художественной литературой*?”

Мы выбираем Геродота в качестве образца этого процесса или этого метода исторического доказательства по нескольким причинам: Этот греческий писатель выступает как “Отец истории”; он самый ранний из всех дошедших до нас писателей этого класса, за исключением авторов Ветхого Завета; его труды охватывают широкий круг тем — фактически, они дают нам в общих чертах или в деталях почти все, что мы знаем о народах далекой древности. Кроме того, с трудами этого автора связано то особое обстоятельство, что после того, как его сильно порицали в наше время и сильно понизили его авторитет, он в течение нескольких лет был восстановлен на своем авторитетном месте благодаря большому интеллекту авторов последнего времени; и благодаря расширению наших знаний о странах, о которых он говорит, относительно их природных ресурсов, их искусства, их произведений и их истории. В последнее время — и почти каждый год что-то делалось для достижения такого результата — Геродот вернулся на свое место; и, как следствие, его противники и критики потеряли репутацию. Таким образом, эти труды являются образцами одновременно подлинности древней истории и того, что можно назвать бессмертием исторической правды — ее воскрешения к новой жизни после периода погребения.

Начну с самого начала; теперь я предположу, что передо мной несколько работ на английском, французском, немецком, итальянском и латыни, каждая из которых претендует на звание “Истории Геродота, переведенной с греческого”. При сопоставлении этих книг становится очевидным, что все они взяты из какого-то одного источника. Но, возможно, будет полезно обратить внимание на некоторые факты на данном этапе нашего продвижения.

Мы утверждаем, что греческий текст Геродота в том виде, в каком он появился сейчас, существовал за некоторое время до публикации самых ранних печатных изданий. Очевидным и осязаемым доказательством того, что мы здесь утверждаем, служит существование в настоящее время, как мы сейчас заявим, в нескольких публичных библиотеках множества рукописных копий греческого текста, которые по проставленной на них дате, характеру письма, внешнему виду чернил и материала, а также традиционной истории некоторых из них, явно относятся к разным эпохам, с десятого по пятнадцатый век. Но теперь, если бы было возможно предположить, что все эти копии были сделаны с одной рукописи и что одна из них является подделкой более поздней даты, их изучение и сравнение, а также сравнение рукописей с печатными изданиями, предоставили бы несколько специальных доказательств утвержденной точки зрения. В 1474 году, за двадцать восемь лет до появления первого печатного издания греческого текста, итальянский ученый Лаврентий Валла опубликовал в Венеции латинский перевод Геродота, якобы сделанный с греческого. Теперь, если бы при сравнении этого перевода с греческими рукописями, которые все еще сохранились, был задан вопрос, что является *оригиналом*, латинский или греческий? ни один человек, знакомый со структурой языка, не мог бы колебаться в пользу последнего; ибо в латыни (как и в любом переводе) поставлены эллипсы, введены экзегетические и соединительные фразы; и что еще более важно, в греческом есть много отрывков, где очевидный и последовательный смысл, очевидно, неправильно понят на латыни; поскольку Валла, судя по всем его переводам, был лишь несовершенно знаком с греческим языком. В таких случаях часто может быть обнаружена ошибка переводчика; таким образом, обеспечивается неопровержимое доказательство факта, который сейчас предполагается подвергнуть сомнению, а именно, что греческий является *оригиналом*, а латинский - переводом. Опять же: — Латыни, по сравнению с греческим, не хватает во многих целых абзацах и во многих отдельных предложениях. В греческом языке эти отрывки соответствуют контексту; но в латинском пауза либо резкая и очевидная, либо она скрыта соединительным предложением, очевидно вставленным как связующее звено между разрозненными частями текста. Теперь, когда представлены подобные доказательства, нам нет необходимости подчеркивать традиционную историю конкретных рукописей, ни их очевидную древность, ни подлинность проставленных на них дат; поскольку из имеющихся у нас фактов мы можем сделать только один вывод. Таким образом, не углубляясь далее, мы можем с уверенностью заключить, что несколько греческих рукописей Геродота существовали незадолго до публикации печатных изданий; и, следовательно, подтверждаются утверждения первых редакторов, которые заявляют, что они взяли *свой текст* из рукописей, уже известных ученым.

Греческий текст Геродота был впервые напечатан Минуциусом Альдусом в Венеции в сентябре 1502 года. Копии этого прекрасного и правильного издания, “исправленного путем сопоставления многих рукописей”, сохранились до наших дней: — оно отличается сохранением форм ионического диалекта — доказательство того, что редактор следовал чистой и древней рукописи, поскольку ионические формы обычно утрачены в тех копиях, текст которых подвергался множеству транскрипций. Это издание с исправлениями и примечаниями было

переиздано в Базилике в 1541 году и снова в 1557 году Иоахимом Камерариусом. В 1570 году альдинский текст Геродота был напечатан в Париже Генри Стивенсом, который не утверждает, что у него были собранные рукописи. На титульном листе указано, что книги были “*ex vetustis exemplaribus recogniti*”, но во втором издании Стивенс признается, что до этого времени ему не удавалось раздобыть древнюю копию, с помощью которой можно было бы исправить текст; следовательно, следует понимать, что в только что процитированной фразе он ссылается на рукописи, с которыми консультировался Альдус. Г. Юнгерман, взяв только что упомянутое издание за основу своего собственного, в котором, однако, он внес, без уточнений, множество предположительных исправлений, напечатал греческий текст во Франкфурте в 1608 году. Это было первое издание, в котором текст был разделен на разделы в том виде, в каком он появился сейчас. Лондонское издание, датированное 1679 годом и опубликованное под именем ученого Томаса Гейла, было заимствовано, без подтверждения, у Юнгермана. До сих пор издания представляли собой лишь последовательные перепечатки альдинского текста; и, следовательно, все они исходили из одного источника; но в 1715 году в Лейдене было опубликовано издание Геродота под руководством Дж. Гроновиуса, который сопоставил предыдущие издания с некоторыми рукописями, ранее неизвестными или не исследованными. Издание в Глазго появилось в 1761 году, а два года спустя - издание Весселинга, напечатанное в Амстердаме. Несколько цитат из предисловия этого редактора дадут широкому читателю хорошее представление о методе проведения этих литературных работ и о том, насколько надежно обеспечивается чистота текста древних авторов. После Весселинга появилось несколько немецких и голландских изданий; наиболее почитаемыми являются издания Борхека, Рейса, Шефера и Швайгхейзера. О кропотливой заботе, проявленной учеными редакторами к этим изданиям, свидетельствуют следующие цитаты из их предисловий. Весселинг говорит: —

“Формы и приличия ионического диалекта я восстановил везде, где их можно было ясно почерпнуть *из древних кодексов*, и заменил некоторые чтения, которые были без причины отвергнуты. Бесчисленные отрывки я исправил от ошибок, но *очень редко на основании простого предположения* только в тех словах, которые не допускал гений языка; и во многих случаях я счел достаточным просто указать способы внесения поправок в текст, где он явно искажен”. Цитируя этот отрывок из Весселинга, Швейгхойзер говорит: “Мы также, за исключением очень немногих мест, не допускали предположительных исправлений в тексте; и это только там, где было очевидно, что все прочтения во всех существующих копиях были искажены; и где представлялось исправление, которое не просто казалось вероятным, но было настолько ясным и несомненным, что не нуждалось в аргументации в свою пользу”. Весьма благоразумно этот редактор отказывается приписывать безрассудству или невежеству переписчиков все отклонения от ионических форм; поскольку очевидно, что греческие писатели, усвоившие *один* из диалектов, позволяли себе вольность время от времени использовать общепринятые формы языка: поэтому он восстанавливает ионизмы только тогда, когда у него есть авторитет рукописи. за то, что ты так поступаешь. О чрезвычайной осторожности Весселинга Швайгхойзер выражает свое мнение следующим образом: — В этом издании, за исключением нескольких ошибок, которые легко исправляются, или некоторых случаев, которые могут быть оспорены, ученым не на что жаловаться; разве что, принимая лучшие прочтения, гарантированные рукописью, а также исправляя, по вероятному предположению, некоторые места, явно ошибочные во всех экземплярах, редактор был слишком робок — настолько, что многие одобренные прочтения, которые он вполне мог бы

включить в текст, он не рискнул принять. И часто он предпочитал оставлять нетронутыми явные и грубые пороки, а не ставить на их место свои собственные исправления или исправления других, хотя и решительно одобряемые им самим. Что касается предположительных исправлений, то даже в тех местах, где все рукописи, будучи явно виноваты, мы видели, как он в своем предисловии простодушно признается, что его скорее сочли бы слишком осторожным, чем слишком смелым: и кто бы не уважал, да и восхищался, а не осуждал, этого прославленного человека, обвиняя в этом свою собственную робость: “В попытках восстановить язык Геродота меня часто сдерживала более чем должная робость; но такова моя натура”. Этот редактор в своем предисловии утверждает, что, когда к нему обратились с просьбой проследить за перепечаткой “Геродота” Весселинга, он отказался это сделать, если только не сможет получить в библиотеке французского короля рукопись Геродота, сохранившуюся там: — трудности времени препятствовали этому, он искал кого-нибудь, проживающего в Париже, кто добровольно взял бы на себя утомительный и болезненный труд сопоставления текста Весселинга со всеми этими кодексами; и, наконец, с помощью ученого специалиста. Друг, он встретился с молодым человеком, уроженцем Греции, который выполнил задание сравнить текст — слово в слово — с пятью основными рукописями в библиотеке и составить *отдельный* список различных прочтений в каждой из них.

Из массы представленных ему вариантов задача редактора состоит в том, чтобы выбрать тот, который наиболее подходит, либо из-за превосходства авторитета кодекса, в котором он встречается, либо из-за его особой вероятности, либо из-за кажущегося соответствия стилю или смыслу автора, либо из-за особенностей языка. И нередко случается, что самые плохие копии сохранили явно подлинное прочтение, тогда как лучшие, как совершенно очевидно, допустили ошибку. “Ни одна рукопись, — сказал один выдающийся критик, — не должна считаться недостойной того, чтобы с ней консультировались”. Тем не менее, в важных случаях, когда среди существующих вариаций может быть место для сомнений, необходимо соблюдать канон, который предписывает, что “Кодексы должны быть скорее *взвешены*, чем пронумерованы”. Хотя дискуссии на темы такого рода не могут не показаться неинтересными и даже тривиальными широкому кругу читателей — и, возможно, абсурдными, если учесть серьезность и напряженность, с которой иногда обсуждаются самые незначительные моменты, — все же никогда не следует забывать, что *авторитету, чистоте и последовательности* древней литературы в значительной степени способствует неутомимое рвение тех, кто посвящает свою жизнь этим ученым и непривлекательным занятиям.

Но сейчас я просматриваю некоторые печатные издания. Например, вот небольшой фолиант, выдержанный в превосходном стиле по шрифту, бумаге и исполнению, напечатанный в Париже, MDLXX, и отредактированный Генри Стивенсом. У меня также в руках издание под редакцией Й. Швейгейзера в четырех томах октаво, переизданное в Лондоне в 1822 году; а также более свежее издание, а именно — профессора Гейсфорда в двух томах октаво. Помимо них, существует десять других изданий греческого текста — на немецком, голландском и английском языках. Я открываю эти несколько изданий наугад — скажем, в начале третьей книги — “Талия”: я нахожу, что они в какой-то степени соответствуют друг другу слово в слово; но в пятой строке я нахожу незначительное изменение — одна форма слова используется вместо другой; и далее порядок слов немного отличается, но смысл тот же. Иногда вместо другой используется одна частица или ругательство; иногда опускаются те ругательства, которые едва ли каким-либо образом влияют на смысл. Часто орфография имен собственных по-разному приводится в разных изданиях. Очень редко эти вариации имеют такое большое значение, чтобы повлиять на

смысл перевода. Но теперь, исходя из факта словесной идентичности этих изданий на протяжении большей их части, а также из наличия нередких и все же незначительных различий, я делаю вывод, во—первых, что все они имели общий источник в каком-то одном оригинальном экземпляре; и, во—вторых, что с этого первого экземпляра было сделано множество копий; и что именно в ходе этих повторений, в которых ухо, глаз и рука многих авторов внесли свой вклад, произошли эти отклонения от первого экземпляра автора. Одним словом, *печатные* издания последовали за *рукописями*; и они претерпели те случайности и те несчастья, которые при обычном ходе вещей неизбежно связаны с подобным процессом, несмотря на осторожность и преданность тех, кто его практикует.

Таким образом, следующий шаг - это поиск тех древних рукописей или некоторых из них, на основе которых были созданы эти печатные издания. В настоящее время известно около пятнадцати таких рукописей, с которыми можно ознакомиться в государственных или частных библиотеках. Одна из самых чистых из них хранится в библиотеке французского короля (ныне Императорской), и она описана следующим образом.— Это пергамент in folio, купленный в 1688 году и содержащий девять книг Геродота. Этот кодекс, безусловно, лучший из всех и, по-видимому, был составлен в 12 веке. Он отличается равномерным сохранением форм ионического диалекта — признак древности и чистоты копии, с которой он был заимствован. В той же библиотеке хранятся и несколько других рукописей этого автора, которые описаны таким образом — Бумажный кодекс, ранее принадлежавший библиотеке Кольбертина, содержащий девять книг Геродота: на полях сделаны ценные заметки. Эта рукопись была выполнена в 1372 году. Копия на бумаге, написанная в 1447 году. В данном случае можно сильно пожаловаться на небрежность переписчика, поскольку иногда не хватает целых фраз. Тем не менее, в нем содержатся некоторые показания, заслуживающие внимания. Рукопись на бумаге, датированная 1474 годом. Помимо девяти книг Геродота, этот кодекс содержит части трудов Исократа и Плутарха, а также словарь слов, характерных для Геродота. Рукопись, которая наряду с выдержками из нескольких греческих авторов содержит часть первой книги Геродота, датируемую ок. 87. Хотя этот кодекс датирован поздним временем, выдержка из Клио, по-видимому, была сделана с очень древней копии. Некоторые другие кодексы из той же библиотеки также содержат части работы нашего автора. Во флорентийской библиотеке ранее хранился кодекс, который, судя по состоянию пергамента и античному стилю письма, явно относится к глубокой древности. Монфокон относит его к десятому веку. Этот кодекс принадлежит к тому же семейству, что и кодекс Эскью, и Медичи. Тем не менее, он также не был скопирован с последнего, с которым, действительно, он мог бы поспорить за пальму первенства; но, будучи почерпнутым из более древнего источника, он предлагает множество одобренных прочтений, отличающихся от Medicean, где в нем есть недостатки или где он не предлагает исправления общего текста. Этот кодекс Медичи так описан в Каталоге флорентийской библиотеки: “Геродот: — очень древний кодекс, ценный выше всяких похвал. Она написана на бумаге, in quarto, хорошо сохранилась: выполнена в десятом веке. Названия книг написаны золотыми унциальными буквами; в ней 374 страницы.” Гроновиус следил за этим экземпляром со слишком суеверным почтением; однако, будучи вынужден сверяться с ним в публичной библиотеке и под присмотром библиотекаря, он нередко ошибался в прочтении. Рукопись Геродота, ранее находившаяся в библиотеке архиепископа Санкрофта, а затем в библиотеке Эммануэльского колледжа в Кембридже, считается очень древней и представляет огромную ценность. Библиотеки Оксфорда также содержат несколько кодексов нашего автора, и известно, что некоторые из них находятся во владении частных лиц. “Эти копии рукописей, ”

говорит Весселинг, “ извлеченные на свет из разных мест, очевидно, произошли не из одного источника (в наше время). Где копирования с последующим Валла рвется или дефектом, также в Вене, Ватикане, и в Оксфорде МСС. желающие находятся. И в чем это примечательно, так это по-флорентийски. Но рукописи Медичи, кардинала Пассио и Эскью по большей части сходятся во мнении. Три первых упомянутых, по-видимому, были взяты из какого-то более древнего пергамента, автор которого, возможно, оскорбленный частыми отступлениями в первой книге, очень смело вырезал их все; и чтобы пауза не показалась резкой, он умело подогнал части, чтобы сохранить преемственность стиля. Три последних, напротив, были взяты из копии более информированного переписчика, который постеснялся вносить какие-либо ненужные изменения. Большое количество различных прочтений, которые отличают эти рукописи. приписываются переписчикам, которые заменили общепринятые формы языка и более известные слова на ионийские формы и устаревшие слова ”.

Все, что имеет какое-либо значение для доказательства подлинности и целостности древних книг, - это знать, что *сейчас* существует *несколько* копий, явно более древних, чем первое печатное издание автора; и что эти копии, по их общему согласию и, не в меньшей степени, по их меньшим различиям, сразу доказывают их происхождение от одного и того же оригинала и их большое расстояние от этого оригинала; поскольку многие из этих различий таковы, что могли возникнуть только в результате многих последовательных переложений. Помимо этих простых фактов, знание кодексов и различных прочтений не представляет интереса ни для кого, кроме редакторов и критиков.

Теперь мы можем с уверенностью предположить, что работа, находящаяся перед нами, в основном в том виде, в каком мы сейчас имеем ее в наших руках, является *древним произведением*, и что она дошла до наших дней в том виде, о котором в предыдущих главах мы дали некоторый отчет и привели несколько примеров. Наш следующий вопрос заключается в следующем— к какому возрасту следует отнести это произведение? Или вот в чем: когда жил и писал автор? Чтобы получить ответ на этот вопрос или на эти два вопроса, рассматриваемые как один, мы должны обратиться к той последовательности авторов, которые упоминают Геродота и его историю, которые описывают ее и приводят цитаты из нее или кратко излагают ее содержание. Надлежащим и наиболее полным доказательством древности и подлинности древних книг является то, что выводится таким образом из их взаимных ссылок и цитат. В такого рода доказательствах есть независимость, которая делает их, когда они точны и обильны, вполне убедительными. Это непоказания свидетелей, которые сначала были обучены и предупреждены, а затем привлечены к суду, чтобы сделать все возможное для стороны, которая их вызвала; но это чисто случайные показания не связанных между собой лиц, которые, преследуя свои конкретные цели, собирают и представляют нам факты, которые мы искали. Кроме того, у этих фактов есть особенность, которая делает их в высшей степени способными предоставить точные и убедительные доказательства. Книга представляет собой совокупность многих тысяч отдельных частей, каждая из которых, как по содержащейся в ней мысли, так и по выбору и расположению слов, обладает совершенной индивидуальностью, такой, которая подходит ей для определения или идентификации целого, к которому она принадлежит; и если привести несколько из этих определенных частей, идентификация становится более полной. Более того, такого рода определения можно умножать почти до бесконечности; ибо каждый автор, цитирующий книгу, вероятно, имея в виду другую цель, выбирает другой набор цитат, но все они встречаются в одном и том же произведении. Таким образом, мы имеем сложную

систему концентрических линий, которые нигде не пересекаются — кроме как в рассматриваемой книге.

Тогда следует помнить, что каждый из этих цитирующих авторов ставит себя в центр аналогичной системы ссылок, так что усложнение доказательства становится бесконечно сложным, и поэтому оно тем более убедительно. Это снова задействовано и, таким образом, становится безопасным благодаря появлению двойных или тройных цитат; например, Фотий цитирует Ктесия— цитируя Геродота. Доказательство подлинности в случае стандартного автора с помощью таких средств, как эти, расширено, ослаблено и задействовано в такой степени, к которой никакие другие виды доказательств не могут приблизиться.

Вряд ли нужно говорить, что такая высокая степень достоверности, обусловленная сложностью, а также количеством свидетельств, относится только к работам, которые явно и часто цитируются последующими авторами. И все же такого рода доказательства считаются по своей природе настолько вескими и удовлетворительными, что очень небольшая их часть обычно признается вполне достаточной. Если, например, книга прямо упоминается только одним или двумя авторами следующего века, то вопрос о подлинности разрешается решать с помощью доказательств; за исключением случаев, когда появляются какие-то веские причины для оправдания подозрений. Но *ссомнительными* делами нам сейчас не до этого.

Нет необходимости приводить отдельно какие-либо доказательства подлинности работ, которые будут процитированы; поскольку все они обладают установленным характером, основывающимся на свидетельствах того же рода, что и те, которые здесь представлены в случае с Геродотом. Приводить все эти доказательства в каждом конкретном случае означало бы заполнить тома.

Мы видели, что многие рукописные копии Геродота, некоторые из которых сохранились до сих пор, существовали до появления первых печатных изданий; и из сравнения этих рукописей, а также из даты, которую несут некоторые из них, и из их кажущейся древности становится очевидным, что работа тогда существовала гораздо дольше трехсот лет; ибо эти несколько рукописей демонстрируют, как мы уже говорили, в своих различных прочтениях те незначительные различия, которые, как обнаруживается, возникают из—за повторяющихся переписок, сделанных переписчиками в разные эпохи и страны - некоторые из этих переписчиков были точными. и умелые, в то время как другие были беспечны и невежественны. Это доказательство древности более убедительно, чем то, которое вытекает из простой традиционной истории отдельной рукописи или из даты, проставленной на копии; ибо дата может быть поддельной, или традиция может быть недостоверной; но вразличных чтениях мы имеем перед глазами разновидность упадка, к которому могло привести только время.

Таким образом, мы с уверенностью предположили, что текст этого автора существовал по крайней мере еще в двенадцатом веке. И если бы предполагалось, что мы не можем проследить историю этих рукописей выше того времени, тогда нам следовало бы обратиться к свидетельствам другого рода, а именно к свидетельствам, возникающим из цитат ряда авторов, простирающихся вверх от эпохи, в которой история рукописей теряется в неизвестности, до самого возраста автора.

Доказательства, которые мы приводим для этой цели, мы разделяем на две части; в первой части доказывается, что история Геродота была известна ученым в течение тысячи лет, с 1150 по 150 год нашей эры.

Евстафий, архиепископ Фессалоникийский, процветал во второй половине XII века. Его комментарии к "Илиаде" и "Одиссее" Гомера содержат множество ссылок на Геродота, которые более или менее полны и точны. Среди них следующие представляют собой достаточное доказательство того, что мы должны установить; поскольку они не оставляют места для сомнений в том, что История Геродота в том виде, в каком она дошла до нас, находилась в руках этого ученого прелата. В ходе этих комментариев он говорит: "Но Геродот, кажется, напоминает Ферекида и Гекатея, которые (при написании истории) отбросили украшения поэтического стиля". И снова: "Геродот (Эрато 74) говорит, что Нонакрис - это город в Аркадии, где берут начало воды Стикса". И снова: "Геродот, этот милый автор Ионических книг". Евстафий цитирует нашего автора, чтобы проиллюстрировать значение слова *митра* - пояс или тюрбан. По поводу слова *фаланга* он цитирует из четвертой книги предложение, в котором Геродот называет Пифагора "человеком, выдающимся среди греков своим умом". Он цитирует отрывок о египетском хлебе из второй книги. И снова: "Менелай, несомненно, посещал тех других эфиопов, которых Геродот описывает как граничащих с египтянами": он ссылается на рассказ нашего автора об овцах, посвященных солнцу в Аполлонии. Евстафий цитирует Геродота в доказательство того, что афиняне были пеласгами по происхождению.

Считается, что Суидас, ученый византийский монах, процветал в конце одиннадцатого века. В его словаре содержится краткое Жизнеописание Геродота; кроме того, под другими словами встречается не менее двухсот случайных ссылок на различные части истории. По большей части это очень точные устные цитаты, приведенные для иллюстрации значения или орфографии слов.

Фотий, ученый и амбициозный патриарх Константинополя, принадлежит к девятому веку. Этот автор сохранил единственные сохранившиеся фрагменты персидской и индийской истории Ктесия, который, как мы увидим, свидетельствует почти одновременно с Геродотом. Мириобиблон Фотия состоит из примечаний и сокращений к двумстам восьмидесяти произведениям, которые он прочитал, и, следовательно, содержит много информации, доступной для определения вопросов литературной древности. Многие произведения сохранились в девятом веке — особенно в Константинополе, которые исчезли в следующую эпоху; и Фотий, имевший свободный доступ к обширным библиотекам этого города, не хотел никаких преимуществ, которые могли бы подойти ему для выполнения задачи обзора литературы предыдущих эпох. Поэтому, когда он цитирует и описывает произведение и уверенно говорит о нем как о давно известном в мире и обычно воспринимаемом как подлинное произведение автора, чье имя оно носит, его свидетельство переносит доказательства на еще более отдаленную эпоху; ибо ни одно *поддельное* произведение, недавно созданное, не могло быть так упомянуто критиком большой учености и здравого суждения. В "Мириобиблоне", помимо некоторых случайных ссылок на Геродота, мы находим следующий рассказ о нем (статья 60): "Мы внимательно изучили девять исторических книг Геродота, содержащих имена девяти муз. Этот автор использует ионийский диалект, подобно тому как Фукидид использует аттический. Он допускает баснословные рассказы и частые отступления, которые придают повествованию приятное течение; хотя на самом деле такая манера письма нарушает строгие правила исторического стиля, в котором точность истины не должна быть затемнена никакими

смесями басен, а конец, предложенный автором, не должен быть надолго упущен из виду. Он начинает историю с правления Кира — первого из персидских царей - повествуя о его рождении, образовании, возвышении и правлении; и он доводит ее до правления Ксеркса — его похода против афинян и его бегства. Ксеркс действительно был четвертым царем после Кира — Камбиз был вторым, а Дарий третьим; ибо Смерда-Мага нельзя причислять к линии царей, поскольку он был узурпатором, завладевшим тронном обманном путем. На Ксерксе, сыне и преемнике Дария, история заканчивается (окончанием войны с Грецией), и на самом деле она не доведена до конца его правления; ибо сам Геродот процветал в те самые времена, как рассказывают Диодор Сицилиец и другие, которые упоминают историю о том, что Фукидид, будучи еще юношей, присутствовал со своим отцом, когда Геродот публично читал свою Историю, по этому поводу он расплакался; увидев это, Геродот, историк повернулся к отцу и сказал: ‘О! Олорус, что за сын у тебя, который так пылает страстью к познанию!’

Этого описания работы, хотя и краткого, вполне достаточно, чтобы доказать существование текста (в том виде, в каком он сохранился сейчас) в эпоху Фотия, свидетельство которого также подтверждает тот факт, что в то время он был давно известен и слыл подлинным произведением Геродота, в то время как исключения, сделанные против некоторых сказочных отступлений, содержат явное признание того, что история в целом воспринималась как достоверная.

Стефан Византийский, автор географического и исторического словаря, процветал в середине VI века. Он очень часто ссылается на Геродота. Рисунки. *Турий*, он цитирует эпиграмму, относящуюся к нему; и под следующими словами встречаются ссылки на него:—*Абарнус*, город, область и мыс Париана, который, как говорит Геродот в своей четвертой книге, называется *Абарис*. *Арисба*— Геродот и Ясон называют это *Арисбой*. *Архандруполис*, египетский город, согласно Геродоту во второй книге. *Асса*, город близ горы Афон, упоминается Геродотом в его седьмой книге. *Таламанеи*, нация, подвластная персам. *Иникум*, город на Сицилии, названный Геродотом *Инихосом*. Геродот, по-видимому, был одним из главных авторитетов этого автора, и его цитаты обычно верны.

Марцеллин, критик VI века, в своем “Жизнеописании Фукидида” описательно упоминает Геродота и по многим пунктам сравнивает его со своим соперником. Опуская многие менее прямые намеки, можно упомянуть следующее. Он высоко оценивает беспристрастность Фукидида, который не позволил своим личным обидам придать какую—либо окраску своему изложению фактов - степень великодушия, необычная, по его словам, среди историков, — “Ибо даже Геродот, подвергшийся пренебрежению со стороны коринфян, утверждает, что они бежали от сражения при Саламине”. Описывая возвышенный стиль Фукидида, он сравнивает его с стилем Геродота, который, по его словам, “не является ни возвышенным, как у аттического историка, ни элегантным, как у Ксенофонта”. Также на основании достоверности он сравнивает двух историков, отдавая преимущество в этом отношении младшему; в то же время он обвиняет первого в допущении чудесных историй, приводя в качестве примера историю Ариона и дельфина: и ближе к концу он повторяет уже упомянутый инцидент, который, как говорят, произошел, когда Геродот прочитал его Историю публично.

Прокопий, историк правления Юстиниана, писал примерно о середине VI века. Он цитирует Геродота в точных выражениях: “Итак, Геродот, галикарнасиец, в четвертой книге своей Истории говорит, что земля, хотя и разделена на три части — Африку, Азию и Европу, является единой; и что Египетский Нил течет между Африкой и Азией”. (Готские войны, b. IV.)

Стобей жил на столетие раньше названного писателя. В качестве иллюстрации различных этических тем он собирает мнения множества авторов, и среди них Геродота. Короткие предложения историка приводятся в четырех или пяти местах, и одно из них довольно длинное.

Император Юлиан делает несколько отсылок к нашему автору: так, в своей первой речи, восхваляющей Константина, он говорит: “Кира называли отцом, Камбиза - повелителем своего народа”. В отрывке из его Послания к афинскому народу встречается несколько явных намеков на историю персидского вторжения; а в “Мизопогоне” отчетливо упоминается история Солона и Креза, переданная Геродотом. При упоминании основных греческих авторов (Epist. XLII.) упоминается Геродот. И в послании, не дошедшем до нас, но процитированном Суидасом (ст. *Геродот*), отступник, как его там называют, называет историка “турианским историографом”.

Исихий, лексикограф, жил в третьем веке. Он приводит несколько цитат из нашего автора, например: “*Агафозэрги*— лица, увольняемые из кавалерии Спарты, по пять человек ежегодно, как сообщает Геродот”. “*Басилеи*- судьи; согласно Геродоту, мстители за зло”. “*Зейра*- зона, согласно Геродоту”. “*Канамис, Туара*— головной убор персов, согласно Геродоту”. *Залмоксис*— рассказ о гетах приводится подробно.

Афиней, критик II века, цитирует нашего автора, среди прочих примеров, следующим образом: “Геродот в своей первой книге пишет, что персидские цари не пили никакой воды, кроме той, которую привозят из Каспийского источника в Сузах, которую берут с собой для употребления везде, где они путешествуют”. “Геродот, сравнивая греческие развлечения с развлечениями персов, сообщает, что последние уделяют особое внимание дню своего рождения”. “Геродот в своей седьмой книге говорит, что те греки, которые принимали Ксеркса на его пути, были доведены до такого отчаяния, что многие из них покинули свои дома”. “Геродот рассказывает, что Амасис, царь Египта, имел обыкновение очень свободно шутить со своими гостями”.

Лонгин, знаменитый секретарь царицы Зенобии, несколько раз цитирует нашего автора в своем трактате о возвышенном. “Один ли Геродот был подражателем Гомера?” — цитируется обращение Дионисия к фокейцам: “Наши дела, ионийцы! достигли кризиса — мы должны быть свободными или рабами”; он с высокой оценкой цитирует отрывок, в котором наш автор описывает течение Нила между Элефантиной и Мероэ. Есть цитата из первой книги, также цитируется история Клеомена в пятой книге: “Клеомен пожрал свою собственную плоть”.

Диоген Лаэртий, автор “Жизнеописаний философов”, доводит ряд свидетельств до вышеупомянутого времени: он делает следующие ссылки на нашего автора. В своем Предисловии он ссылается на утверждения Геродота относительно Магов и Ксеркса, который, по его утверждению, метал дротики в солнце и бросал оковы в море. В *Жизни Пифагора* цитируется отрывок, касающийся Замолксиса, которому поклонялись геты.

Очевидно, что если свидетельства, которые будут приведены далее, будут полными и убедительными, они с точки зрения аргументации заменят те, которые уже приводились; ибо, если можно удовлетворительно доказать, что существующий ныне текст Геродота был известен более двух тысяч лет назад, нет необходимости доказывать, что он существовал в какой-либо промежуточный период. Тем не менее приведенные выше авторитетные источники служат не просто завершению нашей цепочки свидетельств, но и важны для доказательства того, что этот труд не был упущен из виду ни в какую эпоху, а всегда был хорошо известен ученым. Поэтому мы можем быть уверены, что копии можно было найти в большинстве библиотек, что работа часто

переписывалась; и что, как показывают существующие рукописи, целостность текста зависит не только от точности одного или двух переписчиков.

Теперь мы должны показать, что история Геродота существовала и была известна целой череде авторов, начиная с эпохи последнего упомянутого автора и вплоть до его собственных времен — или около 440 года до н.э.

Период в шестьсот или семьсот лет, заканчивающийся во втором веке христианской эры, включает в себя самые яркие периоды как греческой, так и римской литературы. Таким образом, у писателей тех эпох можно в изобилии собрать наиболее убедительные свидетельства по всем вопросам истории литературы. Бесчисленные цитаты всех основных авторов встречаются на страницах почти каждого прозаика, чьи произведения дошли до наших дней. Критики и историки, в особенности, в изобилии предоставляют доказательства, которые мы ищем. Мы начинаем эту вторую серию с ...

Павсаний, который в своем историческом описании Греции часто ссылается на авторитет Геродота. Из этих цитат можно упомянуть следующие: —В отступлении, касающемся эфиопов, он цитирует вторую и четвертую книги; “Ибо насамоны, которых Геродот считает равными атлантам и которые, как говорят, знают меру земли, называются ливийцами, живущими в крайних частях Ливии, близ горы Атлас—Локси”. “В соответствии с этим Геродот сообщает нам, что в Скифии потерпевшие кораблекрушение приносили в жертву быков девственнице, называемой ими Ифигения, дочь Агамемнона. Упоминается история Ио: он цитирует из Геродота предсказание дельфийского оракула; он подтверждает подлинность истории, рассказанной нашим автором; “Мне было бы излишним повторять эти подробности, поскольку они точно переданы Геродотом”. Он ссылается на орфографию имени: “и Геродот в своей Истории Креза сообщает нам, что этот Лаботас находился под опекой Ликурга, который дал законы лакедемонянам; но он называет его *Леоботас*”. В таком виде, собственно, это название и стоит сейчас в греческом тексте: —мельчайшие соответствия такого рода ручаются за правильную передачу древних книг. Он утверждает, что в Тэнарусе можно было увидеть “Ариона-арфиста, сидящего на дельфине. А подробности, касающиеся Ариона и дельфина, Геродот излагает как то, что он сам слышал, в своем отчете о лидийских событиях”. Книга X. 32: “Что касается названия города, я знаю, что Геродот в той части своей Истории, в которой он рассказывает о вторжении персов в Грецию, отличается от того, что утверждается в ”оракулах Бакиды”.

Лукиан Самосатский посвящает несколько страниц Геродоту, стиль которого он характеризует и одобряет; и он особенно рассказывает о способе, которым историк ознакомил греков со своим трудом, чтобы, где бы он ни появлялся, все могли сказать: “Это Геродот, который написал историю персидской войны на ионийском диалекте и который так славно воспевал наши победы”.

Гермоген, ритор и современник Лукиана, дает следующее описание стиля историка: “Дикция Геродота чиста, легка и проникательна. Всякий раз, когда он представляет басни, он использует поэтический стиль. Его мысли справедливы, язык изящен и благороден. Никто не превзойдет его в искусстве описывать, в манере поэтов, манеры и характеры различных персонажей. Во многих местах он достигает величия стиля, примером чего является беседа Ксеркса с Артабаном”.

Авл Геллий, разносторонний писатель, изобилует ссылками на авторов всех мастей. В своих "Аттических ночах" Геродот часто упоминается, как, например, он подробно цитирует историю Ариона. И снова: "Однако Геродот, историк, утверждает, вопреки мнению почти всех, что Босфор, или Киммерийское море, подвержено замерзанию". Здесь есть устная цитата из третьей книги, относящаяся к львице, и еще одна - из басни Псиллиан.

Свидетельства Плутарха достаточно обширны и убедительны, чтобы в одиночку выдержать все бремя нашей аргументации. Сочинения Плутарха, во все века пользовавшиеся высочайшей репутацией, дошли до наших дней в изобилии аутентичных: среди них есть небольшой трактат (если он подлинный, что весьма сомнительно), озаглавленный "О злобности Геродота". Историк в своем рассказе о персидском вторжении подтверждает, что поведение беотийцев в различных случаях было предательским и малодушным. Плутарх был беотийцем и так остро ощущал позор, навешанный Геродотом на его соотечественников, что в надежде смыть это пятно он попытался, если возможно, подорвать репутацию нашего автора, выдвинув против него тяжкое обвинение в злонамеренной фальсификации фактов на протяжении всей его истории. Чтобы достичь своей цели, он пересматривает всю работу, применяя к каждому спорному пункту максимальные усилия своей критической проницательности и все запасы своих знаний. Конкретные обвинения, выдвинутые против Геродота в этом трактате, современному читателю должны показаться по большей части крайне несерьезными. Поскольку они могут показаться более серьезными, они были полностью опровергнуты несколькими критиками. Но в настоящее время наша задача, связанная с трактатом Плутарха, состоит в том, чтобы извлечь из него доказательство подлинности и общей аутентичности произведения, являющегося предметом наших рассуждений. Итак, во-первых, этот трактат своими многочисленными и точными ссылками на все части Истории, вне всякого сомнения, доказывает, что греческий текст, дошедший до нас, по существу совпадает с текстом, прочитанным Плутархом — или, скорее, этим автором, который берет его имя в рассматриваемое время. Во-вторых, молчаливое признание Плутархом этого труда как подлинного произведения Геродота может быть воспринято как само по себе достаточное доказательство этого факта; ибо, если бы это было вообще сомнительно - если бы какая-либо неясность лежала в основе его традиционной истории, этот писатель, обладавший обширными познаниями, не мог не знать о таких основаниях для сомнений; и при этом он не преминул бы избрать короткий путь немедленного отрицания подлинности книги. Пятьсот лет, отделявшие времена Геродота от времен Плутарха, были эпохами непрерывного и широко распространенного интеллекта и эрудиции; в гораздо большей степени, чем последние пятьсот лет европейской истории; и Плутарх располагал более широкими средствами для установления подлинности Истории, приписываемой Геродоту, чем современный критик для суждения о подлинности Фруассара или Абульфеды. В-третьих, этот небольшой трактат дает косвенное свидетельство в поддержку общей правды самой истории; ибо, оставляя нетронутыми все основные части рассказа и фиксируя свою критику на второстепенных фактах и на простой окраске, придаваемой повествованию, этот критик фактически признает, что основные факты неоспоримы. Можно утверждать, что на самом деле он, в целом, скорее установил подлинность Истории, против которой он выставляет свое критическое оружие, чем преуспел в уничтожении ее авторитета.

Иосиф Флавий цитирует Геродота и исправляет его в "Еврейских древностях"; и в своем ответе Апиону он упоминает его описательно более одного раза, например, перечисляя греческих историков; несколькими страницами далее он отмечает замечательный факт, что "ни Геродот,

ни Фукидид, ни кто-либо из их современников ни в малейшей степени не упоминают римлян”. Вскоре после этого он цитирует Манефона в противовес Геродоту в своем изложении египетской истории, а несколькими страницами позже приводит точную цитату из второй книги.

Квинтилиан сравнивает Геродота с Фукидидом: “Геродот, милый, пресный и обильный”. “У Геродота, как я думаю, всегда мягкое течение языка”. “Не нужно также презирать Геродота, чтобы сочетаться с Ливием”.

Страбон, самый образованный, точный и интеллигентный из древних географов, очень часто цитирует нашего автора, по поводу утверждений которого он высказывает суровую критику, однако не ставя под сомнение общую достоверность Истории. Рисунки. *Галикарнас*. “Среди знаменитых людей, родившихся в этом месте, Геродот, историк, которого называют турианцем, потому что он присоединился к колонии в этом месте”. “Геродот не зря сказал, что весь Египет, по крайней мере, Дельта, была даром реки”. Страбон ссылается на приведенный отчет о путешествии вокруг Африки, предпринятом по приказу Дария. Он ссылается на авторитет Геродота, который утверждает, что в Мемфисе в Египте находился храм Нептуна.

Автор, названный последним, подводит нашу серию свидетельств к началу христианской эры. Продвигаясь вверх по течению времени, мы встречаемся далее с ...

Дионисий, земляк Геродота, автор “Римских древностей” и нескольких критических трактатов. В одном из них, озаглавленном “Суждения древних писателей”, и в другом, адресованном кн. Помпею, Дионисий дает подробный отчет о стиле, методе и сравнительных достоинствах нашего автора. В книге по композиции он приводит длинную и буквальную цитату из первой книги. Описывая характер Фукидида, он таким образом говорит о Геродоте: “Геродот Галикарнасский, доживший до времен Пелопоннесской войны, хотя и родился незадолго до Персидской войны, поднял стиль написания истории: он сочинил не только историю одного города или нации, но и включил в свой труд множество различных событий как в Европе, так и в Азии. Начав с Лидийского царства, он переходит к Персидской войне — рассказывает обо всем, что было совершено греками и варварами за 240—летний период, - выбирая то, что было наиболее достойно упоминания, и соединяя их в единой истории; в то же время украшая свою работу превосходными качествами, которыми пренебрегали его предшественники”. Несколько описательных похвал подобного рода можно было бы привести из критических работ этого автора.

Современником Дионисия, хотя и на несколько лет старше его, был Диодор Сицилийский. Этот образованный и кропотливый историк придерживается во многом тех же взглядов, что и Геродот, на которого он делает несколько отсылок. Обсуждая вопрос о разливах Нила, он излагает и оспаривает мнение, высказанное Геродотом по этому вопросу. Далее он отвергает как баснословные рассказы Геродота и других о далекой истории Египта и заявляет, что следует публичным записям египетских жрецов; однако ранее он восхвалял нашего автора как писателя, “не имеющего соперника, неутомимого в своих исследованиях и широко сведущего в истории”. Диодор излагает различные мнения авторов относительно Мидийской империи, и среди них Геродот: “Геродот, живший во времена Ксеркса, утверждает, что ассирийцы правили Азией в течение 500 лет, прежде чем она была покорена мидянами”.

Наш автор был известен римским писателям. Корнелий Непосс, очевидно, следует ему в некоторых отрывках, хотя он утверждает, что придерживается в основном авторитета Феоппа,

Фукидида и Ксенофонта. Цицерон в нескольких местах дает ему высокую оценку, заявляя, что “насколько его знание греческого языка позволяло ему наслаждаться им, красноречие историка (которого он называет “Отцом истории”) доставляло ему величайшее наслаждение”, что его язык “течет как беспрепятственная река”, и что “ничто не может быть более приятным, чем его стиль”.

Плиний Старший часто ссылается на Геродота; например, “Если верить Геродоту, море когда-то простиралось за пределы Мемфиса до гор Эфиопии”: говоря о разливе Нила, он цитирует нашего автора— “река, как рассказывает Геродот, уходит в свои берега на сотый день после своего первого подъема”. Мимолетные упоминания встречаются во многих местах: “Геродот, более древний и авторитетный, чем Джуба”; “Геродот говорит, что черное дерево составляло часть дани, которую эфиопы платили царям Персии”; “этот автор сочинил (исправил) свою Историю в Туриуме в Италии, на 310—м году правления Рима”.

Скимн Хиосский, от сочинений которого сохранились лишь отдельные фрагменты, утверждает, что в своем Описании Земли сообщает то, что “Геродот записал в своей Истории”. Считается, что этот писатель процветал во втором веке до нашей эры.

Аристотель цитирует Геродота как пример устаревшего, непрерывного стиля. “Если бы труды Геродота были переведены в стихи, они бы таким образом не стали поэмой, а остались бы историей”. В своей “Истории животных” он обвиняет нашего автора в ошибке, утверждая, что “при осаде Нина видели, как орел пил”; но в трудах историка такого утверждения нет: вероятно, Аристотель процитировал отрывок из какого-то другого писателя по памяти и ошибочно приписал его Геродоту; или, возможно, он процитировал какую-то работу этого историка, которая с тех пор исчезла. Двусмысленный ответ Пифии Кресу цитируется, хотя и не прямо, из Геродота.

Ктесий, краткое изложение работ которого сохранилось у Фотия, очень часто цитируется древними авторами. Он был греческим врачом, сопровождавшим экспедицию, возглавляемую против Артаксеркса его братом, младшим Киром. Хотя он был на несколько лет моложе, он был современником Геродота: таким образом, его свидетельство подводит ряд свидетельств ко времени нашего автора. Ктесий, попавший в руки персов в битве при Кунаксе, в течение семнадцати лет содержался при дворе Артаксеркса в качестве врача; и, по-видимому, в надежде снискать расположение “великого царя” и получить собственную свободу, он взялся за сочинение истории Персии с явным и общепризнанным намерением подорвать авторитет Геродота, которого в не очень вежливых выражениях обвиняет во многих фальсификациях. Вэтих обвинениях очевидны ревность и злоба маленького ума. Ничто не может быть более бессмысленным, чем сохранившиеся фрагменты двух работ этого автора — его “Истории Персии” и “Истории Индии”; и все же, хотя они и не обладают особой внутренней ценностью, они служат важной цели, предоставляя очень ясные доказательства подлинности и общей аутентичности произведения, которое Ктесий старался обесценить. Если рассказ Геродота о персидских делах был совершенно неправдивым, то у его соперника не было ни желания, ни средств разоблачить этот обман. Но хотя, подобно Плутарху, он придирается к незначительным моментам, суть повествования он оставляет неоспоримой.

Фукидид, современник и соперник Геродота, чьи труды, как говорят, разожгли в его юном уме страсть к литературным изыскам, делает лишь неясный намек на Историю; однако этот намек таков, что его вряд ли можно понять неправильно. Книга I. 22, объясняя принципы, которыми он

предлагал руководствоваться при написании своей Истории, он саркастически поглядывает на некоторых авторов, которые, повествуя о событиях, имевших место в отдаленные времена, смешивают басни с правдой и которые, кажется, стремились скорее развлечь, чем проинструктировать своих читателей. Затем он сразу же упоминает мидийскую войну, которая составляет основную тему работы его соперника, и о которой эта работа была хорошо известна. Но если этот намек нельзя допустить в качестве доказательства, то наша цепочка доказательств будет завершена и без него.

Цитат или намеков, подобных этим, можно было бы приводить почти без числа; но любая цель, как иллюстрация, так и аргумент — если бы аргумент был необходим, достигалась столь же немногими, сколь и многими. Из всей массы свидетельств, если бы мы выбрали, например, свидетельства Фотия, Дионисия и Диодора, у нас было бы достаточно доказательств подлинности и целостности произведения; ибо существование этих свидетельств нельзя было бы объяснить каким-либо разумным образом, исходя из противоположного предположения. И когда мы обнаруживаем, что это произведение отражено, так сказать, более или менее отчетливо, почти на всей поверхности древней литературы, для сомнений не остается места. Писатели всех эпох, начиная со времен автора, говорят об этом произведении как о хорошо известном в их время: — ни один из них не цитирует его в таких выражениях, как “древняя история, которая, как говорят, была написана Геродотом”; — или “история, которую большинство людей считает подлинной”; ибо все они относятся к ней как к книге, которая была в руках у каждого. Следовательно, если бы История была написана в какую-либо эпоху после Геродота, автор любого такого поддельного труда должен был иметь под своим контролем для целей интерполяции не только копию каждого значительного произведения, дошедшего до нас в его время, но и каждую копию каждого такого произведения: - фактически он должен был заново создать всю массу книг, существовавших в восточном и западном мире в то время; и он должен был уничтожить все, кроме своих собственных вставленных копий; в противном случае до нас дошли бы копии некоторых из этих работ, в которых эти вставленные цитаты из Геродота не хватало. Хотя такие предположения экстравагантны, все же давайте попытаемся реализовать одно или два из них.

Тогда мы можем представить себе, что эта История, претендующая на звание древнего произведения, на самом деле была написана в девятом веке каким-нибудь ученым константинопольским монахом. Исходя из этого предположения, мы должны поверить, что переписчики того времени во всех частях греческой империи, привлеченные фальсификатором в пользу мошенничества, выпустили новые и искусно вставленные копии следующих авторов, а именно: Прокопия, Стефана, Стобея, Марцеллина, Юлиана, Исихия, Афиней, Лонгина, Лаэртция, Лукиана, Гермогена, Павсания, Авла Геллия, Плутарха, Иосифа Флавия, Страбона, Дионисия, Диодора, Аристотель, Ктесий и многие другие, которые не цитировались выше. Затем к этому списку следует добавить многие произведения, которые сохранились в девятом веке, но с тех пор утеряны. Все ранее существовавшие экземпляры этих авторов, должно быть, были собраны и уничтожены; но даже этого было бы недостаточно; поскольку византийские авторы, должно быть, пользовались поддержкой латинских переписчиков во всех монастырях Западной Европы; в противном случае труды Цицерона, Квинтилиана и Плиния не содержали бы тех ссылок на Историю, которые мы действительно в них находим. Осуществить все это, или двадцатую часть этого, было так же невозможно в средние века, как для нас было бы изменить пятна на Луне, поскольку то, что нужно было изменить, было абсолютно недоступно тем, кто, как мы предполагаем, предпринял эту попытку.

Но что касается этих предполагаемых вставок, то это были не формальные предложения или отдельные абзацы, вклинившиеся туда, где они, по—видимому, мало подходят, а случайные цитаты или намеки, соответствующие той связи, в которой они встречаются, и идеально соответствующие тексту.

Далее предположим, что подлинная история Геродота, упоминаемая, как мы видели, более ранними авторами, исчезла или предполагалась исчезнувшей примерно в седьмом веке; и что какой-то писатель девятого века сочинил труд, который должен был сойти в мире за подлинную историю. Теперь, чтобы осуществить это, он должен был по ходу дела иметь в своей памяти весь массив древней литературы, как греческой, так и римской; иначе он не смог бы обработать все ссылки и цитаты более ранних авторов, чтобы привести их в соответствие, как мы обнаруживаем, с его поддельным произведением; и если бы кто-либо из этих авторов был ему неизвестен или забыт, тогда мы нашли бы противоречивые цитаты, которые невозможно было бы проверить. Более того, поскольку подлинное произведение, несомненно, существовало и широко распространялось *в шестом* веке, ни один писатель, желающий предпринять такую попытку, не мог считать себя защищенным от существования нескольких копий подлинного произведения, которые, если бы были обнародованы, сразу же подвергли бы его собственное презрению.

Или если попытка подделки была предпринята во времена, более близкие ко времени предполагаемого автора, то по мере того, как мы отступаем от трудностей одного рода, мы сталкиваемся с трудностями другого рода. Ибо если, чтобы избежать абсурдности предположения, что огромная масса книг, разбросанных по многим и отдаленным странам, была сразу же вызвана и переиздана с необходимыми вставками, мы представим, что работа была подделана в более раннее время, когда в существующие книги нужно было вставлять меньше свидетельств; тогда мы приходим к периоду, когда обучение было на пике - в Александрии — по всей Греции и ее колониям — когда каждый факт, связанный с историей книг, был хорошо известен; когда существовало много больших библиотек — когда, следовательно, ни один стандартный труд не мог исчезнуть или быть вытеснен подделкой; и уж тем более произведение, о котором никогда прежде не слышали, не могло создать себе репутации книги, давно и хорошо известной: как могли ученые на востоке и западе быть убеждены, что произведение, недавно созданное, находилось в их библиотеках в течение ста лет? Хотя знание книг в наше время распространено шире, чем это было в древние времена, все же среди тех, кто увлекается литературой, сейчас не больше эрудиции, интеллекта, проницательности, чем было продемонстрировано в течение трех или четырех столетий, центром которых была эпоха Августа. Опубликовать пространную историю и убедить мир в том, что она была известна в течение последних двухсот лет, - попытка не более невыполнимая в наши дни, чем это было бы во времена Дионисия, Цицерона, Квинтилиана или Плутарха.

Если мы поднимем наше предположение еще выше, то есть до тех пор, пока не освободимся от всех вышеупомянутых трудностей, тогда мы ничего не приобретем. Признается факт, принципиально важный как исторический вопрос, а именно, что История действительно существовала в то время или очень близко к тому времени, которое обычно предполагается; и тогда единственным предметом спора является простое имя автора, которое, поскольку речь идет об истине истории, является вопросом второстепенного значения. Однако давайте продолжим это сомнение еще на шаг; — Если Геродот, галикарнасиец, был реальным человеком, известным в свое время как писатель, то какой-нибудь самоотверженный

фальсификатор приписал этому Геродоту всю славу автора столь замечательного произведения; и этот Геродот принял великодушный обман и сыграл свою роль, чтобы воздать ему должное. Но если имя и обозначение полностью вымышлены — настоящий автор скрывает себя; тогда как случилось, что греки того времени говорили о Геродоте как о реальном человеке, которого они знали, почитали и вознаграждали? Отдавая предпочтение любой такой неосуществимой гипотезе, кто бы скорее не принял за истину утверждение, которое написано на лицевой стороне работы?

Но теперь мы рассмотрим другое предположение. Проследив, как мы уже сделали, историю рассматриваемого произведения, посредством непрерывного ряда цитат греческих и латинских авторов, и получив таким образом убедительное доказательство его древности, мы можем предположить, что существует персидский перевод Истории Геродота, который, как по особенностям его стиля, так и по внешним свидетельствам, был выполнен во времена Артаксеркса. Затем приводится другой перевод того же произведения на язык древнего Карфагена, который, за исключением этого (предполагаемого) перевода, давно вымер. И есть еще один на коптском, или древнем языке Египта; и еще один на латыни времен Плавта и Теренция. Если бы каждый из этих нескольких переводов дошел до нашего времени по какому-то независимому каналу и если бы каждый обладал отдельной массой свидетельств, подтверждающих его древность; и если бы при сопоставлении между собой и с греческим оригиналом было обнаружено, что они согласуются, за исключением тех вариаций, которые всегда должны принадлежать переводу; тогда, и в таком случае, мы имели бы пример такого рода избыточной демонстрации, которая на самом деле полностью принадлежит еврейским и христианским Писаниям; но никаким другим произведениям вообще.

Допустим теперь, насколько это *возможно*, что писатель более поздней эпохи, в совершенстве владевший греческим языком, обладавший неисчерпаемым запасом разнообразных знаний и в высокой степени одаренный способностью к подражанию, мог создать девять книг, подобных книгам Геродота, которые, при условии отсутствия внешних свидетельств, опровергающих подделку, могли бы сойти за подлинные. Утверждать, что подобная подделка *возможна*, значит допустить максимум, на что способны наши знания о силах человеческого разума; и гораздо больше, чем история литературных подделок позволяет нам предположить: все попытки такого рода, которые были обнаружены, либо изобилуют явными несоответствиями; или, если они были предприняты людьми образованными и способными, они были сделаны в небольшом масштабе и исключали, насколько это возможно, все точные ссылки на конкретные факты.

Но произведение, лежащее перед нами, имеет огромный объем; его намеки на конкретные факты бесчисленны, точны и неосторожны; его стиль и диалект соответствуют эпохе, на которую оно претендует: одним словом, это во всех отношениях то, чем должно быть подлинное произведение той эпохи. Если бы тогда о нем судили только на основании внутренних свидетельств, ни один ученый ни на минуту не колебался бы в пользу его подлинности. Читатель, вероятно, помнит, что предположение о подделке в более позднюю эпоху исключается доказательствами, уже приведенными в этой главе.

ГЛАВА XVIII. МЕТОД АРГУМЕНТАЦИИ ОТ ПОДЛИННОСТИ К ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОРИИ ГЕРОДОТА.

Содержание

Вывод о том, что греческий текст Геродота в том виде, в каком он появился сейчас, за исключением лишь небольших словесных вариаций, существовал и был хорошо известен в Греции, по крайней мере, еще в начале Пелопоннесской войны (431 год до н.э.), подтверждается уже приведенными доказательствами. Теперь остается выяснить, в какой степени это доказательство древности и подлинности произведения является доказательством общей правдивости Истории.

В цивилизованном сообществе, где разрешено свободное выражение мнений и где на самом деле существуют противоположные интересы, писатель, претендующий на составление достоверного отчета о событиях, которые еще свежи в памяти людей, может действовать только в определенных рамках, даже если он, возможно, пожелает исказить факты.—Обстоятельства, известные лишь немногим, могут быть сфальсифицированы —мотивы могут быть оклеветаны—действия могут быть преувеличены —ошибки и страдания могут быть приукрашены риторическим декламированием —честные персонажи могут быть опорочены, а нечестные восхвалены: — это почти границы фальсификации. Но если героями рассказа становятся полностью вымышленные персонажи — если описываются вторжения, битвы, осады, заговоры, которых никогда не было, — если, одним словом, все повествование является вымыслом, то оно относится к другому классу произведений и никогда не сможет заслужить доверия как достоверный отчет о реальных и недавних событиях. Следовательно, те же доказательства, которые устанавливают существование исторического произведения во времена, близкие к описываемым в нем событиям, устанавливают также *общую достоверность* повествования; ибо произведение не только упоминается современными авторами, но и упоминается *как история*. Этот персонаж, присвоенный книге современниками автора, содержит в себе, в сжатом виде, избирательные права всего сообщества. По существу, мы слышим, как жители Греции соглашались с историком, по крайней мере, в отношении тех основных частей его повествования, о которых они имели право составить мнение и относительно которых ни один писатель не попытался бы их обмануть.

Справедливость требует, чтобы мы относились к историку в соответствии с его профессией. Когда он рассказывает о событиях, столь же хорошо известных его современникам, как и ему самому, нельзя считать, что он несет какую-либо иную ответственность, кроме ответственности за хорошее изложение своей истории: в таких случаях мы можем потребовать доказательств его беспристрастности или обоснованности его суждений, но не его правдивости, которая не облагается налогом. Но когда он рассказывает о происшествиях частного или отдаленного характера; — когда он требует доверия своих современников, утверждая вещи, в отношении которых *они* обычно не смогли бы обнаружить его искажений, если бы он ошибался; — тогда и в таких случаях мы можем справедливо искать свидетельства, касающиеся характера историка, обстоятельств и его средств получения информации. Это важное различие, которое никогда не следует упускать из виду при чтении истории; — и вывод, который оно содержит, таков: история *общественных операций*, опубликованная, когда многие действующие лица были еще живы, и

когда события были хорошо известны большому количеству людей, и которая обычно воспринималась как достоверная, должна быть принята в отношении ее основных фактов как истинная, даже если есть основания сомневаться в беспристрастности, правдивости или суждении автора; но если в этих отношениях он имеет право на общую степень доверия, то не более чем на несколько ошибки, вызванные непреднамеренностью, могут быть, со всей справедливостью, вычтены из повествования.

Следовательно, каждое историческое произведение нуждается в анализе и отдельной оценке нескольких его частей.—Все отдаленное или частное будет требовать нашего доверия в соответствии с тем мнением, которое мы можем сформировать о правдивости, точности суждений историка и его средствах получения информации; но правдивость повествований, относящихся к событиям, которые пользовались дурной славой во времена автора, основывается совершенно на другом основании; она обязательно связана с тем фактом, что произведение было опубликовано и признано достоверным в такую-то дату. Сила этого вывода лучше всего проявится при изучении конкретного примера.

Придерживаясь вышеупомянутого различия, мы должны выделить из Истории Геродота следующие фрагменты (не потому, что было доказано, что они ложны или даже невероятны; но просто потому, что истинность их не может быть *напрямую выведена из факта подлинности работы*). Во—первых, географические и антикварные описания стран, удаленных от Греции; во—вторых, ранняя история таких стран и, действительно, ранняя история самой Греции; в—третьих, события или совещания, которые, как говорят, происходили при персидском дворе во время войны с Грецией; и, наконец, множество отдельных инцидентов, о которых сообщается, что они происходили среди греков, но которые основаны на подозрительных или недостаточных доказательствах. После подобных выводов останутся все те основные события персидского нашествия, которые были так же хорошо известны тысячам соотечественников и современников автора, как и ему самому; и за описание которых он несет ответственность только как *автор*, от которого требуется переварить свои материалы наилучшим доступным ему способом, а не как *свидетель*, призванный дать показания по сомнительному поводу.

Основные события, которые мы можем принять как подтвержденные древностью и подлинностью работы, таковы: — Вторжение в Грецию большой азиатской армии примерно за сорок пять лет до публикации "Истории"; —разгром этой армии афинянами и платейцами на Марафонских равнинах; —второе вторжение в Грецию десять лет спустя огромного войска, собранного из представителей многих народов; —оставление афинянами своего города; —безрезультатное сражение с захватчиками у Фермопильского прохода; —оккупация Греции афинами. взятие Афин персами: —разгром флота вторжения при Саламине; —отступление персов и их второе наступление в следующем году, когда разрушение Афин было завершено; и —окончательное поражение азиатской армии при Платеях и Микале. То, что эти события действительно имели место — при условии, что История подлинная, — станет ясно, если будут изучены обстоятельства дела.

В то время, когда, как было доказано, История Геродота была общеизвестна и воспринималась как достоверная, несколько государств Греции были объединены под влиянием соперничающих интересов Афин и Спарты; и междоусобная война, ведущаяся с крайней враждебностью, бушевала по очереди во всех частях этой узкой территории. Следовательно, такой период был не тем временем, когда можно было терпеть вопиющее искажение недавних

фактов, имеющее тенденцию льстить тщеславию одного из этих соперничающих государств в ущерб чести других, или когда можно было завоевать какой-либо авторитет. Афиняне превозносили себя сверх всякой скромности, поскольку только с помощью платейцев отразили мидийское вторжение на Марафонских равнинах. Но было бы позволено это хвастовство — допустили бы другие государства, чтобы отчет о битве, приведенный Геродотом, прошел без противоречий, если бы такого вторжения на самом деле не было, или если бы оно было гораздо менее грозным, чем представляется историком; или если бы другие государства действительно присутствовали на поле боя? Наш автор утверждает, что лакедемоняне, хотя и были полностью осведомлены об опасности, угрожавшей независимости Греции, упорствовали в скрупулезном соблюдении своего обычая не отправляться в военную экспедицию до наступления полнолуния. Тем временем разыгралась битва, и отряд из двух тысяч лакедемонян, впоследствии отправленный из Спарты, прибыл на поле битвы ровно настолько, чтобы удовлетворить свое любопытство зрелищем убитых мидян. Это отсутствие у них союзников впоследствии всегда вызывало высокомерное ликование афинян; и историк, поддерживая их хвастовство, бросил вызов противоречию половины населения Греции.

Второе вторжение в Грецию, осуществленное лично персидским монархом, произошло через десять лет после поражения первого при Марафоне; или примерно за тридцать пять лет до публикации "Истории": таким образом, тогда было живо много людей, принимавших участие в нескольких сражениях; и каждое замечательное событие войны было тогда так же хорошо известно и запоминается в Греции, как обстоятельства Французской революции народами Европы в настоящее время (1828 г.).

Наша непосредственная цель не требует, чтобы мы проверяли достоверность описания азиатской армии, данного Геродотом; ибо даже если бы было доказано, что приведенные им цифры преувеличены, основные факты не подверглись бы сомнению; и даже заслуга историка не была бы сильно подорвана; ибо во всех этих подробностях он снова и снова старается напомнить читателю, что приводит лучшие отчеты, которые смог собрать, не ругаясь за их абсолютную точность. То, что он действительно воспользовался подлинными документами при составлении этого описания, становится очевидным благодаря наглядной правдивости и уместности всех деталей. Действительно, картина персидской армии, ее дисциплины и передвижений поразительно согласуется с известными способами ведения войны в Азии. Армия Ксеркса состояла из небольшого отряда храбрых и хорошо дисциплинированных войск — мидян, персов и саков, которые, если бы ими умело командовали и не были обременены, весьма вероятно, преуспели бы в своем предприятии; но, будучи стеснены присутствием огромной и беспорядочной толпы полудиких или распутных слуг, они были на каждом шагу окружены широко распространяющимся опустошением — более пагубным, чем враг, что делало продвижение армии в высшей степени затруднительным, а ее отступление отчаянным. Ко всему этому можно привести параллельные примеры почти из каждой страницы азиатской истории.

Говоря о двадцати сатрапиях Дария, майор Реннелл в своем Эссе по географии Геродота пользуется информацией, содержащейся в описании армии Ксеркса нашим автором, которому он приписывает высокую степень авторитетности. Теперь очевидно, что, если бы Геродот не располагал подлинными и точными документами, для него было бы невозможно придать соответствие действительности двум различным рассказам о нациях и народах, столь различных и столь удаленных от Греции. "Хотя, " говорит этот автор, " в описании есть

некоторые ошибки, поскольку они обязательно должны быть там, где предмет настолько обширен, все же в целом оно настолько удивительно последовательно, что удивляешься, как греки нашли средства приобрести так много знаний, касающихся столь отдаленной части. Возможно, у нас вошло в привычку поступать с ними несправедливо, предоставляя им меньшую степень знаний географии Азии, вплоть до экспедиции Александра, чем они действительно обладали; то есть в некоторых случаях мы приписывали Александру определенные географические открытия, которые, возможно, были сделаны задолго до его экспедиции.... Мы завершим рассказ о сатрапиях и наши замечания о вооружении Ксеркса некоторыми дополнительными, касающимися общей достоверности заявления последнего и конечной цели экспедиции. Какими бы краткими ни были описания в тексте, они содержат большое разнообразие информации и предоставляют ряд доказательств общей правдивости истории нашего автора; ибо описания одежды и оружия нескольких отдаленных народов, участвовавших в походе Ксеркса, согласуются с тем, что встречается у них в наши дни; что является убедительным подтверждением этого; несмотря на попытки высмеять это разными авторами. Геродот беседовал с теми, кто видел одежду и оружие этих племен во время вторжения; и поэтому мы не можем сомневаться, что индейцы, одетые в хлопок и с луками, сделанными из тростника (то есть бамбука), были среди них; конечно, великий царь призвал своих вассалов и союзников в целом на эту европейскую войну; войну, направленную не только против Греции, но и против Европы в целом, как явствует из речей Ксеркса и других обстоятельств.... Очевидной причиной объединения стольких народов было то, что европейцы (как и в наши дни) считались настолько превосходящими азиатов, что требовалось значительно большее количество последних, чтобы противостоять им. Это не менее очевидно в истории войн Александра Македонского и войн, развязанных европейцами на Востоке в наше время. Однако мы ни в коем случае не верим в цифры, описанные греческими историками; потому что из того, что мы видели и знаем, мы не можем понять, как такое множество людей могло быть обеспечено пищей, а их животные - фуражом. Но в то, что армия Ксеркса была несравненно велика, можно легко поверить, потому что она была собрана в обширной империи, каждая часть которой, а также ее союзники составляли определенную долю; и если бы общая численность составляла лишь умеренную, было бы бессмысленно набирать это количество по всей империи; и собирать войска из Индии и Эфиопии для нападения на Грецию, когда все необходимое количество можно было собрать в Нижней Азии”.

На основании имеющихся свидетельств представляется невозможным установить, насколько большой вывод следовало бы сделать из расчетов Геродота относительно численности армии вторжения; но легко поверить, что его источники, которые, несомненно, были достоверными в том, что касается описания сил, могли ввести его в заблуждение без какой-либо вины с его стороны. Или, вероятно, поскольку цифры превышали возможности обычных вычислений, современные греки переняли какой-то гипотетический способ вычисления, который мог легко превзойти истину.—Например, продолжительность времени, затраченного обозом варваров на прохождение определенных ущелий: —или, возможно, был применен очень ошибочный способ подсчета, используемый персами: — это, как описывает Геродот, состояло в подсчете десяти тысяч человек, которые были выстроены в круг как можно плотнее, и вокруг них образовалась ограда: затем их убрали, и всю армию по очереди заставляли проходить внутри ограды: таким образом, все было подсчитано до десяти тысяч. Но насколько вероятно, что из-за невнимательности лиц, проводивших этот процесс, последующие упаковки были все менее и менее плотными? Могло показаться, что семь тысяч человек легко заполняют пространство, в

которое поначалу были втиснуты десять. Также совершенно небезопасно *априори* исходить из предположения, что такое количество людей не могло быть поддержано на марше. Власть, которая привлекла большое количество людей из двадцати девяти стран, могла также лишиться эти страны их зерна. Огромная флотилия плоскодонных барж сопровождала армию вдоль побережья; и как только эта флотилия отделилась от нее, отступающее войско испытало все крайности голода. Это вооружение не идет ни в какое сравнение с теми, которые в более поздние времена пересекали Азиатский континент; ибо в этих случаях помощь сопутствующего флота была недоступна. Без этой помощи отдаленное перемещение пятисот тысяч человек едва ли осуществимо; с ее помощью можно без особого труда провести в три-четыре раза большее число на расстояние трех-шестимесячного перехода. Это важное различие не было должным образом учтено теми, кто обсуждал этот вопрос. Таким образом, если сделать такой вывод из численности армии Ксеркса, который легко можно объяснить неточным методом подсчета, применявшимся персами или греками, и если учесть присутствие столь большого флота складских судов, мы вполне можем считать, что Геродот освобожден от обвинения либо в преднамеренной фальсификации, либо в намеренном преувеличении.

Если бы было заявлено, что Геродот обнаруживает склонность при каждом удобном случае выставлять поведение афинян в наиболее выгодном свете, то можно было бы ответить, что, если ему приписывают такую склонность, то его существенная беспристрастность и подлинность повествования убедительно доказываются тем, что он предоставил спартамцам безраздельную и завидную славу первой встречи с захватчиками при Фермопилском проходе. Рассказывая об этом достопамятном действии, он утверждает, что все союзники под командованием Леонида, за исключением лишь небольшого отряда фиванцев и феспийцев, отступили с перевала, как только стало известно, что варвары обошли их стороной; и он явно приписывает это дезертирство преобладанию не солдатских страхов. Таким образом, это заявление — как и многие другие в Истории — вызвало противоречие со стороны сторон, причастных к позору.

Рассказывая о морских сражениях, имевших место в Эвбейском проливе, историк довольствуется утверждением, что после сомнительного сражения каждый флот вернулся на свою стоянку; и он приписывает окончательный успех греков не столько их доблести и искусству, сколько божественному вмешательству, которое из-за сильного шторма настолько уменьшило персидский флот, что оба вооружения были сведены к равному.

Неудача греков в попытке противостоять наступлению варваров у Фермопил и потери, которые они понесли в нескольких морских сражениях, довели их почти до отчаяния, афиняне, считая практически невозможным защищать Аттику, покинули свой город и укрылись на борту своих кораблей и на соседних островах. Таким образом, захватчику было позволено без сопротивления привести в исполнение свою угрозу — что он отомстит афинянам сожжением Сард. Таким образом, здесь мы подходим к определенному факту, который можно рассматривать как составляющий центральную точку Истории. Если этот факт будет установлен, то следует признать, что большинство второстепенных инцидентов имели место, поскольку они были не более чем надлежащими причинами или следствиями этого главного события.

За такой короткий период, как тридцать пять или сорок лет, у афинян, да и вообще у любого народа Греции, не могло быть сомнений или разногласий по поводу того, были ли Афины оккупированы иностранной армией, были ли разрушены или сожжены их залы и храмы,

вырублены их священные рощи и опустошены окружающие сады и поля. Но пока еще были живы несколько тысяч граждан, достигших совершеннолетия на момент предполагаемого вторжения, и пока сооружения нового города были в первой свежести или едва достроены; и хотя, если бы это действительно имело место, следы этого разрушения должны были быть повсюду очевидны, опубликована история, получившая всеобщее одобрение, в которой особенно подробно описаны это вторжение в Аттику и это разрушение Афин. Можно ли тогда согласовать этот факт с предположением, что никаких подобных событий на самом деле не происходило - что этих высокомерных граждан никогда не выгоняли из их домов? Можем ли мы поверить, что ради присвоения себе славы отражения такого вторжения весь народ Афин согласился бы с вымышленным повествованием, которое, как должно было быть известно каждому из них, не имело под собой никаких оснований? или, если бы такое увлечение преобладало в Афинах, разве их соседи — коринфяне и беотийцы - оставили бы такую ложь без опровержения?

Очевидно, что, если бы не произошло мощное вторжение в Грецию, Афины - главный город Греции, не могли бы быть оккупированы и разрушены; и если бы это вторжение не было быстро отражено, Афины не смогли бы вернуть себе то богатство, власть и свободу, которыми, как известно, они обладали в первые годы Пелопоннесской войны. Итак, если бы можно было оспорить истинность Истории Геродота, вопрос должен был бы дойти до сути. Если отрицать, что такое вторжение в Грецию произошло в то время, о котором говорит наш автор, то факт всеобщего распространения Истории Геродота по всей Греции и высокого доверия к ней должен быть доказан как связанный с этим отрицанием. С другой стороны, от апологета Геродота, установившего древность и подлинность этого труда, не следует требовать ни защиты правдивости историка, ни приведения подтверждающих фактов в подтверждение факта, пока не будет устранена трудность, связанная с противоположной гипотезой.

Отчет Геродота о последующих событиях персидской войны, то есть о поражении азиатского флота при Саламине, отступлении Ксеркса, втором занятии Афин следующей весной персами под командованием Мардония и окончательном разгроме армии варваров при Платеях и Микале, разумеется, следует как по существу верный, если установить предшествующие факты. Следует, однако, заметить, что этой последней части Истории присущ особый характер достоверности: ибо, хотя исход войны действительно был в высшей степени тешащим тщеславие греков, можно было бы подумать, что историк хотел, насколько это возможно, умерить их ликование или уравновесить величие каждого из государств какими-то позорными обстоятельствами. Например, не задернута завеса над теми почти фатальными спорами о прецеденте, которые отвлекли советы союзников; не скрыты и не оправданы измены и корыстное поведение вождей. Признаются малодушие некоторых и страхи всех: действительно, Геродот обрушил столько позора или дискредитации на отдельных людей и на все сообщество в целом, что его смелость при публикации подобных заявлений и искренность греков при их признании одинаково достойны восхищения. Мы не можем верить иначе, как в то, что полная убежденность в существенной правдивости этих утверждений сразу же придала автору такое мужество и вынудила его слушателей проявлять такую сдержанность. Неудивительно, что в более поздние времена некоторые авторы, ревниво пекущиеся о чести Греции в целом или какого-то конкретного государства, попытались устранить эти пятна, поставив под сомнение авторитет историка. Однако, даже предпринимая эту попытку, они не отваживаются пойти дальше, чем подвергнуть сомнению его рассказ о нескольких конкретных сделках или оспорить те части работы, которые относятся к отдаленным временам и далеким народам.

Мы видели, что история персидского вторжения, изложенная Геродотом, в своих основных обстоятельствах подтверждается простым фактом, что эта работа была известна и была принята как подлинная в течение сорока лет после описываемых в ней событий, поэтому это не тот случай, когда правдивость историка нуждается в подтверждении или когда наша вера в его правдивость должна зависеть от других свидетельств. И все же естественно поискать вокруг такие другие свидетельства, которые могут быть найдены, чтобы иметь отношение к истории. У нас есть полное право предположить, что события такого масштаба, как те, о которых рассказывает Геродот, упоминались бы, более или менее недвусмысленно, другими авторами того же времени — будь то философы, поэты, ораторы или историки. И это действительно так в рассматриваемом нами примере; ибо почти каждый писатель — современник Геродота, — чьи труды сохранились, делает прямые или косвенные намеки на персидское вторжение. Некоторые из авторов, уже приводившихся в доказательство древности и подлинности истории, теперь должны быть отозваны для дачи показаний относительно сути дела.

Сообщается, что Пиндар, принц лирических поэтов, умер в возрасте восьмидесяти лет, родился около 521 года до н.э. и был в середине жизни во время персидского нашествия. Дошедшие до наших дней оды читались в Греции еще до того, как была составлена история Геродота. Предметом этих сочинений являются восхваления победителей Олимпийских, Истмийских, Пифийских и Немейских игр; и, восхваляя своих героев, поэт находит повод сослаться на славу городов, которым они принадлежали: следовательно, в них содержится много отсылок к событиям греческой истории; и поскольку эти оды декламировались на всех великих празднествах, отсылки были такими, что народная масса не могла не понять. Такого рода случайные и краткие уведомления о публичных мероприятиях, призванные разжечь энтузиазм аудитории, должны, конечно, основываться на знаниях или убеждениях тех, кому они были адресованы. В первой из "Пифийских од" дается краткий очерк основных событий персидской войны. — Такого поражения, какое они потерпели от сиракузского царевича, который, командуя быстрыми кораблями вместе с юношей, освободил Грецию от тяжелого рабства. — Я бы выбрал похвалу, добытую афинянами при Саламине: — или я бы рассказал в Спарте о битве у горы Киферон, в которой мидяне с их изогнутыми луками (ἄκυλότοξοι) были угнетены. Срединный лук, изображенный на барельефах Персеполя, очень точно описывается этим эпитетом — он очень длинный и сильно изогнутый даже в вытянутом состоянии.

Эти намеки могут быть объяснены ссылкой на те места у Геродота, где рассказывается, что, пока Ксеркс продвигался к Греции, афиняне и лакедемоняне отправили посольство к Гелону, тирану Сиракуз, просить его помощи против варвара: он отказался предоставить ее, за исключением условий, которые греки не могли выполнить. Тем не менее, он снарядил флот, вступил в бой с карфагенянами и разбил их под командованием Амилькара, которого персы подстрекали присоединиться к войне против греков: этой победой Греция была избавлена от опасности нападения, которое, должно быть, оказалось фатальным для ее свобод; ибо, если бы карфагенский флот прибыл на Архипелаг и присоединился к персам, греки вряд ли смогли бы противостоять такому многочисленному соединению. Следующий намек относится к сражению при Саламине, в котором афиняне, как утверждает Геродот, принимали главное участие; и последний - к окончательному поражению варваров близ Платеи, у подножия горы Киферон. В этом сражении наиболее отличились спартанцы. В пятой истмийской оде встречается еще один намек на Саламин, где бесчисленные люди встретили свою смерть, как от разрушительной бури с градом.

Эсхил, отец греческой трагедии, достиг зрелости ко времени первого вторжения в Грецию и участвовал в Марафонской битве; он присутствовал также в сражении при Саламине и снова в битве при Платеях. Только семь из семидесяти его трагедий дошли до наших дней: одна из них называется “Персы”. Действие происходит в Сузах в Персии, и предполагается, что это произошло во время отсутствия Ксеркса в Греции. Пьесу открывает хор старейшин, которые с тревогой рассуждают о судьбе экспедиции; — Вся Азия измучена мужчинами; — жены считают дни и оплакивают долгое отсутствие своих воительниц-супругов; — Царица Атосса входит подавленная и рассказывает зловещий сон: — затем прибывает гонец из Греции: он сообщает о поражении персидского флота и отступлении Ксеркса; — рассказывая подробности, он обращает внимание на обстоятельства, предшествовавшие сражению при Саламине, как упоминает Геродот; — Что гонец прибыл из Греции. (посланный Фемистоклом) сообщил Ксерксу, что греки вот—вот разойдутся; чтобы предотвратить это, он неосторожно окружил их: —завязалось сражение, за которым Ксеркс наблюдал с соседнего холма: —персы разбиты; - все, кто занимал остров (Пситталею), были убиты. Армия при отступлении страдает от крайнего холода, голода и жажды. Услышав это, царица призывает тень Дария, которая появляется. Атосса повторяет историю поражения своего сына: — Тень предсказывает роковую битву при Платее и гибель армии. В заключительной сцене появляется сам Ксеркс, оплакивающий свои несчастья и не приносящий ничего, кроме пустого колчана. Единственный существенный момент, в котором Эсхил отличается от Геродота, заключается в том, что греческий флот насчитывает триста парусов вместо семисот: очевидно, это поэтическое отклонение от факта, призванное усилить славу победы.

Из всех греческих историков ни один не отличается такой высокой достоверностью и точностью в отношении фактов, как Фукидид: его беспристрастность, кропотливый сбор и разумный отбор материалов, а также его неприятие всего, что, казалось бы, основывается на подозрительных свидетельствах, очевидны почти на каждой странице истории Пелопоннесской войны. Эта история была опубликована примерно через шестьдесят лет после похода Ксеркса. Фукидид беседовал со многими из тех, кто принимал участие в битвах, описанных Геродотом. В ходе работы встречается множество аллюзий на события персидского нашествия, и все они такого рода, что естественно, когда историк ссылается на факты, которые, как он полагает, свежи в памяти его читателей. Вводные разделы "Истории" содержат краткое описание греческих событий с древнейших времен до начала войны между Афинами и Спартой. В этом предварительном наброске упоминаются основные обстоятельства вторжения, описанные Геродотом; такие как — война и завоевания Кира и Камбиза — порабощение греков Малой Азии — морская мощь Поликрата, тирана Самоса — Мидийская война, правление Дария и Ксеркса и поведение Фемистокла. Изгнание Писистратидов из Греции, битва между мидянами и греками при Марафоне и, десять лет спустя, второе вторжение варваров в Грецию - оставление афинянами своего города и их убежище на борту своих кораблей. —Вскоре после изгнания тиранов из Греции произошла битва между мидянами и афинянами при Марафоне; а через десять лет после этой битвы прибыли варвары с большим вооружением, намеревавшиеся обратить греков в рабство. В условиях этой неминуемой опасности лакедемоняне, которые были более могущественны, чем другие государства, взяли на себя командование войной. Афиняне, по мере продвижения мидян, решив покинуть свой город, собрали все свои товары и поднялись на борт своих кораблей, и с тех пор стали морским народом. После того, как греки совместными усилиями дали отпор варварам, несколько государств, как отпавших от царя, так и воевавших с греками, приняли участие, некоторые на стороне афинян, а некоторые на стороне

лакедемонян.— Опять же, Фукидид ссылается на позднюю мидийскую войну, которая, по его словам, быстро завершилась двумя битвами и двумя морскими сражениями. Впоследствии упоминаются битва при Марафоне и погребение убитых на поле боя; а в надгробной речи, произнесенной Периклом (так это на самом деле или нет, не имеет значения для аргументации), говорится о подвигах афинян при отражении варваров как о слишком хорошо известных, чтобы нуждаться в подробностях; и снова упоминается сражение при Фермопилах; битва при Платеях и сражение при Артемизии. Рассказывается о поражении мидян, опустошении Афин и их восстановлении. Упоминается временной промежуток, а именно пятьдесят лет, между поражением Ксеркса и началом Пелопоннесской войны. Все эти действия, имевшие место либо среди греков, либо между ними и варварами, охватывали период почти в пятьдесят лет, считая от отступления Ксеркса до начала нынешней войны.

Эти и некоторые другие упоминания о событиях персидского вторжения, совпадающие с более подробным повествованием Геродота и исходящие от историка, который хвастался, что не допустил в свой труд ничего, что не было бы подкреплено удовлетворительными доказательствами, и который, более того, был склонен скорее умалить авторитет своего соперника, чем подтвердить его, должны рассматриваться как наиболее убедительное независимое свидетельство. В самом деле, прямое утверждение Фукидида о том, что Афины были разрушены персами, само по себе является достаточным доказательством этого факта; ибо никакое подобное утверждение не могло быть ни сделано, ни допущено в течение шестидесяти лет после этого события, если бы оно не было общеизвестно как истинное.

Лисий оратор, как говорят, в раннем пятнадцатилетнем возрасте сопровождал Геродота и других афинян в Туриум: после длительного пребывания в Италии он вернулся в Афины, где отличился своим красноречием. В надгробной речи, произнесенной в честь афинян, павших в Коринфской войне, он говорит о персидской войне. Царь Азии, неудовлетворенный своим нынешним величием и движимый безграничным честолюбием, подготовил армию в 500 000 человек, надеясь с помощью этой могучей силы подчинить себе Европу.... Победа (при Марафоне) была одержана с такой быстротой, что другие государства Греции узнали от того же гонца о вторжении персов и их поражении и, не испытывая ужаса перед опасностью, почувствовали радость освобождения. Поэтому неудивительно, что подобные деяния, хотя и древние (около восьмидесяти лет), все еще сохраняют всю зелень славы и остаются в последующие века примером и предметом зависти человечества.... Многие причины сговорились побудить Ксеркса, царя Азии, предпринять вторую экспедицию против Европы.... После десятилетней подготовки он высадился в Европе с флотом в 1200 человек и таким количеством сухопутных войск, что было бы утомительно перечислять даже названия тех различных наций, которые его сопровождали.... Он совершил путешествие по суше, вступив в Геллеспонт, и путешествие по морю, разделив гору Афон. Затем оратор кратко упоминает сражения при Артемисии и Фермопилах, оставление Афин и переселение граждан на Саламин: —их город был опустевшим, их храмы сожжены или разрушены, их страна опустошена.

Исократ достиг расцвета на несколько лет позже Лисия, но он был современником Геродота. Одна из его речей, произнесенная в похвалу афинянам, содержит отрывки на тот же счет. Сначала они (афиняне) продемонстрировали свое мужество в бою с войсками Дария (при Марафоне).... Вскоре персы возобновили свои попытки, и сам Ксеркс, отказавшись от своего дворца и своих удовольствий, отважился стать полководцем. Стоя во главе всей Азии, он строил самые грандиозные планы. Ибо кто, будучи склонен к преувеличениям, может приблизиться к

реальности? Завоевание Греции представлялось ему целью ниже его честолюбия. Намереваясь совершить нечто, неподвластное человеческим силам, он задумал это столь знаменитое предприятие - заставить свою армию пройти по суше и перейти море; и он воплотил эту идею в жизнь, пронзив гору Афон и перебросив мост через Геллеспонт. Против столь гордого и предприимчивого монарха, который осуществил такие грандиозные замыслы и который командовал столькими армиями, лакедемоняне, разделив опасность с Афинами, собрались у Фермопил. Имея тысячу своих собственных солдат и небольшой отряд своих союзников, они решили в этом узком проходе противостоять продвижению всех его сухопутных войск. В то время как наши предки (афиняне последнего поколения) отплыли на шестидесяти галерах в Артемизию и ожидали появления целого флота варваров.... Лакедемоняне погибли все до единого; но афиняне победили флот, которому они пытались противостоять. Их союзники были подавлены. Пелопоннесцы, занятые ради собственной безопасности, начали укреплять перешеек.... Враг приблизился к Аттике с флотом в тысячу двести человек и бесчисленными сухопутными силами.... Афиняне собрали всех жителей своего города и перевезли их на соседний остров.— И где мы найдем более великодушных любителей Греции, чем те, кто ради ее защиты покинул свои жилища, позволил разорить свой город, осквернить свои алтари, сжечь дотла храмы и испытать все ужасы войны на своей родной земле?... Афины, даже несмотря на свои несчастья, предоставили больше кораблей для морской битвы у Саламина, которая должна была решить судьбу Греции, чем все другие государства вместе взятые; и я полагаю, нет никого настолько несправедливого, чтобы отрицать, что нашей победой в этом сражении война была прекращена, а опасность устранена.

Ктесий, как мы видели, приводит убедительное свидетельство в пользу древности истории, приписываемой Геродоту. Теперь мы должны привести его свидетельство по поводу персидского вторжения— напоминая читателю, что его "история Персии" была составлена с явным намерением опровергнуть отчет Геродота о персидских делах: он так говорит о походе Ксеркса: Ксеркс, собрав персидскую армию, состоящую, помимо боевых колесниц, из восьмисот тысяч человек и тысячи галер, повел их в Грецию по мосту, который он приказал построить в Абидосе. Именно тогда к нему обратился Демарат Лакедемонянин, который отправился с ним в Европу и который пытался отговорить царя от нападения на лакедемонян. Ксеркс, прибыв к Фермопилскому проходу, разместил десять тысяч человек под командованием Артапана, который вступил там в бой с Леонидом — вождем лакедемонян. В этом конфликте произошла большая резня персов, в то время как из лакедемонян было убито не более трех или четырех человек. После этого Ксеркс послал на поле боя двадцать тысяч человек; они также были побеждены и, хотя были вынуждены сражаться ударами, все же потерпели поражение. На следующий день он послал вперед пятьдесят тысяч человек; но так как и они потерпели неудачу в своей атаке, он больше не пытался сражаться. Фессалиец Торакс, а также Каллиад и Тимаферн, князья трахинян, присутствовали тогда (в персидском лагере) со своими войсками. Их, вместе с Демаратом и Гегией Эфесским, Ксеркс призвал к себе и от них узнал, что лакедемонян ни в коем случае нельзя победить, если они не будут окружены и атакованы со всех сторон. Таким образом, сорок тысяч персов были отправлены под командованием этих двух трахийских вождей, которые, пройдя трудный путь, зашли в тыл лакедемонянам. Окруженные таким образом, они доблестно сражались и погибли все до единого. Ксеркс снова послал против платеев армию в сто двадцать тысяч человек под командованием Мардония: именно фиванцы натравили царя на платеев. Мардоний был встречен Павсанием Лакедемонянином во главе не более чем трехсот спартанцев — одной тысячи жителей страны —

и примерно шести тысяч из других городов. Персидская армия была разбита, Мардоний бежал с поля боя раненый. Этот самый Мардоний был послан Ксерксом разграбить храм Аполлона, но, к великому горю царя, погиб при попытке попасть в бурю с градом.

Затем Ксеркс двинулся со своей армией к Афинам; но афиняне, снарядив сто десять галер, бежали на остров Саламин; поэтому он вошел в опустевший город и сжег его, за исключением только цитадели, которую защищали немногие оставшиеся; но ночью, когда они отступили, он сжег и ее. Затем царь продвинулся к самой узкой части Аттики, называемой Гераклеей, и начал строить молы в направлении Саламина, намереваясь двинуть свою армию на остров. Но по совету афинянина Фемистокла и Аристида был поднят отряд критских лучников, чтобы помешать этой работе. Затем произошло морское сражение между персами и греками, у первых было более тысячи кораблей под командованием Онофа, у вторых — семьсот. И все же греки победили, а персы потеряли пятьсот кораблей. Сам Ксеркс, по совету и ухищрению Фемистокла и Аристида, бежал: не менее ста двадцати тысяч человек погибло на стороне персов в нескольких сражениях. Отрывки на этот счет встречаются в Мириобиблоне Фотия.

В тех деталях, в которых этот рассказ о персидском вторжении отличается от рассказа нашего автора, любой, кто тщательно сравнивает их, может без колебаний довериться Геродоту, а не Ктесию, не только потому, что он жил на несколько лет ближе к событиям; но и потому, что его повествование отличается большей рассудительностью, большей последовательностью и большей вероятностью, а также лучше подтверждается другими свидетельствами. Для нашей настоящей цели достаточно того, что этот автор утверждает, что произошли те же самые великие события — что персидский царь привел огромную армию в Грецию, где потерпел полное поражение.

Из авторов, которых мы процитировали, первые двое — Пиндар и Эсхил, достигли зрелости ко времени персидского нашествия, были лично причастны к его событиям и сочинили труды, на которые мы ссылались, когда Геродот был еще молод. Хотя они и поэты, они представляют победы греков как недавние факты, хорошо известные их слушателям, малейшего намека на которые было достаточно, чтобы разжечь национальный энтузиазм. Другие писатели — Фукидид, Лисий, Исократ и Ктесий — также были современниками Геродота; и двое из них были его явными соперниками. Из их свидетельств очевидно, что события персидского вторжения были общеизвестны и обсуждались писателями всех слоев общества в ту самую эпоху, в которую, как говорят, они произошли.

Отсюда следует, что историка, описавшего эти события, не следует рассматривать как автора повествования, за достоверность которого он несет личную ответственность и которому мы не можем доверять, пока не получим доказательств его правдивости. Он, скорее, собиратель фактов, которые были общепризнаны его современниками: — и истина истории основывается на том факте, что она была опубликована и была принята, когда люди, которым были известны эти события, были еще живы.

Если мы обратимся к греческим писателям следующего и более позднего веков, мы обнаружим, что те же общие факты подтверждаются или на них ссылаются ораторы, поэты и историки, придерживающиеся того же языка и считающие несомненным, что их предки славно отразили неисчислимую азиатскую армию. Но историческое доказательство *традиционного* рода существенно отличается от того, которое мы намерены продемонстрировать именно сейчас; поэтому мы не приводим его в данном случае.

В предыдущей главе (XV.) мы ссылались на массу свидетельств, подтверждающих *письменные* свидетельства древних историков, которые могут быть извлечены из сокровищ Британского музея. Во многих примерах *общая* правдивость Геродота, а также его точность подтверждаются самым существенным и убедительным образом объектами различного рода, к которым читатель может получить доступ в любой день в этом обширном собрании. И все же в связи с подобными примерами может найтись место для предостерегающего замечания; и оно такого рода.—

В уме существует тенденция освобождать себя от *трудоуразмышления*, принимая без расспросов любые доказательства, которые предлагаются органам чувств — глазу и осязанию. Таким образом, у нас может выработаться привычка забывать или пренебрегать прямыми и надлежащими доказательствами, *письменными* и подлинными свидетельствами, в то время как мы заняты тем, что *кажется*, хотя на самом деле это может быть и не так, более убедительным или менее ненадежным; как, например: после рассмотрения доказательств, приведенных в предыдущих главах, мы можем быть уверены в том факте, что греки и персы действительно сражались на Марафонских равнинах. Затем нам показывают печать, которая, как мы знаем, была подобрана на том самом месте, которое до сих пор носит это название в Греции: изображение на этом драгоценном камне явно персидское; крылатые львы являются почти копией барельефов, все еще существующих на нескольких руинах в Персии: следовательно, мы заключаем, что эта древняя реликвия принадлежала главнокомандующему персидской армией, и мы принимаем это как осязаемое доказательство правдивости повествования историка: и хотя это повествование, таким образом, получает, на наш взгляд, подтверждение, оно теряет что—то важное. его надлежащего веса; и впоследствии мы склонны думать, что если бы *материальное* доказательство было изъято, то *письменное* доказательство стояло бы менее прочно, чем раньше.

С другой стороны, полагаясь на свидетельства драгоценных камней, надписей или скульптур не просто как на иллюстрации истории, но и как на доказательства ее истинности, мы можем иногда заменять худшие свидетельства лучшими.—Реликвии древнего искусства в очень многих случаях черпают свое значение и историческую ценность из одновременных свидетельств *письменной* истории: все *доказательство* является результатом *двух* фактов, взятых вместе. Затем не следует забывать, что *традиционная* история реликвии часто имеет сомнительную подлинность — возможно, основывающуюся на словах тех, у кого был товар неопределенной стоимости на продажу; — или работа может относиться к более позднему возрасту, чем готов признать антиквар; — или надпись могла быть помещена авторитетным органом вне досягаемости того мнения, которому историк всегда поддается. Высокомерная республика или тщеславный тиран могли бы без страха чеканить наглую ложь на монетах или выгравировать наглую неправду на антаблементах храмов; и медная или мраморная летопись может снискать у современного антиквара такое уважение, какого она никогда не снискала у современников. Геродот упоминает некоторые примеры такого рода. Умный исследователь истинности отдаленных фактов обычно придаст больше уверенности прямым утверждениям того, с чьим характером и квалификацией он в какой-то мере знаком, чем положительным утверждениям, исходящим от совершенно неизвестной стороны. Итак, историк — это человек, относительно правдивости, осмотрительности и намерений которого у нас есть средства составить собственное мнение; но, признавая свидетельства надписей и монет, мы получаем свидетельство, возможно, ничего не зная о свидетеле.

ГЛАВА XIX.

ПРИМЕРЫ НЕСОВЕРШЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ: ГЕРОДОТ.

Содержание

Целью предыдущих страниц было показать в нескольких частях ту цепочку свидетельств, с помощью которой можно достичь высокой степени достоверности в вопросах древности. И оказывается, что есть случаи, в которых доказательство отдаленных фактов находится, так сказать, в наших собственных руках, так что, независимо от правдивости, или точности, или беспристрастности свидетелей, требуется наше согласие на основании постоянства законов социальной системы. В таких случаях рассмотрение расстояния во времени не входит в аргумент; ибо доказательство остается из века в век неизменным; или, скорее, мы переносимся этим доказательством ко времени рассматриваемых событий и теперь настолько компетентны судить о достоверности доказательств, насколько могли бы, если бы жили в ту эпоху.

Реальное различие между этим абсолютным доказательством и любым другим видом исторических свидетельств будет лучше всего продемонстрировано, если привести несколько примеров другого рода; и, беря наши примеры из одного и того же автора — Геродота, мы ставим оба вида свидетельств на один уровень, поскольку личные качества и заслуги историка затрагиваются в аргументации.

Отличительный характер всех подобных исторических свидетельств, которые следовало бы назвать *несовершенными*, заключается в том, что они доходят до нас через некую *среду*, на достоверность которой мы должны более или менее безоговорочно полагаться. Обычно этим средством является правдивость или точность, образованность или беспристрастность историка. В таких случаях *непосредственное доказательство* находится вне нашей досягаемости; и вместо того, чтобы иметь возможность взять его в руки и проверить самостоятельно, мы можем исследовать его только на расстоянии и, используя наилучшие доступные нам средства, оценить его вероятную ценность. Это вторичное свидетельство действительно может иногда достигать почти абсолютной достоверности; в других случаях оно может обладать едва ли атом реального веса. Первая книга Геродота содержит примеры обоих видов, а некоторые - в любой степени между двумя крайностями.

Во вступительных разделах своей "истории" Геродот ссылается на те взаимные нападения, которые авторы того времени обычно считали причиной вражды, столь долго бушевавшей между греками и народами Азии: так, он упоминает похищение финикийцами Ио из Аргоса, Европы из Тира, Медеи из Колхиды и Елены из Спарты; этот последний акт насилия, по его словам, привел к Троянской войне, и которую персы, как он утверждает, имели обыкновение использовать в качестве постоянного оправдания своих войн. каждое предприятие, которое они могли бы предпринять против греков.

Эти события происходили — если происходили вообще — за тринадцать-восемьсот лет до времен Геродота: последнее из них, Троянская война, вполне может считаться по существу правдивым на основании поэм Гомера, которые слишком сильно отражают исторический характер, чтобы относиться к ним просто как к вымыслу. Что касается вышеупомянутых

похищений, то их следует рассматривать как образцы нравов того времени: подобные обстоятельства и многие другие, которым ни поэты, ни историки не придали значения, без сомнения, имели место на берегах Эгейского моря — какими бы благоприятными они ни были для пиратских предприятий. И все же, если мы можем поверить, что Геродот действительно лично исследовал труды “персидских историков”, которых он цитирует, и если бы он нашел там совпадающие повествования о вышеупомянутых безобразиях, то эти смутные предания приобрели бы нечто вроде авторитета истории.

Есть факт, подтвержденный историком в начале его истории, который заслуживает беглого упоминания: он говорит, что “финикийцы, пришедшие с берегов Красного моря (Персидского залива, или Индийского океана), поселились на границах *этого* моря (Средиземного) в стране, которую они сейчас населяют; откуда они совершали далекие путешествия, ведя торговлю Египта и Ассирии с окружающими странами”. Это переселение финикийцев, которое само по себе ни в коем случае не является невероятным — расстояние между двумя морями невелико, и такие эмиграции были частыми в древние времена, — упоминается несколькими древними авторами, хотя Страбон это отрицает; тем не менее оно вызвало насмешки Вольтера, который спрашивает: “Что отец истории имеет в виду в начале своего труда, когда он говорит, что “персидские историки передают, что финикийцы были зачинщиками всех войн; и что они пришли из Красного моря в наше”? Похоже, что тогда они вышли в Суэцкий залив, прошли через Вавилонский пролив, прошли вдоль берегов Эфиопии, пересекли Линию, обогнули мыс Бурь, с тех пор называемый мысом Доброй Надежды, поднялись по морю между Африкой и Америкой, что является единственным путем, которым они могли прийти, снова пересекли Линию и вошли в Средиземное море у Геркулесовых столбов, что составило бы путешествие длиной более четырех тысяч морских миль в то время, когда навигация была в зачаточном состоянии!”

Этот отрывок - образец невежества и дерзости этого автора в обращении с историей; и это пример легкости, с которой обвинение в абсурдности или фальсификации может быть выдвинуто против историка автором, который одновременно лишен учености и искренности “М. Вольтер, - говорит Ларш, “избавил бы себя от подобной критики, если бы обладал хотя бы умеренным знанием греческого языка. Если бы Геродот намеревался намекнуть, что финикийцы прибыли морем, он использовал бы другую греческую идиому. Кроме того, он не стал бы добавлять, что “они *затем* предприняли длительные путешествия”, поскольку, исходя из предположения, что они прибыли морем, они уже совершили путешествие гораздо более длительное и опасное, чем любое из тех, что предпринимались ими впоследствии. Но если оставались какие-либо сомнения относительно значения этого отрывка, автор устраняет их в другом месте (Полимния, 89): “Эти финикийцы, как они сами говорят, некогда населяли берега Красного моря, откуда, *перейдя*, они теперь занимают приморскую часть Сирии”.

История, собственно говоря, начинается с рассказа Креза, царя Лидии, который правил в Сардах примерно за столетие до времен Геродота. Греки, особенно из Малой Азии, поддерживали частые сношения с лидийцами и, следовательно, должны были обладать некоторыми общими знаниями их истории; и очевидно, что наш автор путем личных исследований ознакомился с теми записями и традициями, которые он смог найти в Сардах. Но между его временем и правлением Креза этот город не раз подвергался разграблению, его правительство свергалось, нравы его жителей менялись, и, вероятно, большинство древних семей были изгнаны, истреблены или доведены до нищеты; их места занимали персы и греки.

Следовательно, следует полагать, что подлинные летописи государства в значительной степени были утеряны, и когда Геродот посетил Сарды, оставалось собрать немного, кроме туманных сообщений. Поэтому нас не должно удивлять, если мы обнаружим атмосферу сказочности в истории Креза и его предшественников, царей Лидии. Тем не менее, некоторые из ведущих фактов были подтверждены теми различного рода дарами, которые были освящены лидийскими царями в Дельфах и многие из которых хранились в храме Аполлона в этом месте во времена Геродота: эти дары, судя по надписям, которые на них были, служили подтверждением сообщений, полученных в других местах. В Дельфах Геродот не только осмотрел сосуды из золота и серебра, сохранившиеся в храме, где были произнесены оракулы, но и получил от жрецов *их собственные копии* многочисленных ответов, которые он цитирует по ходу своей работы. В этих поучительных стихах часто достаточно очевидно мастерство священников, которые их сочинили: и какими бы они ни были, их *подлинность* полностью зависит от честности дельфийских священников, от которых их получил наш автор. Тем не менее, тему древних оракулов не следует обходить стороной, не признав, что среди всех вопиющих обманов, легкомысленных уверток и заинтересованного соответствия пожеланиям заявителей, которые характеризуют эти ответы, в некоторых из них также очевидно знание современных, хотя и отдаленных событий и проницательность по отношению к будущему, что невозможно удовлетворительно объяснить, не допуская вмешательства сверхчеловеческой силы. Абсолютное отрицание любого такого вмешательства, хотя оно и не подкреплено истинной философией, является насилием над принципами исторических свидетельств; и этого не требует никакая аргументированная необходимость.

Беседу между Крезом и Солоном — афинским законодателем, рассказанную Геродотом, можно справедливо причислить к числу тех драматических приукрашиваний, с помощью которых древние писатели — и наш автор не в меньшей степени, чем другие, — считали себя вправе отвлекать внимание своих читателей. Нет необходимости подвергать сомнению тот факт, что Солон посетил Сарды; и не исключено, что какой — нибудь упрек в нелепом тщеславии лидийского царя, действительно произнесенный греческим мудрецом, мог составить текст этой длинной беседы.

История Адраста, фригийского беженца, и Атиса, сына Креса, если она действительно существует, очевидно, во многом обязана изобретательности рассказчика. Хотя современному читателю эти эпизоды могут показаться ребяческими, нам следует перенестись во времена автора, прежде чем мы объявим их совершенно неуместными в том месте, где они появляются. Изучающий историю, читающий только современные сборники, не сможет получить того справедливого и точного представления о древности, которое передают эти отрывочные части работ древних историков.

История Креса прерывается длинным отступлением, в котором наш автор дает очерк ранней истории афинян и лакедемонян. В этих вопросах он не мог пренебрегать традициями или другими источниками информации; и здесь он также был открыт для поправок со стороны своих современников, которые были так же хорошо осведомлены, как и он сам, в вопросах греческой истории. И все же читателю не следует упускать из виду *даты* отдельно упомянутых событий, формируя свое мнение о ценности свидетельств. В манере Геродота рассказывать о незначительных обстоятельствах, имевших место — если они вообще имели место — за пятьсот или тысячу лет до его времени, с такой же скрупулезностью и уверенностью, как при описании недавних событий. Можно предположить, что часто он следовал тому, что считал подлинными

документами; но поскольку у нас нет достаточных средств для формирования мнения по этому вопросу, такие рассказы не должны быть допущены к числу установленных исторических фактов, если только они не подтверждены совпадением авторитетных источников.

Повествование о войне между Крезом и Киром, закончившейся окончательным распадом Лидийского царства, возобновляется, разд. 69. Главные события этой войны не могли не быть хорошо известны в то время в Греции; ибо, помимо того, что сношения между Грецией и Азией были частыми, Крез был в дружеских отношениях с лакедемонянами и повсюду прославлялся великолепием своих подношений дельфийскому богу; более того, падение Сард и последующие завоевания персов в Малой Азии привели грозного врага к самым дверям Греции и вынудили несколько государств гораздо точнее, чем раньше, осведомляться о делах своих азиатских соседей. Таким образом, мы можем отнести завоевания Кира в Малой Азии к числу достоверных исторических фактов. И все же из деталей, приведенных Геродотом, следует сделать некоторые важные выводы, поскольку на протяжении всего повествования ощущается некая драматическая приукрашенность. Сарды были взяты Киром примерно за сто лет до того, как Геродот написал свою историю: поэтому маловероятно, что у него была возможность подтвердить свои полномочия, посоветовавшись с кем-либо из живых свидетелей этого события: более вероятно, что он по-своему развил некоторые ускользающие традиции, унаследованные от азиатских греков.

Крез, сбитый с толку несчастьями, которые, казалось, избличали дельфийского бога, чьей благосклонности и совета он добился, подарив несравненно богатые дары, попросил разрешения Кира отправить оковы, которые он носил, в Дельфы, чтобы их возложили на порог храма; послав гонца спросить греческого бога, было ли у него в обычае обманывать тех, кто заслужил от него лучшего. Эта просьба была удовлетворена, и лидийский гонец привез ответ, который, независимо от того, можно считать его подлинным или нет, любопытен, если рассматривать его как образец политики и стиля пифии:

— Когда прибыли лидийцы и передали свое послание, Пифиянка, как говорят, ответила, Что даже бог не смог предотвратить предопределение судьбы. Что Крез, пятый по происхождению, пострадал за грех своего прародителя, который, будучи слугой Гераклидов, поддался коварству женщины и убил своего господина, незаконно завладев его местом и честью. Что все же Аполлон *пытался* отложить падение Сард до следующего поколения; но что *он не смог повлиять на Судьбу*, которая уступила его просьбам лишь в качестве особой милости Кресу, поместив взятие Сард на три года позже, чем это произошло бы в противном случае. Поэтому пусть Крез знает, что он попал в плен на три года позже, чем было предопределено Судьбой; и затем вспомните, что Аполлон спас его, когда его собирались сжечь. Что касается ответа, Крез не имел права жаловаться, ибо бог предсказал, что если он вторгнется в персию, то свергнет великую империю; и если бы он хотел знать об этом лучше, ему следовало бы еще раз спросить, предназначалась ли его собственная империя или империя Кира. А потому, поскольку он не понимал оракула и не спрашивал о его значении, он мог взять вину на себя.

Оставив в стороне лидийские дела, Геродот переходит к очерку истории ассирийцев, мидян и персов и излагает историю восхождения Кира к верховной власти в Верхней Азии. То, что он посетил Персию, не подлежит разумному сомнению; не нужно сомневаться и в том, что он старательно использовал все доступные ему средства для получения информации. Был ли он мастером какого-либо из восточных языков, определенно не выяснено; ибо, хотя он часто

ссылается на персидских историков, и хотя в одном месте (139) он делает филологическое замечание об особенностях персидского языка, мы должны попросить более прямых доказательств, чем это, того, что он обладал талантом, столь редким среди греков. Однако мы должны полагать, что, по крайней мере, с помощью переводчика, он консультировался с персидскими авторами. Начиная историю Кира, он говорит: "Я последую за теми персидскими авторами, которые, не пытаясь преувеличить подвиги Кира, кажется, придерживаются простой истины; но все же не безразлично, что известны три разных рассказа о нем". Невозможно установить, действительно ли эти три рассказа принадлежат ему самому, Ктесию и Эсхилу. Очевидно, что восточные историки изобиловали преувеличениями и ошибками: следовательно, к грекам, имеющим в лучшем случае очень ограниченный доступ к этим противоречивым авторитетам, следует относиться с осторожностью: было бы небезопасно с уверенностью полагаться на любое из этих повествований или находить на них возражения против утверждений, которые мы черпаем из источников, которые гораздо более достоверны.

Общее соответствие фактам - это все, чего нам следует ожидать от греческих историков, когда они говорят об отдаленной истории Азии. Геродот в Вавилоне или Сузах, должно быть, почти полностью зависел от добросовестности ученых мужей, с которыми ему довелось познакомиться; и даже если мы отдадим им должное за такую же честность, какая обычно практикуется в подобных случаях по отношению к иностранцам, а ему — за большую меру усердия и осмотрительности, мы едва ли найдем основания считать эти части работы правдивыми, кроме как в отношении общего изложения событий. Однако Геродоту должно быть позволено занять место выше Ксенофонта на основании подлинности, поскольку "Киропедия" - всего лишь политический роман. Диодор Сицилийский имел доступ к источникам информации, которые не были открыты Геродоту; и утверждения более позднего могут быть приняты с поправкой на утверждения более раннего историка. Юстин, или, скорее, Трог, кажется, следует за нашим автором в его рассказах о происшествиях, отличаясь от него только порядком некоторых событий. Иосиф Флавий в своем ответе Апиону с презрением относится к греческим историкам, когда они осмеливаются говорить об азиатских делах; он указывает на их многочисленные противоречия и отсутствие у них действительно древних и подлинных документов и цитирует, как более высокий авторитет, несколько работ, из которых эти цитаты являются почти единственными сохранившимися фрагментами. Не ставя под сомнение личность Геродота, мы можем ознакомиться с более ранними частями его истории как с занимательным повествованием, связанным единой нитью истины и подтверждающим серию инцидентов, которые, хотя и характерны для того времени, имеют весьма сомнительную историческую достоверность. К такого рода историям относится рождение и ранние приключения Кира, в которых проявляется искусство рассказчика в обработке своих материалов. — Вероятно, какие-то популярные сказки, доведенные до нашего автора в Персии, были адаптированы им по вкусу греков. В своем рассказе о нравах, обычаях, привычках и зданиях народов, которые он посетил, а также об особенностях и произведениях стран, через которые он путешествовал, наш автор заслуживает высокой степени доверия; и хотя к этим описаниям примешано несколько деталей, явно сказочных, они, следует признать, занимают место среди наиболее ценных остатков древней литературы.

Повествование о порабощении персами ионийцев и эолийцев Малой Азии по большей части опирается на более высокий авторитет, чем те, которые предшествуют и те, которые непосредственно следуют за ним; не только потому, что события были сравнительно

недавними, но и потому, что дела этих азиатских греков во все времена были хорошо известны жителям Европы.

Взятие Вавилона Киром было событием слишком примечательным само по себе и при сопровождавших его экстраординарных обстоятельствах, чтобы оставлять место для большого разнообразия в рассказах о нем, которые были переданы в следующую эпоху. Греческие историки лишь немногим расходятся в описании этого достопамятного события, и их свидетельства, какими бы независимыми они ни были, в сочетании с подробными предсказаниями еврейского пророка заслуживают особого уважения. Если бы история Геродота не имела других претензий на внимание, она имела бы достаточно оснований, предоставляя, как это и происходит в нескольких знаменательных случаях, неоспоримое свидетельство в качестве иллюстрации исполнения пророчества.

Поход Кира против массагетов, скифского народа, в котором он погиб, завершает первую книгу истории. И здесь снова могут быть основания подозревать нехватку достоверной информации. Место действия находилось далеко не только от Греции, но и от Персии, и уцелевшие бойцы персидской армии, вернувшись, рассказывали каждый свою удивительную историю; и маловероятно, что во времена Геродота сохранился какой-либо другой отчет о войне, кроме того, что было получено от этих людей.

Упомянутые выше примеры, встречающиеся в первой книге Геродота, могут служить примерами разной степени авторитетности, которая может принадлежать разным частям исторического труда, в зависимости как от средств получения информации, которыми располагает автор, так и от его склонности к противоречиям и исправлениям со стороны современников. Этого будет достаточно, если мы будем иметь в виду общие принципы, изложенные выше (глава ii). XIII.), придерживаясь которого, мы получаем достаточное руководство при чтении такого труда, как труд Геродота, сочетающего в себе материалы всех видов, более или менее ценные и аутентичные. Что касается некоторых фактов, которые он излагает, мы можем считать их абсолютно достоверными, другие - сомнительными, невероятными или нереальными. Историка недавних событий с самыми худшими намерениями и самыми низкими квалификациями, чьи труды в его время воспринимаются как подлинные, редко можно обвинить в вопиющей фальсификации фактов; с другой стороны, самый осторожный, трудолюбивый и скрупулезный писатель, который составляет историю отдаленных времен и иностранных народов, может невинно отклониться очень далеко от пути истины. Приводить большую выборку примеров для иллюстрации этих очевидных принципов не имело бы никакой полезной цели. Теперь мы можем дать некоторый отчет о тех, кто обозначил себя как нападавших на этого великого писателя.

Геродот, как мы уже говорили, подвергался суровому осуждению со стороны нескольких древних авторов, особенно Ктесия, Манефона, Диодора Сицилийского, Страбона, Иосифа Флавия и, прежде всего, Плутарха или разгневанного автора, который называет себя его именем. Основания для исключения, приведенные этими авторами, в нескольких случаях справедливы; в большинстве случаев очевидно влияние предрассудков или мелочной зависти; однако ни одно из этих критических замечаний не затрагивает ту часть истории, которая единственная, по нашему утверждению, является бесспорно достоверной. Но современные авторы также критикуют репутацию историка, и мы можем кратко отметить некоторые из этих более поздних критических замечаний; ибо, если о какой-то части этой истории утверждается, что ее достоверность абсолютно достоверна, следует показать, что факты, в пользу которых

выдвигаются столь высокие претензии, никогда не подвергались сомнению - или никогда не подвергались с какой-либо степенью правдоподобия.

Некоторые критики пятнадцатого и шестнадцатого веков, обижаясь на некоторые из менее достоверных частей этого труда, и особенно на некоторые плохо понятые описания животных и растений, говорят об историке как о составителе басен: так, Людовик Вивес, ученый испанец, хорошо известный в Англии во времена правления Генриха VIII, говорит о книгах Геродота как о книгах, изобилующих неправдой. Другой говорит: “Геродот, чтобы не могло показаться, что он ничего не упустил, собрал воедино, без отбора, материалы всех видов, большая часть которых была почерпнута не из древних записей, а из басен простонародья. И хотя его стиль приятен и даже элегантен, он теряет доверие тех, кто выносит здравые и беспристрастные суждения; ибо такие читатели не могут поверить произведению, стольнапичканному различными повествованиями.— Некоторые действительно называют его “отцом истории”, но другие справедливо называют его “отцом басен”.

Боден в своем “Методе истории” говорит: “Я удивляюсь, что Цицерон назвал отцом истории только Геродота, которого вся античность обвиняет во лжи; ибо не может быть большего доказательства того, что историк недостойн доверия, чем то, что все авторы явно уличили его в ошибке. Тем не менее я не думаю, что его следует полностью отвергать; ибо, помимо достоинств красноречия и очарования ионической сладости, в нем есть многое, что напоминает о древности, и многое в последних книгах его истории рассказано с точной приверженностью истине”.

Уир в своем “Методе прочтения истории” так отзывается о нашем авторе: “Хотя Геродот приводит некоторые истории, которые немногим лучше басен, тем не менее основная часть его истории составлена с исключительной точностью и прилежным стремлением к истине. Многие из этих менее достоверных повествований он сам представляет, говоря, что сообщает не то, что считает правдой, а то, что получил от других”.

“Было бы абсурдно,” говорит Исаак Воссий, “доверять одному Геродоту то, что касается персидских и вавилонских дел, учитывая, что он не был знаком с персидским языком и не был знаком с летописями ни одного из народов востока”. Епископ Стиллингфлит отзывается об историке почти в том же духе, что и цитированные выше авторы. С ним также неучтиво обращались некоторые более поздние авторы; из них Вольтер - самый выдающийся. Всякий раз, когда представляется случай, он старается бросить тень презрения на отца истории. Мы уже приводили пример невежества и легкомыслия этого автора в комментировании Геродота; можно легко привести и другие подобного рода примеры. Таким образом, он представляет историка как *подтверждающего* в ряде случаев то, что он якобы только сообщает; как историю Ариона и историю лидийцев, которые, как говорят, изобрели различные игры, чтобы утолить муки голода. Он отвергает как совершенно невероятное рассказ Геродота о распутных нравах вавилонян: “то, что не соответствует человеческой природе, никогда не может быть правдой”. Тем не менее, обычаи, о которых идет речь, прямо подтверждаются Страбоном как преобладавшие там, и отчетливо упоминаются писателем, свидетельства которого в подобном случае не вызывают сомнений, — Барухом, VI. 43; и известно, что обычаи, не менее отвратительные, были установлены во многих древних городах.

В нескольких случаях, либо по невежеству, либо по злему умыслу, Вольтер неправильно переводит Геродота таким образом, чтобы создать абсурд или неприличие, которых нет в

оригинале; а иногда он цитирует отрывки, которых нигде нет у нашего автора. Геродот (Талия, 72) утверждает, что у скифов был обычай сажать на кол несколько человек, предварительно задушив их, как часть погребальных обрядов, которыми чтили их царей. Но Вольтер заставляет историка утверждать, что жертвы этого варварского обычая были посажены на кол живьем; и затем он находит повод отрицать правдивость этой истории. Если есть кто-то, кто в настоящее время считает критику Вольтером Священного Писания достойной какого-либо внимания, им не мешало бы с некоторой осторожностью изучить основания его замечаний о Геродоте. Если в случае с греческим историком, к которому, как мы можем предположить, он не питал особой неприязни, мы обнаруживаем, что он демонстрирует невежество, безразличие к истине и бессмысленную легкомысленность, — чего мы можем ожидать, когда он нападает на те труды, к которым, по его признанию, имеет крайне враждебные намерения?

Несмотря на все эти нападки, Геродот не нуждался в апологетах; и в то время как вышеупомянутые авторы, несправедливо воспользовавшись некоторыми сомнительными или явно вымышленными отрывками, за правдивость которых историк не ручается, обвинили его в недостатке правдивости; другие, более откровенные, углубились в детали этих обвинений и показали, что либо заслуга автора на самом деле не связана с рассказами, которые он собрал воедино, либо что эти рассказы гораздо лучше обоснованы, чем может показаться на первый взгляд. Редакторы и переводчики Геродота, такие как Альдус, Камерариус, Стивенс, Весселинг, Гроновиус, выступили в его защиту; в некоторых случаях устанавливая спорные факты; в других снимая с автора обвинение в фальсификации. Эти рассуждения относятся, по большей части, к тем частям истории, которые мы исключили из наших нынешних рассуждений и которые, следовательно, нас здесь непосредственно не касаются.

“Немногие авторы, ” говорит Ларше, - объединили в такой выдающейся степени, как Геродот, различные достоинства, присущие историку. Давайте в первую очередь поговорим о его любви к истине. Всякий, кто внимательно прочтет его историю, легко заметит, что он не ставил перед собой никакой другой цели, кроме истины; и что, когда у него возникают сомнения, он приводит оба мнения, предоставляя своим читателям выбирать, какое им заблагорассудится из двух. Если какая-то деталь кажется ему недостоверной или невероятной, он никогда не упускает случая добавить, что он лишь передает то, что ему сказали. Среди тысячи примеров я приведу только два. Когда Неко прекратил рыть канал, который должен был направить воды Нила в Аравийский залив, он отправил из этого залива нескольких финикийцев с приказом обогнуть Африку и вернуться в Египет через Геркулесовы столпы, ныне известные как Гибралтарский пролив. Эти финикийцы вернулись в Египет на третий год после своего отъезда и рассказали, среди прочего, что во время плаванья вокруг Африки солнце (восходящее) находилось у них по правую руку. Геродот не сомневался, что финикийцы действительно обогнули Африку; но поскольку астрономия тогда находилась в зачаточном состоянии, он не мог поверить, что во время этого путешествия они действительно видели солнце по правую руку: “Этот факт, — говорит он, - показался мне неправдоподобным; но, возможно, есть те, кому это может показаться таковым”.

Еще один момент, на который не было уделено должного внимания, заключается в том, что очень часто он начинает свое повествование так— Персы, финикийцы, египетские жрецы говорили мне то или это. Эти повествования, которые иногда достигают значительной длины, в оригинале на всем протяжении основаны на этом слове *φασί*—они говорят, либо выраженном, либо понятном. Гениальность наших современных языков вынуждает нас сокращать эти фразы,

и часто случается, что Геродота заставляют говорить от своего лица то, что на самом деле он сообщает в третьем лице. Таким образом, ему были приписаны вещи, за подлинность которых он очень далек от того, чтобы ручаться.

“Он путешествовал по всем странам, о которых ему довелось говорить, он со скрупулезным вниманием изучал реки и ручьи, которыми они орошаются, — животных, которые их населяют, — продукты земли, — нравы жителей, — их обычаи, как религиозные, так и гражданские; он консультировался с их архивами, их надписями, их памятниками; и когда эти средства получения информации подводили его или казались ему недостаточными, он прибегал к тем из людей, которые считались самыми сведущими в истории. Он даже зашел в своей щепетильности так далеко, что, хотя у него не было веских причин не доверять жрецам Мемфиса, он отправился в Гелиополис (Эвтерпа, 3), а затем в Фивы, чтобы выяснить, согласны ли жрецы последнего города с жрецами Мемфиса.

“Нельзя отказать в доверии историку, который прилагает столько усилий, чтобы убедиться в истине. Однако, если, несмотря на все эти предосторожности, ему иногда случалось быть обманутым, я думаю, что в таких случаях он заслуживает скорее снисхождения, чем порицания. Геродот не менее точен во всех вопросах естественной истории, чем в исторических фактах. Некоторые древние писатели отвергли, как сказочные, некоторые подробности, которые впоследствии были проверены современными натуралистами — гораздо более учеными, чем древние. Знаменитый Бурхаав, не колеблясь, сказал, говоря о Геродоте— ‘современные наблюдения подтверждают почти все утверждения этого великого человека’.

Некоторые английские авторы также, желая, как кажется, подобно Вольтеру, поставить под подозрение всю историю, пытаясь доказать, что наиболее достоверные факты могут быть с некоторой долей основания подвергнуты сомнению, поставили под сомнение свидетельства не только Геродота, но и всех греческих историков.

В последнее время все это было так хорошо и досконально исследовано авторами, в высшей степени подходящими для этой задачи, что было бы совершенно излишним трудом опровергать тех, чья критика канула в лету.^[9]

Авторы, которые на общих основаниях старались показать, что Геродот сильно преувеличивает силу, доблесть, энергию греков по сравнению с азиатскими народами, забыли, что, оценивая его показания по этому делу, мы в изобилии располагаем независимыми свидетельствами, касающимися как азиатской, так и европейской цивилизации в рассматриваемые времена. Эти существующие памятники, с одной стороны, не оставляют места для сомнений в том, что почва Греции на протяжении длительного периода времени поддерживала многочисленный народ, в высшей степени наделенный одновременно физическими качествами силы, красоты, живости духа и отваги, а также ментальным складом, сочетающим логические способности и воображение в наилучших пропорциях. Перед нами доказательство того, что эти преимущества, присущие расе, были усовершенствованы; что была достигнута очень высокая степень цивилизации почти во всех ее отраслях и утонченности; что греки обладали ресурсами обширной торговли и приобрели большую политическую власть; или, выражаясь обо всем сразу, — что греки были тогда тем, чем являются народы Западной Европы сейчас по сравнению с народами Азии.

Даже если бы можно было представить вероятным, что в первые века существования мира Азия, а в Азии Персия, была центром цивилизации, все же следует признать, что, насколько позволяет достоверная история, картина азиатских народов однородна по своему характеру и окраске. Азия действительно породила несколько рас, отличающихся неистовой энергией, романтическим мужеством, возвышенностью и богатством воображения. Но ни у одного народа азиатского происхождения, который сразу и в сочетании проявил бы действенную энергию, высокий интеллект, вкус, хорошо направленное и стойкое трудолюбие, свойственные более развитым европейским нациям, - никогда его полчища не поднимались по шкале интеллекта до того уровня, при котором люди сразу же становятся жаждущими политической свободы и способными наслаждаться столь великими благами.

Отношение, которое современные европейские армии — португальская, голландская, французская и английская - всегда поддерживали к туземным войскам Индии, во многом совпадает с тем, которое, как утверждает история, существовало во все века между народами Востока и Запада. Хотя последние не гнали первых перед собой, как овец, они, в конце концов, одержали над ними верх, поскольку храбрость побеждает ярость, разум побеждает простую силу, а мастерство важнее количества. По сути, это одна и та же история, которую мы читаем, независимо от того, представляет ли страница истории нам подвиги Клайва в Индии, или Помпея в Парфии и Сирии, или Мильтиада при Марафоне, или Александра в Персии.

Таким образом, повествование Геродота по существу является первой главой истории затяжного конфликта между Азией и Европой; и это начало повествования согласуется со всеми последующими событиями. С одной стороны, виден безрассудный деспотизм, стоящий на плечах безграничного населения и который, по наущению ребяческого или свирепого честолюбия, развязывает войну, ход которой столь же мало направлялся искусством, сколь и сдерживался человечностью. С другой стороны, видны гораздо меньшие средства, применяемые с несравненно большим умом; и, за исключением лишь отдельных событий войны, общий результат всегда был одним и тем же.

Сноска

Содержание

[9] Некоторые из них были названы в первом издании этой книги; но было бы пустой тратой места приводить их заново.

ГЛАВА XX. НЕДАВНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ИСТИННОСТЬ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ: ГЕРОДОТ И БЕРОЗ.

Содержание

То, что мы сейчас делаем, — это приводим несколько примеров средств, доступных для установления истинности более отдаленных фактов древней истории, в соответствии с теми

общими принципами, которые уже были объяснены, взяв Геродота в качестве первого примера, а Бероза - во второй. В десятой главе (стр. 112) была сделана краткая ссылка на те статуи, бюсты, монументы, надписи, откуда древние историки черпали часть своих материалов. Но многие из этих убедительных свидетельств правдивости письменной истории дошли до наших дней и доступны либо на территории древних городов, либо в музеях. В двенадцатой главе (стр. 141-157) эти дошедшие до нас свидетельства упоминаются снова и более конкретно. В пятнадцатой главе знакомство с содержимым Британского музея привлекает к этому виду свидетельств еще большее внимание, и мы там (стр. 219) вскользь упоминаем Геродота как одного из тех писателей — действительно, самого выдающегося из них, чьи свидетельства находят подтверждение в скульптурах греческих, ассирийских и египетских салунов.

Поэтому к этому конкретному предмету мы сейчас вернемся; но сочтем достаточным назвать наугад несколько из очень многих примеров, которые можно было бы привести, подобного рода и которые обладают, в разной степени, одинаковой исторической ценностью. Читатель поймет, что в рамках такого тома, как этот, нельзя попытаться сделать ничего большего, чем изложить общие принципы исторических свидетельств и проиллюстрировать подобные утверждения несколькими примерами. Это было сделано в целом, на примере Геродота (как мы только что сказали) несколькими выдающимися писателями современности, а именно редакторами греческого текста; и еще более эффективно некоторыми более поздними — французскими и немецкими. Среди английских писателей мы должны упомянуть сэра Джона Кер Портера в его "Путешествиях по Персии"; майора Реннелла в его Эссе по географии Геродота; м-ра Лейарда в его "Ниневии и ее остатках" и его более поздней работе "Открытия в руинах Ниневии и Вавилона". С той же целью большая часть иллюстративных и случайных рассуждений находит место в "Истории Греции" Гроте и в "Критической истории языка и литературы Греции" Муре. Более конкретно эти темы затрагиваются в статьях и эссе доктора Хинкса и сэра Х. Роулинсона, а также во многих подробных примечаниях и присоединенных к ним эссе к готовящейся к печати работе "История Геродота: новая английская версия" мистера Роулинсона, сэра Х. Роулинсона и сэра Дж. Дж. Уилкинсона. В этих трудах, доступных английскому читателю и имеющихся в большинстве библиотек, можно легко получить обширную и точную информацию того же рода, что и та, из которой здесь приведены лишь несколько примеров. На "Очерк географии Геродота" майора Реннелла уже ссылались (стр. 312), и здесь его можно было бы снова привести для приведения примеров, подтверждающих тот факт, что греческий историк, не довольствуясь сбором материалов из вторых рук и у себя дома, действительно посетил большинство стран, о которых он дает какой—либо конкретный отчет, и, конечно, Месопотамию и Египет, и в некоторой степени Скифию, а также Северную Африку, помимо южных частей Италии; и можно утверждать, что в отношении этой обширной территории, что греческий историк действительно посетил большинство стран, о которых он дает какой—либо конкретный отчет. В своих ныне существующих природных особенностях, продуктах животного и растительного происхождения, обычаях людей, и особенно в тех сохранившихся памятниках архитектуры, которые привлекают внимание современных путешественников, эти страны предоставляют видимые и осязаемые свидетельства в поддержку репутации Геродота, свидетельствуя о его трудолюбии, интеллекте и, в целом, о точности его отчетов и описаний.

Сэр Роберт Кер Портер[10] часто упоминает этот же авторитет в качестве иллюстрации существующих древностей. "Как точно," говорит он, "эти остатки согласуются с методом строительства в Вавилоне, описанным Геродотом!... кирпичи, предназначенные для стен, были сформованы из глины, добытой из большого рва, который поддерживал их; они обжигались в

больших печах, и для того, чтобы соединить их при строительстве, использовался теплый битум; и между каждым слоем из тридцати кирпичей были проложены переплетенные друг с другом подстилки из тростника. Битум добывали из карьеров близ Евфрата, которые существуют и по сей день”. Со времени (1821 г.) исследований сэра Р. Кер Портера в Вавилонии в этих регионах было сделано так много, что мы, конечно, обращаемся к более поздним источникам: они, хотя и не лишают его труды всякой ценности, в значительной степени заменяют их. Главным образом за последние десять лет и полностью за эти тридцать был достигнут неожиданный прогресс в расшифровке надписей, которыми изобилуют останки этого региона; и теперь можно утверждать, что темная неизвестность далекой азиатской истории раскрывается перед нами. Это недавнее откровение — это разрешение того, что считалось непостижимыми тайнами, — в разной степени повлияло на существующие письменные истории Ассирии, Вавилонии, Персии, Скифии, многое подтверждая, многое исправляя; и полностью подрывая доверие к некоторым частям этой доселе принятой истории. Именно таким образом, осязаемые и видимые останки отдаленных эпох, как они теперь *интерпретируются*, произвели обширную реформу в этой области человеческого знания. Если бы в нескольких словах нам пришлось изложить общий результат этих открытий, то это было бы так: Недавняя интерпретация надписей, известных до сих пор или недавно обнаруженных на кирпичах, плитах и скульптурных поверхностях, а также на поверхности скал, внесколько замечательных примерах предоставила свидетельства, подтверждающие историю еврейских Писаний; это дало *общую* поддержку утверждениям Геродота, а также утверждениям Диодора Сицилийского; в то же время исправив эти утверждения в различных деталях. ; это безвозвратно опровергло свидетельство Ктесия — соперника и злейшего врага Геродота; и, с другой стороны, в значительной степени подтвердило достоверность того, что сохранилось от халдейского писателя —Бероса. К этому последнему примеру мы должны сейчас вернуться.

Упомянув (*глава XI.*) об исключениях, относительно которых могут быть открыты свидетельства древних историков, мы, не ставя под сомнение их правдивость, конечно, заявляем о снисхождении к ним в отношении событий, удаленных как по времени, так и по месту от них самих, и знание которых они, должно быть, получали из ненадежных источников информации. Тем не менее, существует множество примеров именно такого рода, которые получили от индустрии современных путешественников весьма примечательное подтверждение. Один из таких примеров находится перед нами в ранней, или, как мы можем это назвать, предварительной части истории Геродота. Говоря о Лидии и ее народе, он говорит, что в ней мало достойного внимания — действительно, меньше, чем в других странах, — но все же там есть одно сооружение огромных размеров, с которым ничто не сравнится, если не считать построек Египта и Вавилона: это гробница Галиата, отца Креза, фундамент которой состоит из огромных каменных блоков, а в остальном представляет собой земляную насыпь. Это сооружение пережило революции, длившиеся две тысячи четыреста лет или даже больше, и в последнее время оно с достаточной уверенностью было идентифицировано современными путешественниками. Он находится на северном берегу реки Херм, на равнине между горами Темн и Сифилус. Мистер Гамильтон так описывает главный курган, обычно обозначаемый как гробница Галиатта: “Нам потребовалось около десяти минут, чтобы объехать его основание, что дало бы ему в окружности почти полмили. К северу он состоит из естественной породы, белого, горизонтально слоистого известняка землистого цвета, срезанного таким образом, чтобы казаться частью сооружения. Верхняя часть состоит из песка и гравия, по-видимому, привезенных со дна Гермуса. Несколько глубоких оврагов были изношены временем и

непогодой по его склонам, особенно на юге; мы поднялись на вершину по одному из них, поскольку здесь было удобнее ориентироваться, чем на гладкой траве. Здесь мы нашли остатки фундамента площадью почти восемнадцать квадратных футов, к северу от которого находился огромный круглый камень десяти футов в диаметре, с плоским дном и приподнятым выступом или краем, очевидно, помещенный там в качестве украшения на вершине кургана”.

Прусский консул в Смирне М. Шпигенталь осмотрел этот памятник с большей тщательностью и исследовал внутреннее убранство. Он дает средний диаметр насыпи в 281 ярд, что потребовало бы окружности примерно в полмили, как приблизительно подсчитал мистер Гамильтон.

“Проведя туннель внутрь кургана, он обнаружил погребальную камеру, сложенную из больших блоков белого мрамора, тщательно отполированных, расположенную почти в центре кургана. Камера имела размеры примерно 11 на 8 футов и была 7 футов в высоту. Она была пуста и не содержала ни надписей, ни саркофага. В эту комнату, без сомнения, проникли и разграбили в незапамятные времена, а ее сокровища, какими бы они ни были, унесли. Не может быть никаких сомнений в том, что эта мраморная палата была настоящим местом упокоения лидийского царя, который умер, согласно нашему летоисчислению, в 568 году до нашей эры.” Это сооружение, увиденное Геродотом, было недавней работой — скажем, над ним прошло около 130 лет: сейчас это холм, превратившийся в бесформенную массу: — между тем, его описание — даже эта страница греческого языка — на мой взгляд — с точки зрения своей исторической и литературной целостности столь же свежа и совершенна, как и две тысячи лет назад — да, и оно настолько нетленно, насколько может быть нетленным что-либо обывденное. Этот греческий текст перестанет существовать — никогда, — если только поток воды, огня или всеобщего варварства не окутает эту планету своим покровом.

Поскольку в этой книге не предпринимается ничего, кроме иллюстрации метода или процесса сбора исторических свидетельств, мы лишь бегло взглянем на те видимые подтверждения свидетельств нашего автора, которые сейчас направляют любопытство ученых мужей Европы к уровням Месопотамии — берегам Тигра и Евфрата. Курганы, подвальные сооружения, гигантские скульптуры, надписи в совокупности дают свидетельства о Ниневии, Вавилоне и Персеполе и при этом проливают свет на отдаленную древность, которая, хотя и расширяет границы того, что называется “историческим периодом”, также позволяет сразу исправить и подтвердить дошедшие до нас письменные материалы по истории. До сих пор существование очень многих противоречий в этих литературных материалах и подозрительный аспект отдельных их частей создавали смутную неопределенность в целом. Но ход исследования в настоящее время имеет тенденцию к различению, и по своим результатам он, несомненно, позволит тем, кто будет компетентен в этой задаче, отделить истинное и несомненное от ложного и сомнительного на протяжении всего периода древней истории. Гораздо важнее, чем решение каких-либо конкретных проблем ассирийской, вавилонской или персидской истории, таких как спорные даты войн или наследование монархов, является исключение тех расплывчатых способов мышления и написания, целью *инамерением* которых было поставить под подозрение всю историю и, таким образом, повсеместно отвлечь внимание от *прошлого* и сосредоточить мысли людей на повседневных вещах и объектах чувств.

Между письменной историей, дошедшей до нашего времени способами, упомянутыми в предыдущих главах, и ныне сохранившимися значительными памятниками того же времени существует соответствие, которое никоим образом нельзя объяснить иначе, как предположив подлинность первого.

“Великий храм Вавилона, о котором греки оставили так много упоминаний, вне всякого сомнения, следует отождествлять с огромным курганом, который Рич назвал *Муджеллибех*, но к которому арабы повсеместно применяют титул *Бабиль*. Однако в описании, которое Геродот дает этому знаменитому зданию, он, по-видимому, смешал архитектурные детали, которые в действительности относились к двум разным местам; его размеры площади стадиона, довольно точно соответствующие окружности Вавилона, и его указания также на часовни и алтари бога, находящиеся в тесном согласии с рассказами, сохранившимися в надписях Навуходоносора, о высоком месте Меродах в Вавилоне; в то время как, с другой стороны, высота семи ступеней, расположенных одна над другой, и строительство святилища ибо божество, находящееся на вершине пирамиды, обязательно должно относиться к храму Планет Семи Сфер в Борсиппе, ныне представленному руинами Бирс—Нимруда”. - Сэр Х. Роулинсон: *Геродот*, том i, стр. 321.

В целом, мы можем с достаточной уверенностью заключить, что в большом северном кургане Вавилона находятся остатки того знаменитого храма, который так красочно описывает Геродот и который древние авторы столь широко объявляют одним из главных чудес восточного мира. На его кирпичах написано имя Навуходоносора, который рассказывает, что он основательно отремонтировал здание; и это единственные руины, которые, по—видимому, принадлежат храму, среди всех остатков древнего Вавилона”. - *Там же*.

В ходе этих недавних исследований представился пример, который весьма своеобразным образом иллюстрирует нашу основную тему в этом томе, а именно — достоверность того способа передачи, который привел в наши руки древние книги.

Берос, или Берозей, халдейский священник и историк, процветал и писал в Вавилоне во времена непосредственных преемников Александра. Его труд — *История Вавилонии* не дошел до наших дней; но он существовал в первые века христианской эры; и о нем очень часто упоминали и пространно цитировали писатели того времени. К этой истории уверенно обращается и цитирует ее Иосиф Флавий; а отрывки, взятые из нее, можно найти у Татиана, Евсевия, Климента Александрийского, Афиней, Агафия и других. В целом, когда эти по-разному заимствованные цитаты сведены воедино, они образуют массу, пусть и разбитую на фрагменты, но все же достаточную для выполнения чрезвычайно важных задач по прояснению древней истории Востока. Применяя этот замечательный пример для нашей цели в этом рассуждении, мы должны *сначала* указать на иллюстрацию, которую он дает реальности, и на правдивость той системы цитирования, на которую мы снова и снова обращали внимание читателя. Здесь перед нами случай, когда фрагментарные цитаты и случайные отсылки, сделанные рядом авторов, оказываются настолько составными и согласующимися друг с другом, что позволяют установить подлинность одновременно автора, которого цитируют, и авторов, которые цитируют: это взаимоподтверждающее свидетельство. Но, во-вторых, эти фрагменты недавно получили своего рода подтверждение подлинности, на которое мало кто обращал внимания и которое действительно заслуживает особого внимания. Здесь мы имеем в виду трехязычную наскальную надпись, которая недавно получила свое толкование. Обращаясь к этому примеру и применяя его к нашей настоящей цели, мы, как следует понимать, предполагаем то, в чем, по нашему мнению, не должно быть сомнений, а именно, достоверность той системы толкования, которая в конце концов дала нам английский язык этих надписей. Несколько отрывков, которые мы сейчас процитируем, взяты из *"Геродота"* Роулинсона. Далее (том ii, стр. 590) описываются наскальные надписи в Бехистуне.

“Бехистун расположен на западной границе древней Мидии, на дороге из Вавилона в южную Экбатану, великую магистраль между восточными и западными провинциями древней Персии. Отвесная скала высотой 1700 футов, на которой начертаны письмена, образует часть великой цепи Загрос, которая отделяет высокогорное плато Ирана от обширной равнины, орошаемой двумя потоками Тигра и Евфрата. Надпись выгравирована на высоте 300 футов от основания скалы, и добраться до нее можно только с большим усилием и трудностями. Он трехязычный: одна транскрипция на древнеперсидском, другая на вавилонском, третья на скифском или татарском диалекте. Кол. Из самого памятника Роулинсон заключает, что казнь была совершена на пятом году правления Дария, в 516 году до нашей эры”.

В этих надписях, покрывающих большую поверхность местной скалы, великий царь Дарий рассказывает миру, кто он, что он сделал, какие войны вел, какие страны завоевал и какие сооружения воздвиг:—

“Я (есмы) Дарий, великий царь, царь царей, царь Персии, царь (зависимых) провинций, сын Гистаспа, внук Арсамеса Ахеменида”.

Мы упоминали (стр. 256), чем пользовались переписчики, отдавая свои труды на попечение людей последующих времен и подвергая страшной анафеме преступление уничтожения или отчуждения книги. Здесь и сейчас возникает любопытное совпадение; ибо этот великий царь, завершая этот скульптурный отчет о своем правлении, так изрекает свою волю:

“Царь Дарий говорит:”Если, увидев эту табличку и эти изображения, ты повредишь им и не сохранишь их до тех пор, пока живо мое семя, (тогда) пусть Ормазд будет твоим врагом, и пусть у тебя не будет потомства; и что бы ты ни делал, пусть Ормазд проклянет это за тебя”.

Что касается доступной ценности этих надписей, мистер Роулинсон пишет следующим образом (том i, стр. 432):

“До недавнего времени самой неясной главой в мировой истории была та, которая касалась древней Вавилонии. За исключением библейских упоминаний о царстве Нимрода и союзниках Кедор-лаомера, не было ничего достоверного, что могло бы удовлетворить или даже послужить руководством к исследованию.... Материалы, накопленные за последние несколько лет в результате раскопок, которые были произведены на местах разрушенных городов Вавилонии и Халдеи, значительно развеяли сомнения по общему вопросу. Каждое последующее открытие, как правило, подтверждало подлинность хронологии Бероса и дискредитировало рассказы о Ктесии и его последователях.... Хронология, которую мы получаем из клинописных надписей в этой ранней империи, прекрасно согласуется с цифрами, приведенными в схеме Беросуса.... Очевидно, что хронологическая схема Беросуса ... в целом, замечательно поддерживается и подтверждена.... Что касается хронологии Ктесия, то она несовместима со Священным Писанием, расходится с памятниками и противоречит местному историку Беросу, хронологические утверждения которого недавно получили такое обильное подтверждение в ходе открытия клинописи.... Поэтому ее можно отбросить как чистую и абсолютную выдумку; и можно следовать более короткой хронологии Геродота и Бероза. Схема этих авторов находится в сносной гармонии с еврейскими записями, а также достаточно хорошо согласуется с результатами, которые в настоящее время можно извлечь из надписей ”.

Нашей целью здесь является не определение спорных моментов древней истории, а просто демонстрация в нескольких ее частях метода или процесса исторического доказательства.

Только с этой точки зрения нам ничего не нужно делать, кроме как представить эти *образцы* этого метода в нескольких его видах. Было бы легко, если возможно, полезно, переходить от книги к книге по истории Геродота, находя подтверждения или исправления его повествований и описаний, а также многое из того, что было бы уместно, со страниц современных путешественников или из содержимого музеев. Но это привело бы нас далеко вперед и действительно заполнило бы объемистые тома. Приведенные до сих пор вкратце факты дают умному и прилежному читателю *рекомендации* по проведению прокурорского расследования на этом основании в любой степени, к которой его может подтолкнуть его вкус или цели.

Сноска

Содержание

[10] Путешествия по Грузии, Персии, Армении, Древней Вавилонии и др. Два тома. quarto, 1821.

ГЛАВА XXI. ЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ.

Содержание

В мои руки может попасть книга, которая не содержит никакого повествования о событиях, никаких намеков на личности или деяния времен автора - словом, ничего, от первой страницы до последней, что прямым образом позволило бы мне установить дату написания. Тем не менее, такая книга действительно может обладать большим историческим значением и занять свое место среди тех материалов, которыми охотно воспользуется историк. Это утверждение, возможно, нуждается в некотором объяснении; например: —

Каждая нация, в отличие от других наций, своих современников и каждого периода мировой истории, по сравнению с предшествующими и последующими периодами, имеет свои характеристики, свой моральный тон, свой интеллектуальный диапазон и свои вкусы; у нее есть свои принципы, свои способы рассуждения и особенно свое состояние как период либо прогресса и экспансии, либо упадка и упадочности. Эти характеристики важны сами по себе, и часто в высшей степени, для прояснения исторических проблем.

Тем не менее историки редко предоставляют *прямую* информацию, иллюстрирующую моральное или интеллектуальное состояние древних народов; впрочем, об этом недостатке не стоит сильно сожалеть, поскольку подобные темы слишком неопределенны, чтобы их можно было рассматривать в стиле, подобающем истории; и когда историки философствуют, они вызывают справедливое подозрение простотой своих свидетельств. Кроме того, умственное состояние народа можно справедливо оценить, только сравнив его с состоянием других; и лишь немногие писатели, какими бы обширными ни были их познания в фактах, способны выступать арбитром между своими современниками и предшественниками или между своими соотечественниками и соседями.

И все же, хотя информация такого рода может отсутствовать на страницах историков, ее можно почерпнуть из других источников; ибо, когда существуют литературные памятники древнего народа, знания, которые мы ищем, могут быть почерпнуты с высокой степенью достоверности именно из них. Тем не менее, этот процесс может быть приятным и трудным, поскольку указания, из которых он должен быть почерпнут, более или менее неясны. Именно по этой причине выводы, которые мы получаем путем умозаключений и сравнений, могут быть в большей степени свободны от подозрений. Страницы историков могут быть заполнены описаниями ресурсов, иностранного влияния, населения и государственного устройства империй; тем временем умный исследователь может получить истинное представление о вкусах и морали народа из случайных намеков и аллюзий писателей менее претенциозного класса.

Очевидно, что в этом смысле мы не должны придавать большого значения озлобленным сарказмам мизантропов или эпиграммам сатириков, которые придерживаются взгляда на две порочные крайности социальной системы, а именно — на избалованных фаворитов и отчаявшихся отверженных фортуной. Мы также не должны без опаски прислушиваться ни к мечтам поэтов, с картин которых были сняты все беды реальности, ни к мнениям философов, которые часто менее верны природе, чем даже поэты.

Выводы при расследовании такого рода могут быть сделаны из того, что зарегистрировано, — из образа жизни, домашних обычаев и развлечений народа; или из особенностей их богослужения; или из народного чувства, будь то одобрение, удивление или отвращение, которое возбуждают действия публичных персон.

Достоверная информация также должна быть получена из законодательных актов народа, моральное состояние которого находится под вопросом. Такого рода материалом является либо то, что зафиксировано и было передано исполнительной властью законодательной властью; либо то, что широко распространено в тех этических произведениях, которые заняли постоянное место в литературе страны. При выводах из первого, а именно из санкционированных законов народа, необходимо соблюдать несколько различий; ибо мы не должны ссылаться на устаревшие законы; и при изучении недавних законодательных актов не следует забывать политические обстоятельства того времени, поскольку сиюминутные интересы партий или отдельных лиц нередко приводят к законодательным решениям, которые совершенно аномальны с точки зрения состояния народа. Часто простая случайность имела влияние в сенатах и, возможно, оказывала большее влияние в серьезном деле законотворчества, чем, казалось бы, свидетельствуют мудрые и торжественные формы этого места.

Но это должно быть сделано только с последним поименованным источником информации, что нам сейчас и предстоит сделать. Мы говорим следующее — при должной осторожности существенную информацию, касающуюся морального и интеллектуального состояния народа, можно почерпнуть из этических трудов, которые были приняты и одобрены среди них. Это утверждение влечет за собой несколько важных следствий, и, возможно, было бы неплохо проиллюстрировать его несколькими примерами.

Каждое наставительное сочинение содержит, явно или косвенно, два фиксированных момента, установить которые — задача спрашивающего. Одно из них гораздо легче обнаружить, чем другое; и все же существует средство измерения расстояния между ними; так что, определив одно, можно обнаружить и другое: — например, первый пункт, который можно установить в

этическом сочинении, — это система морали, или стандарт совершенства, который придумал автор и который он рекомендует и проводит в жизнь. Эту точку можно назвать *идеальным уровнем мышления писателя* в области морали, и в большинстве случаев ее довольно легко установить. Второй и менее очевидный момент, который и является самой целью наших исследований, — это действительное состояние нравственности среди тех, к кому обращается автор, и который можно назвать *реальным уровнем народной морали*. Таким образом, наша задача - найти эту последнюю или неизвестную точку, измерив расстояние между ними. Теперь это расстояние более или менее отчетливо обозначается тоном каждого этического произведения. Таким образом, в нашей задаче мы имеем три термина: один известный, другой востребованный и средний термин, соединяющий эти два термина, который еще предстоит проработать на основе имеющихся у нас материалов.

Четкость указаний, из которых должен быть сформирован наш средний, или *измерительный термин*, будет сильно различаться в разных случаях. В произведениях философского толка они будут чрезвычайно расплывчатыми и, возможно, недоступными для нашей цели; в то время как в трактатах простого и популярного характера, состоящих из точных увещаний — порицаний и советов, — будет нетрудно сделать выводы, которые мы ищем. Обнаружится также, что серьезные писатели являются более надежными проводниками, чем те, кто балуется сатирой; ибо сатирик стремится к крайностям.

Мы утверждаем, что произведения философского или морального характера, в которых нет никаких намеков на события или отдельных личностей, тем не менее, могут быть доступны в качестве исторических материалов. — Два или три примера покажут, что мы имеем в виду. Мы возьмем наш первый пример из книги, которая по своей форме и стилю является самой абстрактной из всех, какие только можно найти; и вкратце изложим смысл раздела о великодушии в "Этике" Аристотеля.

Великодушие, говорит Аристотель, - это качество, позволяющее понять, что такое великое. Но что это за вещи? Тогда великодушным по праву может быть назван тот, кто считает себя достойным великих свершений, и кто действительно таков. Ибо тот, кто так считает о себе без причины, глуп. Тот, чьи заслуги равны лишь скромному положению и кто так думает о себе, называется мудрым, а не великодушным; ибо великодушие относится к тому, что действительно велико. Точно так же, как красота зависит только от роста; те, кто маленького роста, могут быть миловидными или симметричными, но не красивыми. С другой стороны, того, кто ложно считает себя обладателем великих заслуг, называют тщеславным — термин, который никогда не может должным образом относиться к тем, кто действительно велик. Опять же, тот, кто недооценивает свои заслуги, подл, независимо от того, велики ли его реальные заслуги, умеренны или незначительны; поскольку он все еще думает, что ему причитается меньшее, чем он имеет; особенно малодушен тот, кто таким образом принижает великие качества в себе; ибо что бы сделал такой человек, если бы был лишен этих заслуг? Следовательно, тот, кто истинно великодушен, по необходимости является хорошим человеком; и все великое, что есть в какой-либо добродетели, принадлежит ему. Ему не подобает убегать, заламывая руки, или причинять кому-либо зло; ибо зачем ему совершать недостойные поступки, к которым нельзя прибавить ничего великого? — Вот почему это величие души кажется своего рода украшением всех добродетелей, усиливающим их все и ни в коем случае не состоящим без них. Поэтому истинное величие души встречается редко, поскольку оно требует совершенства честности и добродетели. Великодушие особым образом проявляется как в чести, так и в бесчестии; ибо

великий человек, окруженный богатством и усердной свитой, испытывает лишь умеренное счастье; поскольку то, чем он наслаждается, не превышает того, что ему подобает; или, возможно, не так уж и много; ибо вряд ли когда-либо можно сказать, что добродетель заслуживает должной награды. Поэтому он спокойно признает, что оказанные ему почести, хотя и не равны его заслугам, являются максимумом того, что могут оказать окружающие; в то время как обычные или скупые похвалы он совершенно презирает, ибо считает себя их недостойным. Подобным же образом он презирает бесчестие, ибо знает, что оно несправедливо наложено на него. Таким образом, в благополучии он не ликует; в невзгодах не унывает.

Не пытаясь делать слишком далеких выводов из подобного отрывка, можно справедливо сказать, что он указывает на существование популярных представлений о моральном величии, более утонченных, чем у народов, просто воинственных; и намного возвышенных над представлениями народа - просто коммерческого. Писатель, должно быть, в своей собственной стране видел примеры героической добродетели, которые соответствовали идеальному образу, который он демонстрирует. Неудивительно узнать, что он принадлежал к расе, породившей Аристиды, Кимона, Эпаминонда и Фокиона. Примечательно, что великодушный человек Аристотеля удостоивается только почестей, подобающих *гражданину* или выдающемуся лидеру республики, а не ярких проявлений восточного деспотизма: то, что миллионы представителей его вида лежат в пыли у его ног, не считается приличествующей славе его героя. Мы также можем справедливо заметить, что этот проницательный мыслитель, очевидно, не имел представления о том особом чувстве, которое порождается в великих умах привычным обращением к моральным атрибутам Божества: его герой — чисто *приземленный* человек; или, если можно так выразиться, он *атеист*. Его представление о моральном величии также не включало в себя то смирение, которое проистекает из чувства проступка или несовершенства в глазах Верховного Законодателя и Судьи. Если бы идеи этого класса вообще были известны грекам того времени или если бы они попали в поле зрения автора, он, несомненно, включил бы их в число своих определений, независимо от того, считал ли он их заслуживающими похвалы или нет. Ибо его манера заключается в том, чтобы не упускать ни одной абстрактной идеи, которая имеет какое-либо отношение к его теме.

В какой степени чувства, подобные тем, о которых упоминал Аристотель, были распространены в его времена, нелегко установить из только что процитированного отрывка; поскольку трактат, в котором это встречается, носит абстрактный, а не увещательный характер; тем не менее, в нем содержится одно выражение, которое, в соответствии с принципом нашего настоящего рассуждения, мы должны назвать *мерилом*; он говорит, что истинное великодушие чрезвычайно редко или его трудно достичь; другими словами, что среди соотечественников автора было гораздо легче найти Алкивиада, чем алхимика. Эпаминондас. Но историческое значение подобного отрывка лучше всего проявится, если сравнить его с цитатой на аналогичную тему из самых выдающихся римских моралистов.

Трактат Цицерона "De Officiis" скорее абстрактен, чем поучителен; и все же, по сравнению с Этикой Аристотеля, он менее метафизичен и ближе подходит к современной идее практической работы. Не намеренно рисуя нравы или формально оценивая мораль своего времени, этот великий писатель приводит в своих различных сочинениях множество указаний, из которых можно сделать вывод о состоянии того и другого. По его словам, из всех социальных уз ни одна не может быть более весомой или более дорогой, чем та, которая связывает каждого из нас с

нашей страной. Дороги наши родители, дороги наши дети, родственники, друзья; но в нашей стране сосредоточена всеобщая нежность, ради которой какой хороший человек не колеблясь пошел бы на смерть, если бы его смерть могла способствовать ее интересам? Отсюда еще более отвратительна свирепость тех, кто каждым преступлением разрушает свою страну и кто когда-либо был занят ее разрушением. Действиям, совершаемым великодушно и отважно, мы привыкли аплодировать, так сказать, с набитым ртом. Отсюда темы ораторов при Марафоне, Саламине, Платеях, Фермопилах, Левктрах; отсюда наши Коклы, отсюда Деции, отсюда Кней и Публий Сципион, отсюда Марцелл и другие без числа; ибо римский народ особенно выделяется величиим души. Действительно, о нашей любви к воинской славе свидетельствует тот факт, что наши статуи украшены одеждой воина. Но та возвышенность души, которая проявляется в опасностях и трудах, если она стремится к честности, если она борется не за общественные, а за частные выгоды, становится пороком. Это не просто не добродетель, но скорее следует считать жестокостью, противной человеческой природе. Поэтому стоики правильно определяют стойкость, когда говорят, что это 'добродетель, защищающая право'. Вот почему ни один человек, достигший похвалы в виде стойкости духа, не был известен предательством или озорством; ибо ничто не может быть похвальным, если оно несправедливо. Следовательно, доблестными и великодушными следует считать тех, кто не совершает, а подавляет зло. Это истинное и мудрое величие души, которое действительно похвально и созвучно природе, относится к делам больше, чем к славе; и оно скорее было бы прославленным, чем казалось бы. И не следует причислять к великим людям того, кто зависит от ошибочного мнения легкомысленной толпы. Ибо возвышенные умы, всегда жаждущие славы, легко склоняются к несправедливости. И действительно, трудно найти того, кто, подвергаясь трудам и опасностям, не ищет славы в качестве платы за свои подвиги.

В этих выражениях бросается в глаза та первостепенная страсть — любовь к родине, которая так своеобразно принадлежала римскому народу, которая была главной причиной роста его могущества и которая, хотя тогда была на исходе, не угасла в эпоху, когда государство перестало быть свободным: — ни один порядочный человек не колебался бы умереть за благо своей страны — это чувство было более характерно для римлян, чем для греков. Греческие вожди нередко предавали свою страну ради золота; римские — почти никогда. Следовательно, воинский дух гораздо более заметен в одном случае, чем в другом. Великий человек у Цицерона, конечно, воин; у Аристотеля — государственный деятель: римлянин добивается *славы*; грек — *чести, достоинства*. Первый, если лишен честности, становится мятежным разрушителем своей страны и не обращает внимания на опасности и труды; другой — просто тщеславен. Греки прибегали к войне, чтобы защитить свои свободы и уладить свои внутренние распри; но римляне поступали так из врожденной любви к битвам и ненасытного желания завоеваний. Оба моралиста считают истинную добродетель необходимой для истинного великодушия; но грек доказывает эту необходимую связь на абстрактных принципах; римлянин настаивает на том, что *полезность* должна стать высшим правилом поведения; и этот принцип выражает то практическое чувство, в котором римляне так сильно превосходили греков. Если бы тогда, по какой-то ошибке, процитированные выше отрывки были приписаны каждый другому автору, читатель, хорошо знакомый с историей двух народов, не преминул бы заметить несоответствие чувств и фразеологии. Оба автора придерживаются, по существу, одних и тех же мнений, но один мыслит как товарищ софистов, другой — как друг солдат. Это заметное различие между ними указывает на *историческую значимость* того и другого.

Теперь мы процитируем отрывок на тему, не слишком отличающуюся от того, что написал современный автор; и читатель поймет, что со времен древних писателей до наших дней в чувствах человечества произошли большие перемены и улучшение.

Обязанность (уважать естественное равенство людей), говорит Пуффендорф, нарушается гордыней или высокомерием, которые побуждают человека без причины или без достаточных оснований предпочитать себя другим и презирать их как не стоящих на одном уровне с ним самим. Мы говорим без *причины*; ибо, когда человек по праву требует того, что дает ему превосходство над другими, он может должным образом использовать и поддерживать это преимущество, избегая при этом абсурдного хвастовства или презрения к другим. Как, с другой стороны, любой должным образом оказывает честь или предпочтение тому, кому это причитается. Но истинное великодушие или величие души всегда сопровождается определенным кажущимся смирением, которое проистекает из размышлений, которые мы совершаем над немощью нашей природы и ошибками, которые мы могли совершать раньше или которые еще можем совершить, и которые не меньше, чем у других людей.... Еще большим преступлением для человека является выражение своего презрения к другим внешними признаками, такими как действия, слова, жесты, смех или любое другое оскорбительное поведение. Это оскорбление следует считать тем более тяжким, что оно так возбуждает в умах других гнев и желание мести. Таким образом, можно найти многих, кто скорее подвергнет свою жизнь непосредственной опасности и скорее разорвет дружеские отношения со своими соседями, чем потерпит неотомщенное оскорбление. Поскольку таким образом наносится ущерб чести и репутации, безупречная целостность которых необходима для душевного спокойствия.

Последние предложения этого отрывка исключают мысль о том, что автор жил во времена, когда низменное или раболепное равнодушие к репутации погасило те чувства, которым древние воинственные народы приписывали такое большое значение и такие большие заслуги. В то же время первая часть содержит корректирующее чувство, от которого едва ли можно найти след у кого—либо из греческих или римских авторов, - чувство, явно проистекающее из расширения понятия *моральной ответственности* и из гораздо более высокой оценки природы добродетели. Другими словами, два первых цитируемых автора были политеистами; последний был христианином.

Наш следующий пример взят из "Энхиридиона" Эпиктета. Ледяной софизм стоиков нашел некоторых поклонников в Риме еще до того, как исчезла древняя республиканская строгость нравов. Но *теоретический* стоицизм достигает своего совершенства только через некоторое время после того, как *практический* стоицизм устарел. Это реакция в *моральном* мире, вызванная чрезмерным изобилием роскоши, чувственности, изнеженности и высокомерием нелепого богатства. Следовательно, если бы дата создания Энхиридиона была неизвестна, ее с большей уверенностью можно было бы отнести ко временам Домициана, чем к эпохе Цинцинната или Катона. Читая следующий отрывок, можно легко представить себе хромого мудреца,^[11] кутающегося в свое запасное одеяло, и его безграничное самодовольство, когда он незаметно пробирается сквозь наглость и сладострастие императорского Рима.

— Если с тобой когда-нибудь случится свернуть со своего пути с намерением угодить кому-либо, знай, что ты потерял свой институт (*то есть* оставил свое *правило*). Пусть тебе будет достаточно во всех случаях быть философом. Но если ты действительно хочешь казаться

философом, посмотри на себя и будь доволен этим. Пусть подобные мысли не беспокоят тебя — я живу без почестей, и меня нигде не знают.... Кого-нибудь предпочитают тебе за столом, или отдают честь перед тобой, или советуются с тобой? Если это добро, ты должен поздравить того, на чью долю оно выпало; если это несчастья, не печалься, потому что они не постигли тебя. Но помни, что поскольку ты не обращаешь внимания на те вещи, с помощью которых достигаются внешние преимущества, не может быть, чтобы они были даны тебе. Ибо как может тот, кто остается дома, жить так же, как тот, кто уезжает за границу? — или одно и то же может случиться с тем, кто подобострастен, и с тем, кто нет?—к тому, кто хвалит, и к тому, кто не хвалит? Ты будешь несправедлив и жаден, если, не заплатив цену, по которой продаются эти вещи, ты рассчитываешь получить их бесплатно. Итак, какова цена салата-латука?—скажем, фартинг: следовательно, человек платит свой фартинг и берет свой салат-латук; но ты не платишь и не берешь. Не думай, что ты в худшем положении, чем он. Ибо, как у него есть салат-латук, так и у тебя есть фартинг, которого ты не заплатил. Так же обстоит дело и с другими вещами.—Ты не заплатил цену, по которой продается приглашение на пир: ибо тот, кто устраивает пир, продает приглашения за лесть - за подобострастие. Назови тогда цену, если ты считаешь сделку выгодной для себя. Но если ты не хочешь платить за нее, и все же хочешь получить вещи, ты одновременно жадный и глупый. И нет ли у тебя тогда ничего вместо пира? Да, воистину; у тебя есть то, что ты не похвалил того, кого не одобрял; и тебе не пришлось терпеть его дерзость, входя в его чертоги.

В трудах Эпиктета можно найти много замечательных высказываний, хотя по части из них есть основания полагать, что он был в долгу перед христианством, хотя этого обязательства он не признает. Трактат, из которого взят этот отрывок, представляет собой пример той трудной и безуспешной борьбы гордости с самолюбием, которая естественна для людей с высшим интеллектом, которые находятся в низшем положении и окружены вульгарной наглостью, раболепием и распутством. Очевидно, во времена автора в обстоятельствах, подобных его собственным, существовал класс людей, то есть интеллектуалов, которые, защищаясь от презрения мирян, надевали кольчугу стальной логики.

"Энхиридион", если рассматривать его как *исторический материал*, может вполне подтвердить вывод о том, что во времена автора богатство и роскошь восторжествовали над суровыми принципами и суровыми манерами; — что философский характер перестал вызывать всеобщее уважение, как это было в Афинах в эпоху Платона; — и что сама философия, миновав свой расцвет, быстро становилась парализованной и сварливой.

Можно провести сравнение, одновременно любопытное и поучительное, между двумя писателями, которые на первый взгляд могут показаться слишком непохожими, чтобы их можно было называть вместе, — Эпиктетом и Фомой Кемпийским. И все же в доказательство реального сходства можно было бы привести цитаты из "Энхиридиона" и "Де Имитации". Сходство есть даже в форме двух произведений; оба писателя в стиле строгой и лаконичной простоты адресуют свои острые афоризмы — то самим себе, то своему наполовину непокорному ученику, во многом в манере няни, укоряющей капризного ребенка. *Монотонность* как в *принципах*, так и в *темах* пронизывает обе книги. Оба автора принуждают Мудрость взойти на вершину покрытого снегом пика, где к ней не может ни приблизиться, ни даже услышать большая часть человечества. Оба писателя на самом деле были, хотя и придерживались совершенно разных принципов, не только отшельниками от обычных сфер человеческой жизни, но и отрекшимися от обычных эмоций нашей природы. И оба, по неявному контрасту, демонстрируют упадок

социальной системы своего времени. И все же между ними есть разница: в то время как стоик предлагает взглянуть на тьму язычества, оживленную проblesком христианства, монах демонстрирует яркость христианской истины, затемненной ошибками суеверия.

Моральные трактаты Плутарха носят скорее практический, чем философский характер, и поэтому в них содержатся многочисленные указания как на мнения, так и на нравы его эпохи. По правде говоря, изучающий историю вряд ли нуждался бы в иной помощи для выяснения религиозных и моральных настроений времен Траяна, чем та, которую он может найти на страницах этого писателя. Среди нравоучительных произведений этого автора есть одно, которое любопытно и ценно также как исторический материал, а именно трактат о суевериях — *страх перед демонами*. С большой силой языка и меткостью иллюстрации он изображает душевные муки человека, который верит, что боги злы, неумолимы и капризны; и он противопоставляет этот несчастный характер сравнительно безвредному заблуждению тех более смелых духов, которые полностью отбрасывают веру и страх перед небесными существами; и хотя он рекомендует “средство благочестия”, он решительно предпочитает атеизм суеверию.

Что скажете вы?—Нечестив человек, который думает, что богов нет? Но разве тот, кто считает их жестокими и злобными, не придерживается мнения, которое гораздо более нечестиво? Что касается меня, то я предпочел бы, чтобы люди говорили: "Нет такого человека, как Плутарх", чем утверждали, что Плутарх - человек капризный, непостоянный, склонный к гневу, мстительный за случайные обиды, вздорный; тот, кто, если вы пренебрегли пригласить его с другими на пир, или если, будучи занят иным, вы не поприветствовали его у своих ворот, сожрет вас, или схватит и замучает вашего сына; или пошлет зверя, которого он держит для этой цели, опустошать ваши поля.

Плутарх говорит о четырех состояниях ума, известных и существовавших в его время, а именно: 1. Мудрое благочестие, которое он рекомендует и которое образует промежуточное звено между суеверием и атеизмом. 2. Радостное или *праздничное* поклонение богам, в котором он не видит ничего предосудительного. 3. Смелый отказ от любой религии, которую он считает *ошибкой*, хотя и невинной ошибкой: - и 4. Суеверие, которое является не просто ошибкой, но практическим злом худшего рода. О первом он почти ничего не говорит; он также не предлагает ни единого намека на то, каким образом боги и богини греческой мифологии могли стать объектами благочестивого и разумного благочестия: и все же благочестие без бога, должно быть, бессмысленный термин. Благочестие Плутарха - это смутное чувство, которое он считает свойственным человеческой природе и в высшей степени благотворным; но которое было абсолютно лишено твердой почвы или определенности; ибо ему не было известно ни одного невидимого существа или сущностей, которых он мог бы одновременно любить и бояться. Даже если философ путем сомнительных рассуждений мог бы выработать для себя представление о Божестве, такое, которое могло бы поддерживать живое чувство благочестия, никакое такое заумное представление не могло бы быть доведено до понимания обывателя. Что же тогда остается простолюдинам? — не атеизм, ибо это ошибка; — не суеверие, ибо это мучительное зло: — не остается ничего, кроме праздничного поклонения богам; и это, со всей его нечистотами и всеми его безумиями, было единственной долей, которая могла быть отведена миллионам людей: —Плутарх не знал альтернативы, на которой можно было бы основать религиозные чувства людей. Однако в другом случае он решительно высказывает свое мнение о необходимости религии для поддержки социальной системы.— Мне кажется, что было бы

легче построить город без фундамента, чем построить или сохранить государственное устройство, из которого следовало бы убрать всякую веру в богов. И все же, каким бы великим ни было зло атеизма, он считал еще большее зло, проистекающее из суеверий. По его свидетельству, когда единственная теология, известная грекам, овладела робкими умами, это сделало жизнь невыносимо обременительной.—Из всех видов страха ни один не вызывает такого неизлечимого уныния и растерянности, как суеверие. Тот, кто никогда не поднимается на борт корабля, не боится моря; ни тот, кто не является солдатом, не боится битвы; ни тот, кто остается дома, не боится разбойников; ни бедняк не боится доносчиков, ни тот, кто низок, глаза зависти; ни тот, кто населяет Галлию, землетрясений; ни эфиоп, молнии. Но человек, который боится богов, боится всего: земли, моря, воздуха, небес, темноты, света, шума, тишины, снов. Раб во сне забывает своего господина, пленник — свои цепи, раненый и больной — свои мучения: — добрый сон, друг страдальца, как сладки твои посещения! Но суеверие не допускает даже этого утешения; оно не приемлет перемирия, оно не дает передышки разуму и не позволяет духам собраться с силами или развеять свои суровые и печальные предположения. Но, как и сама область нечестивых, сны суеверного человека изобилуют ужасающими видениями и роковыми предзнаменованиями; и эта страсть, всегда налагающая наказания на рассеянный дух, пугает человека видениями. А он — истязаящий себя, считает себя обязанным выполнять страшные и чудовищные приказы. Такой человек, когда он просыпается, вместо того чтобы презирать свои сны или улыбаться от удовольствия, обнаружив, что то, что его потревожило, не имеет реальности, все еще парит перед безвредной тенью, и в то же время он по существу введен в заблуждение, попав в руки фокусников и самозванцев, которые лишают его денег и налагают на него различные епитимьи.

Пытки, которым подвергал робкие души греческий политеизм, с не меньшей силой изображены наблюдательным Теофрастом.—Суеверие — это приводящий в уныние страх перед божествами (демонами). Суеверный человек, вымыв руки в священной купели и хорошенько окропившись святой водой из храма, берет в рот лавровый лист и ходит с ним весь день. Если ласка перейдет ему дорогу, он не двинется дальше, пока кто-нибудь не пройдет перед ним или пока он не бросит поперек дороги три камня. Если он видит змею в доме, он строит на этом месте часовню. Когда он проходит мимо освященных камней, расположенных там, где сходятся три пути, он осторожно поливает их маслом из своего графина; затем, упав на колени, он поклоняется и удаляется. Мышь, может быть, прогрызла дырку в мешке из-под муки; она отправляется к провидцу, чтобы узнать, что ему надлежит делать; и если ей просто отвечают: 'Отправь это сапожнику, чтобы его залатали', — он рассматривает дело в более серьезном свете и, прибежав домой, считает мешок предметом, которым больше нельзя пользоваться. Он занят частыми очистками своего дома, говоря, что в него вторглась Геката. Если во время его прогулок мимо пролетает сова, он приходит в ужас и восклицает — Так идет божественная Минерва. Он старается не наступать на могилу и не приближаться к трупу, говоря, что ему выгодно избегать любого осквернения. В четвертый и седьмой дни месяца он приказывает приготовить для своей семьи глинтвейн; а сам отправляется за миртами и ладаном, возвращается и проводит день, венчая статуи Меркурия и Венеры. Как только ему снится сон, он бежит к толкователю, прорицателю или авгуру, чтобы спросить, какого бога или богиню ему следует умиловить. Прежде чем он будет посвящен в мистерии, он посещает занятия каждый месяц в сопровождении своей жены или няни и своих детей. Всякий раз, когда он проходит перекресток, он оmyвает голову. Для особого очищения он приглашает к себе домой жриц, которые, пока он благоговейно стоит среди них, несут около него лукувицу или маленькую

собачку. Если он встречает сумасшедшего или человека в припадке, он ужасно содрогается и плюет ему за пазуху.

Четыре столетия, прошедшие между Теофрастом и Плутархом, в течение которых философский атеизм широко распространился среди образованных классов, по-видимому, не уменьшили потрясающего влияния греческого политеизма на меланхолические умы. Напротив, он, по-видимому, был скорее расширен, чем уменьшен, ибо язык Плутарха сильнее языка Теофраста. Правдоподобие обоих описаний и их соответствие не оставляют места для сомнений в том, что такое влияние религиозных верований греков было у них частым или обычным явлением. Действительно, есть основания думать, что лишь немногие люди серьезного склада, даже если они проникнуты духом скептической философии, могли освободиться от обременительной щепетильности и ужасающих страхов, которые сопровождают каждую форму политеизма, и от которых ни утонченность, ни скептицизм, ни сладострастие, ни легкомыслие, ни хороший вкус, ни утонченные рассуждения греков не могли освободить приверженцев их религии. В качестве иллюстрации этого утверждения можно было бы назвать Юлиана-философа. Помимо ненависти к христианству, на его поведение, очевидно, во многих случаях влиял очень искренний страх перед капризными демонами, падающие интересы которых он так ревностно отстаивал: посмотрите на его магические практики.

Будет видно, что отрывки, подобные процитированным выше, обладают существенной ценностью, если поместить их на свое место среди исторических материалов. Писатели-этики отражают образ принципов и нравов своего времени. В некоторых случаях мы можем делать слишком большие выводы; в других мы можем ошибочно принимать частичное за общее представление; но если с должной осторожностью просмотреть широкую область литературы по этике, *тообщий результат* такой индукции не может сильно отличаться от истины.

Если бы, например, из всего ряда греческих писателей были извлечены все отрывки чисто этического характера и расположены в хронологическом порядке, то сборник предоставил бы возможность установить не только систему морали и религии, которая была известна этому народу, но и фактическое состояние морали и нравов, поскольку оно менялось от эпохи к эпохе. Имея в нашем распоряжении такие материалы, было бы меньше места для догадок и меньше опасности ошибки при определении морального состояния народа, чем при определении степени его политической власти или размера его национального богатства. В отношении этических отрывков, подобных тем, которые мы привели выше, напрашивается один факт, а именно, что в нечестивых авторах мало прямого предостережения или порицания и редко звучит апелляция к признанному стандарту права. Причина очевидна. Греческие и римские авторы-этики обсуждают вопросы морали в тоне, подобающем ученому рассуждению, каждый говорит лучшие вещи в лучшей манере, на какую только способен: — ни один человек не был уполномочен делать больше, чем высказывать свое мнение: ни чувство официальной ответственности, ни повышенная заботливость не придавали серьезности или силы его манерам. Мораль не была основана на религии: напротив, этический трактат, содержащий выражение разума и совести, был одновременно фактическим опровержением национальной теологии и сарказмом в адрес богов. Особенно следует отметить, что обучение и реформирование массы человечества не входило в поле зрения моралистов и философов, которые, развлекая друг друга красноречивыми рассуждениями, не были обеспокоены мыслью о том, что миллионы их собратьев из века в век оставались необученными мудрости и добродетели.

Не так было с народом Палестины. Не философия, а мораль была превыше всего; и нравственности учили в ее зависимости от религии. И этические труды были адресованы не небольшому классу в обществе, а людям в целом: — и адресованы они были не для развлечения, а для обличения: — и эти авторы, вместо того чтобы выдвигать свои индивидуальные мнения и подкреплять их абстрактными рассуждениями, пошли коротким путем апелляции к известному стандарту добра и зла. Они говорят со своими собратьями как бы с высоты и авторитетным тоном; и каждый с серьезностью принимает на себя огромную ответственность. От писателей Палестины современные западные нации научились стилю наставления, увещания и порицания, и это может иметь свое происхождение, черпать силу и поддерживать свое влияние только из Божественного Откровения, доверенного управлению человеческими агентами.

Но наша нынешняя цель заставляет нас заметить, что независимо от того, приписывается ли эта особенность еврейских и христианских писаний их Божественному происхождению или нет, она делает их гораздо более доступными в качестве исторических документов, чем писания других древних народов. Поскольку эти произведения объединяют в себе несколько качеств: *авторитетность, назидательность и популярность*, они не оставляют желать лучшего ни в определении морального уровня мышления автора, ни в действительном уровне манер того времени. Очевидно, что обращение к установленному стандарту и назидательное применение его известных правил к существующей практике людей дополняет необходимые *данные* по вышеупомянутой исторической проблеме. В стандарте мы имеем известную величину, а в увещательных формах обращения у нас есть средство измерения, с помощью которого можно установить действительное состояние нравственности.

Исследование такого рода, если проводить его во всех деталях, доказало бы существование и действие этической системы, настолько чистой и совершенной, что всем последующим нациям, которым она была известна, не оставалось ничего другого, как восхищаться и принимать ее принципы. Что может сделать современный моралист, кроме как обработать материалы, которые он находит в Новом Завете под рукой? Разработать новую теологию или изобрести новую мораль, которая должна была бы соответствовать здравому смыслу человечества, было бы так же непрактично, как предложить новый набор математических аксиом. Истина единственна и проста; и однажды обнаруженная, она должна быть принята и следовать ей. Судя по истории, писатели древней Палестины овладели областями религии и морали.

Но было бы практически возможно установить не только систему морали, которой учат еврейские и христианские писатели, но и действительное состояние морали среди тех, к кому они непосредственно обращались. Еврейские пророки предоставляют достаточно средств для проведения такого исследования; но неизученная серьезность Апостолов и особенно эпистолярная форма их сочинений облегчили бы задачу исследователя и сделали бы ее окончательными по своим результатам. В рассуждении такого рода мы не должны иметь права делать вывод, что обратившиеся к нам люди были непорочны в своей жизни - потому что их учителя называют их "Святыми" - общепринятый термин. Наши выводы должны быть менее двусмысленными. Мы не должны предполагать ничего, кроме того, что необходимо для придания последовательности утверждениям автора: — другими словами, мы должны предполагать ровно столько, сколько считается безопасным и разумным в интерпретации любого древнего автора.

В Посланиях к Галатам и Коринфянам мы находим доказательство того, что Павел был не из тех, кто щадит ошибки тех, кому он писал; и каждое из его писем дает некоторые свидетельства как его пронизательности, так и его искренности. Людям легче переносить, когда их обвиняют в пороках или дурном нраве, чем упрекают в тупости восприятия; но в Послании, адресованном, как кажется, более информированному классу его собственной нации, он без колебаний обвиняет их в неспособности и непрофессионализме. (Евр. ст. 11, 14.) Примеры подобного рода характерны для манеры писателя.

Если отец в письме к сыну обращается к нему на языке одобрительной привязанности; и если его увещевания касаются только достоинств дружелюбного поведения и вспыльчивости, справедливо заключить, что характер сына не запятнан тяжкими пороками; ибо мудрый родитель не стал бы адресовать такое письмо сыну, который “растрачивал свое состояние на разгульную жизнь”. Этот вывод подтвердился бы, если бы мы обнаружили, что тот же самый отец писал другому сыну в выражениях смешанной любви, увещевания и сурового порицания; и что он настойчиво убеждал его в добродетелях справедливости и умеренности. Итак, именно такой вывод мы вправе сделать из Посланий Павла. В некоторых из них он выполняет тягостную обязанность сурового порицания по вопросам общепринятой морали; и в этих случаях он выполняет требования добродетели настолько, насколько это возможно вообразить; и он подкрепляет свои предписания самыми ужасными санкциями. Таков писатель и такова его система морали. Но тот же моралист, обращаясь к другим обществам, пишет в стиле счастливого отца примерному сыну. Послания к Филиппийцам, Фессалоникийцам и Ефессянам относятся к этому типу; и вывод таков: эти общества находились в состоянии, не намного уступающем собственному уровню морали автора. В каждом обществе будет разнообразие характеров, и в каждом многочисленном обществе будут те, к кому мудрый учитель обратится с суровыми предостережениями о главных принципах морали. Так обстоит дело и в этих Посланиях; и эти отрывки являются свидетельством последовательности и верности автора. Однако эти более серьезные предостережения явно адресованы *меньшинству* или отдельному человеку; или они адресованы лицам, которые не входят в черту общества.

Отрывок, который так часто цитируют (Фил. iv. 8), можно сравнить с последними кропотливыми штрихами опытного художника, который, завершив превосходное произведение, неохотно убирает руку, хотя кажется еще возможным придать ему еще больший блеск. Отрывки, подобные этим, написанным таким автором, пронизательность и искренность которого доказаны, служат лучшим доказательством чистоты нравов среди христиан Филиппов.

Другие Послания Павла, а также Послания Иакова, Петра и Иоанна дают примеры того же эффекта. Результатом их выдвижения было бы неопровержимое доказательство того, что учение апостолов произвело высокую степень соответствия тому новому и утонченному стандарту морали, который они провозгласили: — это показало бы, что во многих городах римского мира, где раньше не было видно ничего, кроме бесстыдной распущенности и отвратительного идолопоклонства; или, в лучшем случае, еврейского ханжества или философской гордыни, были сформированы общества, которые были собраны главным образом из более скромных классов, и в которых внезапно возникла и расширилась вся прелесть добродетели, и в которых не было ничего, кроме принесла свои плоды. Новая доктрина изгнала не только богов, но и пороки.

Факты и выводы такого рода часто выдвигались авторами, которые использовали христианскую аргументацию: мы в этом месте не рассматриваем эту аргументацию так, как если бы она была нашим предметом и целью в этой книге. Факты, кратко упомянутые выше, и выводы, которые из них можно сделать, сами по себе справедливо претендуют на место в кратком изложении метода или процесса исторического доказательства. Ибо, если мы утверждаем, что различные отрывки, встречающиеся в этических трудах Аристотеля, Цицерона, Эпиктета, Теофраста и Плутарха, в высшей степени важны как исторические материалы, то уместно также показать, что апостольские послания — какими бы этическими они ни были — относятся к тому же кругу и должны должным образом рассматриваться как достоверные свидетельства, затрагивающие моральное состояние сообщества, в котором они были распространены, и, следовательно, затрагивающие истину и превосходство религии, которая затем распространилась по всему римскому миру.

Сноска

Содержание

[11]

Servus Epictetus sum natus; *corpore claudus*.
Irus pauperie, *deliciæ* Superum.

ГЛАВА XXII.

СОВРЕМЕННЫЙ ИЕРУСАЛИМ — ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЛИТЕРАТУРЕ ЕГО ДРЕВНИХ ОБИТАТЕЛЕЙ.

Содержание

В [двенадцатой главе](#) этого тома, особенно на [стр. 141](#) и до конца, мы ссылались на те памятники древнего искусства — здания, скульптуры, монеты, которые в качестве исторических материалов доступны для подтверждения или исправления утверждений древних авторов; и снова в двадцатой главе мы привели (только в качестве образцов) некоторые примеры, в которых существующие остатки древности могут быть использованы в качестве доказательств правдивости одного из этих авторов — Геродота.

Затем в [четырнадцатой главе](#) мы увидели, какова относительная сила тех доказательств, которые ручаются за подлинность Священного Писания, по сравнению с теми, на основании которых классическая литература принимается как реальная и заслуживающая доверия. Превосходство, на которое мы претендуем в отношении канонических произведений, обусловлено: 1. Количеством копий, дошедших до нашего времени. 2. Высокой древностью некоторых из этих дошедших до нас рукописей. 3. Масштабы географической поверхности, по которой копии были распространены в ранние времена. 4. Значение, придаваемое им их владельцами. 5. Благоговейная тщательность, с которой были выполнены рукописи. 6.

Разделение и взаимная враждебность тех, на попечении кого хранились книги. 7. Заметное влияние писаний на поведение и мнения народов из века в век. 8. Масса и запутанность цитат из них. 9. Существование древних версий. 10. Вымирание местных языков, на которых были написаны книги. 11. Способы сравнения с поддельными и имитационными книгами. 12. Сила вывода, выводимого из подлинности книг, достоверность их содержания. Факты, упомянутые в этих двенадцати главах, заслуживают пристального внимания читателя, и с этой целью они здесь кратко излагаются.

Но теперь есть одно основание для сравнения, вполне подходящее для аргументации такого рода, чтобы опустить все намеки, которые могли бы показаться указанием на сознание слабости; ибо на основании, которое сейчас рассматривается, очевидное преимущество в значительной степени на стороне классической литературы и светской истории. Давайте тогда рассмотрим эту, как может показаться, ущербную часть библейского свидетельства и оценим его действительную важность.

С этой целью мы возвращаемся на час в Британский музей. Проходя по этим салунам, мы оказываемся лицом к лицу с памятниками каждого из основных достижений древней цивилизации; а также с некоторыми из тех, которые были очень ограниченными, малоизвестными и временными. Обширны, разнообразны и достойны восхищения памятники — из мрамора и металла — тому, кем были люди других стран и что они сделали в давно минувшие века. Вот, например, Египет трех- или четырехтысячелетней давности — его люди и их занятия; и здесь его деспотизм, его династии — их так много — представлены в их гигантских подобиях; и мы действительно можем прикоснуться к поверхностям, которые были высечены и отполированы в то время, когда — или до этого времени — Авраам путешествовал из Месопотамии в Ханаан. Здесь также ассирийский деспот, и здесь вавилонянин, и могущественный строитель, и повелитель пятидесяти народов — здесь они сейчас вершат свой суд и показывают нам, перед какой славой и какими ужасами было то, что миллионы людей преклоняли колена и целовали прах во времена Самуила, Соломона и Езекии. Здесь представлены существенные проявления самого раннего развития человеческого разума в совершенно иных условиях — физических, социальных, политических. Вот самые ранние представления о греческом вкусе, интеллекте и свободной идеальности; все это подтверждено; и перед нами также памятники ликийского народа, лидийцев и этрусков; и когда мы переходим к более поздним временам, греческое и римское искусство приводят нас в знакомое соответствие не только с национальными особенностями, но и с индивидуальными личностями тех эпох. Итак, в те времена народ Палестины переходил от низшей ступени к высшей, кульминационной точке своего национального существования. Где же тогда в этом великом скоплении народов древности — где находится Палестина? Неужели здесь нет никого, кто представлял бы ее и оспаривал место народа, чья литература пронизывала весь цивилизованный мир? Книги народа Палестины есть в каждом доме, в каждом священном здании, их можно найти во дворцах и в коттеджах, и они бережно хранятся в сердцах добрых людей — высоких и низких, и сохранились в памяти всех. Почему же тогда люди Палестины и почему ее религиозные обряды не должны быть представлены в мраморе и металле наших музеев?

Действительно, можно сказать, что древняя Палестина не совсем отсутствует в музеях Европы; ибо среди десятков тысяч образцов античных чеканок найдено несколько монет времен Маккавеев с их невинными и простыми символами; а в серии имперских монет есть несколько

свидетельств о факте свержения еврейского государства; там изображена женщина, сидящая у пальмы — представительница Judae Devicta. Нужно ли нам спрашивать о причине отсутствия скульптурных памятников этого человека у народов древности?— Отсутствие скульптуры — это, по правде говоря, слава этого народа; отсутствие свидетельств, которые мы могли бы искать, действительно является свидетельством благороднейшего из всех отличий - того, что мы так долго обладали и поддерживали свободное социальное устройство и истинную теологию.

Если бы в это время был отдан приказ убрать из Британского музея все памятники жестокой тирании и чувственному идолопоклонству Египта, Ассирии, Греции и Рима — если бы были изгнаны все предметы, свидетельствующие о деспотизме или порочных религиях древних народов, какой скудной осталась бы экспозиция после того, как такая очистка была произведена! Именно поэтому слава этого народа — слава, не имеющая себе равных, — заключается в том, что в музеях Европы не сохранилось скульптур, представляющих его! Тем не менее, памятники ее истории можно найти, если искать их там, где это разумно, а именно в самой Палестине и особенно в Иерусалиме.

Некоторые — скажем, пять или шесть — из главных городов древности продолжали быть населенными с самых ранних времен до наших дней; таковы Дамаск, Константинополь, Афины, Рим и Иерусалим. Последствиями этого непрерывного освоения одних и тех же участков были — в большей или меньшей степени в каждом конкретном случае — такие, как эти, — сохранение некоторых из самых древних подземных сооружений; наложение структур каждой эпохи слоями или отложениями, напоминающими слои земной коры; смешение старых материалов с более поздними постройками каменщиков; и, в целом, создание современного города, возведенного, можно сказать, на голове и плечах древнего города. Такие города, исследуя которые, мы находим свидетельства того, что они подверглись этим нескольким условиям, можно было бы назвать историческими городами; и только из этих источников — или, если бы не было других доступных — мы могли бы собрать обильный материал, приспособленный для иллюстраций *письменной истории* народов и придания ей наиболее убедительных подтверждений.

Самое краткое изложение того, что мы здесь утверждаем, включающее всего два или три примера, заняло бы большое место. Образованному читателю не нужно объяснять, что на самом деле было сделано таким образом в отношении Афин и Рима. Нечто в том же роде в течение нескольких лет было осуществлено и в отношении Иерусалима; но в данном случае очень многое еще предстоит сделать; и многое, несомненно, будет сделано в недалеком будущем, когда турецкая опека над Палестиной прекратится или когда магометанская зависть уступит место европейской интеллигенции. Мы обращаемся к этому примеру в заключении данного тома, потому что он должным образом сразу привлекает внимание к нескольким видам фактов и утверждений, которые относятся к нашей аргументации.

Таким образом, мы включаем в нашу перспективу современный Иерусалим. За исключением двух коротких периодов — после взятия и ниспровержения города — Иерусалим был населен *непрерывно* на протяжении трех тысяч лет; и на протяжении всего этого периода письменная история сопровождала его судьбу, даже с древнейших времен, до настоящего времени. Если в этом месте можно позволить себе метафору — и такую метафору, — мы должны сказать, что, рассматривая всю массу подлинной истории как органическое тело, Иерусалим — один и тот же твердый материал из века в век — является опорой всей истории; или, говоря

простым языком, что этот единственный город является самой основой хронологии. Несомненно, и в последнее время это становится все более и более очевидным из года в год, что в каждом случае, когда ведущие события древнееврейского языка и еврейской истории могут быть установлены с точностью, такие фиксированные точки выдвигают ребра, которые поддерживают незакрепленные материалы египетской, ассирийской, персидской и македонской истории.

Особенность этого единственного древнего города в том, что он переходил из рук в руки и долгое время находился под оккупацией каждой из великих империй, имевших место иназвание в мире, в течение трех тысяч лет. Каждая из этих держав прочно укрепила себя внутри и вокруг своих стен. Это действительно узкое пространство, чтобы вместить архитектуру десяти империй; или, если быть более точным, семи империй и трех королевских владений. И все же это так; и в подтверждение этого факта и как следствие этого, если бы в данный момент мы готовились к ознакомительному пребыванию в Святом Городе на шесть или двенадцать месяцев, мы сочли бы необходимым набить наши чемоданы книгами, древними и современными, которые в ретроспективном каталоге включали бы—I. Основные современные труды или путеводители, которые показывают, что франки сделали за последнее время на пути строительства церквей, монастырей, больниц, хосписов и частных резиденций. II. Такие записи, какие могут быть (если таковые имеются) о действиях турок в том же или сходном стиле; и многое было сделано пашами при ремонте стен, а также при переделках и ремонтных работах внутри и вокруг Харама. III. Арабские писатели (их немало), постисламские и доисламские, такие как Абульфедда и другие, в чьих трудах, по крайней мере, случайно, встречаются упоминания о сарацинских структурах их “Аль Кудса”. Многое связано с мечетью Омара и Аль-Аксой. IV. Вся масса историй о крестовых походах — писатели, которые собраны вместе в этом объемистом фолианте, “Gesta Dei per Frankos”. С ними, должно быть, связано очень много авторов пятнадцатого и последующих веков, трактующих о топографии Палестины, таких как Адрихомий в “Theatrum Terræ Sanctæ”. V. Византийские авторы, которые затрагивают церкви и монастыри Святой Земли; с Прокопием и его описанием построек Юстиниана: ранние маршруты, греческие и латинские; и среди них должен найти свое место Иероним. VI. Некоторые из греческих Отцов Церкви — Кирилл Иерусалимский и Евсевий. VII. Греческие и римские светские историки, последовательно; от которых мы узнаем все, что можно знать о судьбе города после его падения и в годы его осквернения, как Элии Капитолины, языческими храмами и их нечистыми обрядами. VIII. Иосиф Флавий и Книга Маккавеев являются нашим авторитетом в отношении построек Ирода, многие бесспорные остатки которых можно различить среди руин города. Тот же автор и, возможно, кто-то из раввинов приводят свидетельства, необходимые для интерпретации существующих останков асмонеяского периода; с этого момента, или, мы должны сказать, выше, это — IX. Еврейским пророкам и историкам, что мы должны искать необходимый нам свет, насколько это возможно *в письменных памятниках* времен Ездры, Неемии, Езекии, Соломона, Давида.

Таким образом, представляется, что, продвигая те исследования, которые уже частично были проведены, и которые сейчас продолжаются, и которые могут быть осуществлены позже в Иерусалиме, мы делаем и что мы еще будем делать, вот что— мы берем древние письменные свидетельства об этом городе, страницу за страницей, и мы проверяем каждый из наших источников с помощью архитектурных остатков тех же времен - даже с самых отдаленных периодов, вплоть до нашего века. Именно этот Иерусалим, в отличие от любого другого

древнего места, предоставляет средства и материал для сопоставления и проверки литературных записей народа с помощью дошедших до нас памятников.

Архитектурные остатки, подобные тем, которые требуют труда антиквара в Афинах, Риме и Иерусалиме, требуют изучения в связи с четырьмя различными объектами; — во—первых, - использованные *материалы* (в геологическом смысле); и вопрос, на который необходимо ответить, заключается в следующем: откуда они были взяты — из ближайших карьеров или из отдаленного региона? *Второй* из этих запросов относится к стилю и качеству *работы каменщика*— иными словами, мы должны отметить любые особенности, которые могут относиться к способу придания квадратной формы каменным блокам, подгонки их друг к другу и размещения слоями; или к изготовлению кирпичей, если о них идет речь. *Третий* запрос, по сути, является *архитектурным*, и он учитывает декоративный стиль сооружения, его внешний вид и красоту, рассматриваемые как произведение вкуса. Затем следует *четвертый*, и это самый важный вопрос — находятся ли эти ходы каменной кладки там, где мы их сейчас находим, — в их первоначальном, первобытном положении; или эти блоки были сдвинуты, опрокинуты и разбросаны, а позже собраны заново и использованы строителями более позднего периода? Это последнее исследование часто является определяющим в отношении сомнительных моментов истории; и в рассматриваемом нами примере оно имеет особое значение, поскольку есть основания предполагать, что по крайней мере некоторые из массивных массивов — огромных блоков, на которых покоятся разнородные структуры современного Иерусалима, — были сдвинуты, перевернуты и снова заменены, как и вначале, не раз и не два по прошествии веков.

На первый из вышеперечисленных вопросов наш ответ прост: материал для строительства древнего Иерусалима был добыт в карьерах совсем рядом: это известняковая порода на самом месте города. Это всегда предполагалось; и этот факт недавно был более полно подтвержден исследованиями доктора Баркляя,^[12] американского врача, долгое время проживавшего в Иерусалиме. В обширных пещерах, которые подрывают Безету, и на большой глубине под поверхностью нынешнего города материнская порода, вне всякого сомнения, показывает, какие массы были вытесаны из нее, а именно те большие блоки длиной шестьдесят футов, которые лежат в основе стены Храма и городской стены во многих местах и большей части внутренних районов города. В тех пещерах, таких, какими мы их находим сейчас, эти блоки были обтесаны, их края скошены, а их поверхности — верхняя и нижняя - были тщательно подготовлены для их установки в соответствии с методами высокоразвитого мASONского искусства. Что касается этого искусства *строителя*, то оно таково, что им не мог заниматься никто, кроме людей, хорошо развитых в практическом уме, и которые наслаждались богатством и спокойствием, присущими надежному политическому положению. Работа каменщика, характерная для циклопических фундаментов Храма и древней городской стены, такого рода, что сразу же привлекает внимание, и она говорит о своем отдаленном происхождении почти так же понятно, как это могла бы сделать надпись.

The *Архитектурные* особенности Иерусалима, как древнего, так и современного города, не могут не быть понятны тем, кто знаком с этой отраслью антикварных знаний. Мы легко читаем различные судьбы города, обозначенные справа и слева, в дверях и за их пределами, разбросанные по поверхности и глубоко в колодцах, резервуарах и пещерах, встроенные в стены и беспорядочно перемешанные с высеченными трудами мастеров других эпох. Единственным источником двусмысленности является то, что возникает из-за этих

беспорядочных смещений, когда фрагмент, капитель, антаблемент, явно римский, византийский или нормандский, настолько прикован к структуре, в которую он встроен, что скрывает то, что могло бы указывать на хронологию более ранней работы. Тем не менее, среди множества подобных неопределимых вопросов не может быть никаких сомнений в том, что в архитектурных остатках Иерусалима и среди них мы рассматриваем образцы искусства строителя на всех этапах и во всех стилях и модах, которые ему принадлежали, с самых отдаленных времен до новейших.

Что касается четвертой из вышеназванных областей исследования, то, несмотря на ее историческое значение, решение связанных с ней проблем должно подождать того времени, когда это место без всяких оговорок и ограничений будет предоставлено трудолюбию и интеллекту европейских антикваров.

Нам необходимо напомнить о том факте, что, знакомясь с книгами Ветхого Завета в детстве, мы лишь годы спустя учимся исправлять неправильные хронологические представления, возникшие из-за неправильной их корректировки относительно порядка времени. Эти ранние ошибочные представления продолжают преследовать воображение, возможно, на протяжении всей жизни, и мы упускаем из виду или совершенно забываем тот факт, что между пророками, которые по очереди читаются утром и вечером в неделю, проходит период в четыреста или пятьсот лет. Руководствуясь этими хронологическими ошибками, мы, вероятно, перенесем вперед, в эпоху зрелости народа, концепции, которые принадлежат только эпохе их патриархальной и кочевой простоты. Некоторые немногочисленные просвещенные читатели Библии могут быть совершенно свободны от любых подобных заблуждений; но, вероятно, многие подвержены им. Более того, серьезный тон вдохновенных авторов и их целеустремленность, столь непохожие на традиционную и утонченную манеру других авторов, подтверждают идею о том, что еврейский народ продолжал из века в век жить в условиях пасторальной простоты.

Таково было далеко не их состояние; и более внимательное прочтение исторических книг Ветхого Завета и пророков позволит предположить, и более чем просто внушит веру, что этот древний народ достиг такой стадии развития в жизненных искусствах — материальных и декоративных, — которая ставит их, по крайней мере, на один уровень с любым народом, который был их соседями и современниками, или с любым, который известен нам по их записям и памятникам. Это правда, что мы привыкли думать о храме Соломона как о великолепном сооружении; и все же описания, данные о нем в Книгах Царств и Хрониках, производят впечатление скорее о его металлическом великолепии и богатстве декора, чем о циклопическом стиле каменной кладки, которая его поддерживала. Действительно ли это была великая работа в архитектурном смысле? На этот вопрос возможен ответ. Ряд пророков, выполняя свою функцию обличителей национальных грехов, упоминают и порицают роскошный стиль и роскошные манеры тех, кто тогда был князьями народа; однако они не хвастаются, как если бы они гордились богатством, искусствами и обученным мастерством своих соотечественников. Тем не менее во многих частях пророческих писаний встречаются случайные упоминания о великолепии частных построек города — о домах из тесаного камня, домах, обшитых дорогим деревом, украшенных слоновой костью и золотом и оснащенных всеми приспособлениями, которые только могут потребоваться для изысканной роскоши, говорят даже некоторые из ранних пророков. Следовательно, мы должны верить, что

Иерусалим древней монархии был городом дворцов и княжеских особняков, на строительство которых не жалели средств.

Таким образом, здесь две части логически вытекающего аргумента соприкасаются; и это происходит как раз на линии фундаментов дворцов и особняков древнего Иерусалима. Момент таков: мы держим в руках разнообразную литературу древнего народа; эта литература пересекла поля времени в тех нескольких способах передачи, которым мы уделили внимание на предыдущих страницах; таким образом, она *благополучно* попала в наши руки; она засвидетельствована таким количеством способов и с такой уверенностью, что сейчас говорить о ней так, как будто она сомнительна, было бы просто ханжеством. Повсюду в этих трудах мы находим случайные упоминания о роскошном стиле высших классов народа, в их образе жизни и в убранстве их общественных и частных зданий; по крайней мере, это касается видимых частей таких сооружений. Цари и знать еврейской монархии были людьми очень богатыми; в их распоряжении были обильные доходы, и они великолепно тратили их. Обращаясь к документам — пергаментным свиткам — томам пророков тех эпох, мы должны сделать из них такие выводы.

Но что это за объекты, которые предстают перед нами, когда мы с киркой в руках спускаемся на уровни древнего Иерусалима? То, что мы там находим, — это ряды каменной кладки высокой степени обработки, с которыми по размерам отдельных блоков и затраченному на них труду ничто не может сравниться, если только это не в Египте и Пальмире. Вывод верен, а именно, что жители этого города — даже те, чьи сооружения, священные и домашние, лежат в основе памятников восьми или девяти последовательных империй или царств — первобытные люди — должны были быть богатыми и далеко продвинутыми в искусстве, а также широкими в своих концепциях и смелыми в своих предприятиях. Это был великий и хорошо цивилизованный народ, и они были такими в то время, когда, как сообщает нам греческий историк, предки его нации были мелкими мародерами на море и суше и питались желудями!

Таковы выводы, к которым мы приходим после тщательного изучения литературы еврейского народа, если сейчас, в этот день — и все же именно в том смысле, которого он не имел в виду, — мы прислушаемся к приглашению одного из его поэтов, который призывает нас “Пройтись по Сиону и обойти его кругом”, и “рассказать о башнях его, и хорошо отметить его бастионы, и рассмотреть его дворцы”; ибо, поступая так, мы найдем способ утвердить себя в тех убеждениях, сила которых касается каждого из нас самым сокровенным образом. .

КОНЕЦ.

Б. КЛЕЙ, ПЕЧАТНИК, БРЕД-СТРИТ-ХИЛЛ.

Сноска

Содержание

[12] “Город Великого короля”.